

Записки неинтересного человека

2

Игорь Ушаков

САН - ДИЕГО
2010

Игорь Ушаков

Записки
неинтересного
человека

2

San Diego
2013

Дизайн обложки:
Кристина Ушакова

На лицевой стороне обложки:
портрет автора.

На обратной стороне обложки
картина автора «Свеча горела на столе...»

Copyright © 2010 by Igor A. Ushakov

АЗЪ ЕСМЪ

Вы помните, конечно, романс «Утро туманное» на слова Ивана Сергеевича Тургенева? Там есть такая строка: «...вспомнишь и время былое, вспомнишь и лица давно позабытые».

Вот и мне захотелось вспомнить. И не свою жизнь, в общем-

то, она достаточно обычна, а в основном – встречи с интересными людьми, на которых мне просто везло в моей жизни.

Так что это не мемуары в прямом смысле, а скорее сборник коротеньких рассказиков. Конечно, я не мог обойти молчанием и некоторые эпизоды из своей жизни, которые могут дать читателю представление не только обо мне, но и о не так давно ушедшей со сцены истории стране, о том, как мы жили, как любили, как подонкихотски боролись с ветряными мельницами.

Возможно, именно это будет интересно для молодых чи-

тателей. Ну, а у моих сверстников это может всколыхнуть свои воспоминания о юных годах. А ведь юность всегда прекрасна!

Если после прочтения книги появится желание, пишите: igorushakov@gmail.com.

Игорь Ушаков
Сан-Диего, Новый Свет
Новое тысячелетие

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТЕТРАДКА №7	7
Борьба со страхом * Лучший методист Москвы * Герои «Педагогической поэмы» * Как я попал в НИИ АА * Трехязычный словарь Дора и Поппель * Визиты Бориса Владимировича Гнеденко в Америку * Премия имени Кржижановского * Степан Дмитриевич Эрзя * «Шестидесятникам» вечно не спится! * Выход из пар- тии большевиков * Как я нарушал научную этику * Спасибо от не защитившего- ся аспиранта * Лед тронулся, господа присяжные заседатели! * «Письма пишут разные – слезные, болезненные...» * Тяжела ты, шапка Мономаха!.. * Диплом Обще- ства Пушкинистов	
ТЕТРАДКА №8	52
«Не укради...» Да разве это кража?.. * Мы жертвою пали... * «Бобра» убили! * А вам приходилось работать на военном полигоне? * «Друг может только пре- дать...» * Введенный член... * Главный кибернетик Советского Союза * Лев Ар- деннских лесов * Зал встретил меня бурной овацией, стоя * Верю ли я экстрасен- сам? * Об одном антисемите, которого я очень люблю * Трояк по марксизму * Сын друга Тельмана * Спасибо Американской морской разведке * Пересоленный омуль * ... Лично зам Министра культуры * Лысый черт и юный ленивец	
ТЕТРАДКА №9	99
Священная война * Первый сексуальный опыт * Пуговица от ширинки * Лета- ющий гроб * «Гуманитарные» встречи с Борисом Владимировичем * Ух ты! Ах ты! Все мы космонавты * Операции бывают не только хирургические * Нет пове- сти печальнее на свете... * Вечно живые трупы... * Один из лучших моих аспи- рантов * Сколько у меня их было? * ТОКИО →ТОКИОТО → КИОТО * Начи- нающий Диофант *Я и Биллу Клинтону писал... А фиг ли ж? * Голосование в карман	

ЗАПИСКИ НЕИНТЕРЕСНОГО ЧЕЛОВЕКА

ТЕТРАДКА №10	140
Что может быть вкуснее печеной картошки?.. * «Бычки» в моей жизни * Мои первые десять «лигрыл» * Неравенства в марксизме * Благонадежность электронной аппаратуры * Как хорошо отдавать долги вовремя!* Корабль в обмен на пару омулей * Иван-Филипп * Умеее ли вы покупать на армянском рынке? * Холодная война на человеческом уровне * И некруглые даты иногда запоминаются * Белорусская виза * Первое в жизни суши на японской суши * Самые страшные случаи в моей жизни * По ночам я бываю сладкий... * Вот такая у меня была Мама * Первые воспоминания * Первое осознание себя лохом.	
ТЕТРАДКА №11	174
Пленные немцы * Первая любовь не ржавеет * Зри в оба! * Политика в инженерном деле * Тетрис * Александр Александрович Харкевич * Дю Пан * Первые шаги нашего знаменитого диссидента * «Ученых трудов не имею...» * Математические модели разоружения * Форум Гнеденко * Наш Ученый Совет * Ученым можешь ты не быть, но доктором наук – обязан * Николь-Николашка * «Что за комиссия, создатель...» * Во сне и наяву * От этого не умирают...	
ТЕТРАДКА №12	210
Маленький Сцеволик * Как я даром зарабатывал пятерки * У Швейка – подпоручик Дуб, а у меня... * Как сохранять секреты * Как я ни разу не стал замом директора * «Тёточка-Лизочка» * Гений Руси *Нет ли у вас кусочка дерьма? * Шекспир и Гамлет * Дан приказ ему – на Запад...* Халява, please * Картина под цвет обоев * «Страный» ковбой * Двойственное впечатление * О чем не умолчишь	
ЭПИЛОГ	234
ПРОЩАНИЕ	243
СПИСОК ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ	244

ТЕТРАДКА №7

ПРО ДЕТСТВО

Борьба со страхом

Откуда появляется у ребенка это непреодолимое желание подергать себя за нервы, побороть свой физиологический или «предрасудочный» страх? Или, может, у мальчишек моего поколения это было связано с войной?

Когда мне было 6 лет, мы жили в эвакуации в Свердловске в Студгородке около сортировочной станции. У нас была команда не то чтобы сорванцов, но независимых безнадзорных дошколят (в школу тогда брали с 8 лет). Мы с друзьями (правда, все были чуть старше меня, так, на год – на два) испытывали себя следующим образом: каждый должен был лечь между рельсами и ждать, когда над тобой проедет паровоз обычно с двумя-тремя прицепленными товарными вагонами. Нужно сказать, что это было очень и очень страшно, хотя находились смельчаки, повторявшие этот трюк по несколько раз подряд.

Со мной, как всегда, приключился курьёз.

Не отставать же от всех, решил я и тоже лег на живот, весь прямо-таки вжался в землю, закрыл затылок ладонями и затих. До сих пор помню «предсмертный» запах земли между шпалами – смесь мазута и мочи... Лежу-лежу... Прошла вечность... Сердце стучит аж в пятках...

Вдруг что-то касается моего плеча. Я замираю совсем... Но оказывается, это подошел дружок, сказать, чтобы я вставал: паровоз пошел не по той ветке в этой сложной паутине сортировочной станции!

Мне «зачли» мой «подвиг», поскольку главным было решиться, а не пролежать. (Это как в зубном кабинете: сел в кресло, а страшно или не страшно – уже не важно, сидишь с раскрытым ртом до конца!) Сознаю, что больше я себя так не испытывал, а поездов начал бояться!

ЗАПИСКИ НЕИНТЕРЕСНОГО ЧЕЛОВЕКА

Боюсь я и высоты. Но ведь тогда ж в те же 6-7 лет непременно нужно было залезть по железной лестнице до конца трубы нашей котельной. Она казалась страшно высокой, прямо до самого неба (хотя была, может, высотой всего с 5-этажный дом). Чтобы чувствовать «страховку» я лазил спиной к трубе и лицом наружу. Я, дурила, не понимал, что от этого было еще страшней: я же смотрел на всю эту открывавшуюся даль и ощущал всю неумолимо страшную высоту. Ноги были ватные, но нужно было лезть! А ведь и ступеньки то тогда были громадными, приходилось почти подтягиваться каждый раз...

А внизу стояли и глазели дружбаны, приходилось еще с замирающим сердцем помахать им одной рукой – вот, мол, я какой! Думаю, что каждый из них с замиранием сердца дожидался своей очереди показать свою «храбрость».

Если бы кто из моих детей повторил то же – высек бы, как сидорова козла!

Но вот уже 10-летним, после своего падения с дерева, когда я едва не расшибся насмерть, я решил опять бороться со страхом высоты, которого стало после моего «полета» еще больше, чем было: вставал на балконе с внешней стороны, т.е. спиной к улице и отклонялся, держась за перила. У меня и сейчас мурашки бегут по спине от одного воспоминания... Ну, а это зачем было нужно? Ведь от страха высоты я не излечился. Нет, мальчишек в детстве нужно хорошенько сечь, чтобы они во время набирались уму-разуму! (И опять повторюсь, что сына моего эта моя «теория» обошла!)

В том же Свердловске мы с пацанами ходили с закатом солнца на кладбище поесть малины! Я всегда боялся темноты, в детстве меня мучили кошмары со всякими чудящими. Все, видимо, усугублялось тем, что в моем раннем детстве моя мама приучала меня к бесстрашию, читая страшные сказки. Как сейчас помню, как она читала мне Гоголевскую «Страшную месть» и каким-то диким, нечеловечьим голосом (в полном соответствии с авторским указанием в тексте) стонала: «Душно мне! душно!» Храбрости она меня не научила, а вот мурашки по спине бегают от одного воспоминания... Стал в результате я бояться не просто темноты, *чего-то* в темноте.

А на кладбище, среди могил и вовсе чудилась такая чертовщина! Да еще кто-нибудь пошутит и завоет диким голосом... Зачем нужно было себя истязать?

ЗАПИСКИ НЕИНТЕРЕСНОГО ЧЕЛОВЕКА

Главное, что все зря: я и сейчас боюсь высоты, темноты, одиночества, замкнутого пространства, воды, леса, пещер... Ну, может, не боюсь в прямом смысле этого слова, но уж неприятное чувство всегда присутствует. Бр-р-р-р...

Но, видимо, дурь неизлечима... Боясь воды, я всегда купался в сильных волнах на Черном море, хотя когда смотрю по телевизору катание на досках внутри «грубь» океанской волны, то волосы на голове шевелятся (благо, что осталось их уже немного!).

А это разве не дурь? После первой операции на сердце я потерял чувство страха, всякого, включая и страх смерти. Примерно через четыре года после той операции поехали мы с Таней и Кристиной отдохнуть в Мексику, на Тихоокеанский курорт Икстапа. Там на пляже можно было полетать за катером на парашюте. И вот почти уже шестидесятипятилетний идиот полетел! Летел я достаточно высоко: пятиэтажная гостиница, в которой мы жили, казалась мне величиной с ящик от телевизора. Но страха не было. Даже обидно!

Летел я с кинокамерой, снимал всю эту красоту с высоты птичьего полета. Дочка попросила посмотреть запись – страсть, как интересно! Я при ней «отмотал» фильм назад, она посмотрела и потом повторила мои действия: отмотала фильм опять назад. Я этого не знал и продолжал снимать наше путешествие дальше. Когда зачем-то я стал проверять, что было снято, то с ужасом увидел, что своими последними съемками я затер все кадры моего полета!

Момент моего приземления

Пришлось года через три, когда мы опять поехали отдыхать в Мексику, полететь опять, чтобы вновь заснять фильм. Я почти с радостью почувствовал страх: вылечился, наконец, от отсутствия страха смерти! Опять почувал это ощущение «гибельного восторга» от высоты, от опасности. Все же нормальный человек должен бояться.

Правда, это случилось, возможно, из-за того, что стараясь избежать столкновения с таким же встречным «воздушным путешественником», рулевой моего катера сделал некий маневр, в результате которого натяжение троса ослабло, и я резко упал вниз метров на десять, пока трос опять не натянулся. Летал я опять с кинокамерой, которая запечатлела не только мой полет, но и те мои эмоциональные чисто русские восклицания во время падения. Поэтому во время показа фильма, когда дело подходит до соответствующих кадров, я на время выключаю звук...

Больше летать пока не хочется... Но кто знает, где предел человеческой глупости и азарта?

ПРО ШКОЛУ

Лучший методист Москвы

Повезло нам в школе с физикой. Преподавал нам ее лучший методист Москвы (было такое звание) Юрий Павлович Европин, которого промеж себя мы величали «Юрка». Был это не в меру плотный человек, с почти все время ехидно улыбающимся лицом, лысый – ну, ни дать, ни взять мистер Пикквик, только без очков.

Чтобы начать со смешного, вспомню эпизод с генератором электростатического электричества (кажется, называемом «машиной Фарадея»). Юрий Павлович объяснил нам, что он собирается делать, как должен появиться с треском довольно сильный разряд – такая небольшая молнийка. Вот он раскрутил колесо с металлическими наклейками и сказал: «Смотрите, сейчас появится искра!» Вдруг откуда-то из середины класса возник робкий голосок: «А не #\$\$%-ет?» - «Не должно бы...» Громкий разряд! «Кто сказал?» – гневно вопрошает опомнившийся учитель, но никакого расследования не проводит.

Потом этот реальный эпизод я неоднократно слышал в форме анекдота от нескольких человек, не имевших отношения к нашей школе.

Я думаю, что Юрий Павлович вполне бы мог быть реальным героем известного анекдота про учителя географии, который начал первый урок словами:

- А теперь, ребята, я покажу вам, как натягивают презерватив на глобус...

ЗАПИСКИ НЕИНТЕРЕСНОГО ЧЕЛОВЕКА

- А что такое глобус? – задают вопрос четвероклассники.

- Вот это-то я и буду вам объяснять в течение этого учебного года...

Любил Юрий Павлович и пошутить, да так, что у нас сердце заползало в пятки. У нас в классе были Макаров, Мареев, Марков и Маслов. Юрий Павлович любил так вот по-иезуитски говорить: «К доске отвечать пойдет Ма... Ма...» – при этом глядит в класс, кто прячет глаза – «Ма... Маслов!»

Но не думайте, что учительский садизм и ловля бездельников были ему свойственны. Напротив, он стимулировал всячески инициативу и желание выучить физику. Например, если ты не сделал домашнего задания, то получал двойку с индексом «д». Эту оценку можно было исправить, сделав, как говорил наш физик, «приборчик». Мы этим активно пользовались.

Я сам однажды в конце четверти, имея за ответы в классе 5,4 и 4, решил получить-таки четвертную пятерку, хотя у меня не было шансов быть вызванным к доске. На предпоследнем в четверти уроке я заявил, что не сделал домашнего задания, за что получил «2-д» и задание сделать «приборчик» – большого диаметра проволочное кольцо с подсоединенной к нему батарейкой на подвеске. Это кольцо должно было в магнитном поле Земли работать, как компас. Было сказано, что описание этого приборчика я могу найти в такой-то книге, а книгу могу наверняка найти в Ленинской библиотеке. Это был мой первый визит в Ленинку! Я сделал «приборчик», получил за него вместо «2-д» пятерку и, в результате, вождеденную пятерку в четверти.

Но Юрий Павлович умел стимулировать и другим способами. Понимая, что ранняя тройка может испортить финальную картину в четверти, он вдохновлял нас продолжать учить уроки, поскольку при 3,4,5,5, вы поставите сколько? Думаю, что твердою среднюю четверку, не правда ли? А вот Юрий Павлович ставил пятерку, объясняя это тем, что «первая тройка была случайностью».

Ах, много теряет современная американская система школьного образования, которая полностью исключает общение ученика и учителя! Я убежден, что эти нелепые «множественные выборы» мало характеризуют реальные ЗНАНИЯ.

Ну, да бог с ними, с американцами! Жаль только, что недоучки у них до Президентов доходят... А мы все стараемся «догнать и перегнать Америку» – старая мечта большевиков...

ПРО ИНСТИТУТ

Герои «Педагогической поэмы»

Кто читал «Педагогическую поэму» А.С. Макаренко, должно быть, помнит одного из главных героев романа Семена Карабанова и черноглазую черниговку Галю. Мне посчастливилось познакомиться и близко узнать прототипов этих литературных героев – Семена Афанасьевича и его жену Галину Константиновну Калабалиных.

* * * * *

Когда я учился в институте, мы вечно над кем-то шефствовали, ездили в колхозы собирать гниющий в полях урожай, разбирали потом то, что собрали, в «овощегноилицах»... И вдруг нам повезло: в сферу шефской деятельности МАИ попал детдом, который был недалеко от подмосковного захолустного городишка Егорьевска, в совсем уж Богом и партией забытом поселке Клемёново.

Семен Афанасьевич и
Галина Константиновна
Калабалины

Наша институтская группа оказалась в числе выбранных для работы на этом участке «идеологического фронта». Присоединились к нам и наиболее активные ребята из других групп, а всего было человек пятнадцать. Возглавлял бригаду наш комсомольский

вожак Гена Лукашов – штангист, волейболист и вообще «ШП¹» магаданского «разлива»: его родители всю жизнь проработали на Дальнем Востоке по комсомольской путевке.

В одну из суббот, протрясаясь в грузовике по подмосковным ухабистым дорогам всего часа три, мы приехали, наконец, в Клемёновский детдом. Встретил нас директор детдома – крепко сложенный мужчина с седым бобриком на голове и с живыми глазами, сияющими юмором и энергией. Он провел нас в небогатые палаты своего заведения, которые, однако, блистали чистотой и поражали своим порядком. Потом в большом зале, служившем клубом, мы прослушали его живой и непринужденный рассказ. Рядом с ним сидела завуч, немолодая уже женщина с черными молодыми глазами.

На стене вместо традиционно-неизбежного портрета Ленина или Сталина висел портрет Антона Семеновича Макаренко. Зашел какой-то общий разговор про детские дома и, не помню как, выяснилось, что Макаренко учитель Калабалина... Он рассказал нам, что он и есть тот самый отпетый вор Семен Карабанов, которому Макаренко доверил посторожить сумку с деньгами и воз с продовольствием, пока сам ходил по каким-то делам в какую-то контору. Такое доверие настолько ошеломило Семена, что он не смог предать такое доверие и сбежать, прихватив огромную по тем временам сумму денег.

А сидевшая рядом с ним завуч и была той самой черниговкой, ставшей его женой.

Семен Афанасьевич много рассказывал потом о своей нелегкой жизни, о трудностях, которые приходится постоянно преодолевать в борьбе за детей: он, например, добился того, что детдомовцев после седьмого класса не отправляли всех в ФЗО² или техникумы, а давали возможность тем, кто хорошо успевал в школе, получить полное среднее образование, откуда открывалась дорога и к высшему образованию.

¹ На «фене» это означало «швой парень».

² Для непросвещенной молодежи: ФЗО=фабрично-заводское обучение.

ЗАПИСКИ НЕИНТЕРЕСНОГО ЧЕЛОВЕКА

Во время войны Семен Афанасьевич был разведчиком, попал в плен к немцам, после безуспешного допроса его расстреляли на краю деревни и наспех засыпали землей. Но, как пел Высоцкий в одной из своих песен, его «недострелили». Проходившая вечером молодая женщина услышала из-под земли стоны и, не побоявшись нечистой силы, раскопала тяжелораненого Калабалюна. Его выносили, держа в подполе, а потом проводили к партизанам. У партизан тоже было непросто: все боялись провокаторов и подсадных уток, поэтому Семен Афанасьевич при первой возможности был «на всякий случай» переброшен в тыл. Для наших «особистов» он был военнопленным, его опять чуть не расстреляли уже наши за измену Родине – а наши бы не промахнулись! Но впоследствии, разобравшись, даже наградили орденом.

* * * * *

Порядок в детдоме был весьма демократическим. Калабалюны относились к своим воспитанникам так же, как и к своим собственным детям, Антону и Лене. (Кстати, и дочь и сын пошли потом по стопам родителей.)

Жила семья Калабалюных в комнатах, примыкающих к кабинету директора. Мебель у них была такой же, что и во всем остальном детдоме, кроме, может, двуспальной кровати. Ели они всегда в той же столовой, что и детдомовцы, из того же котла. Единственно, их стол стоял немного в стороне. Семен Афанасьевич объяснил, что процесс принятия пищи – это в некотором смысле процесс интимный. Кому-то может не понравиться ваша манера есть, пить, вытирать рот салфеткой. Это может испортить ваш образ в глазах учеников...

Рассказывал Семен Афанасьевич и о своих неудачных попытках подражать Макаренко. Может, помните, у Макаренко описан эпизод, когда одного воспитанника «застукали», когда он на резке хлеба съел пару ломтей. Время было голодное, да и вообще бывших беспризорников надо было отучать от хапошничанья. Макаренко построил всех, вызвал провинившегося перед строем, дал ему буханку хлеба и сказал: «Ну, ты ешь, ешь хлеб, но перед всеми». У того, конечно, кусок в горло не полез... Это был урок всем.

Калабалюна решил однажды повторить этот урок. Как-то один из воспитанников, дежуря по кухне, отщипнул крылышко вареной курицы и съел, но был замечен. Когда Калабалюна повторил

«моральную экзекуцию» по макаренковскому рецепту, его ожидал полный провал.

Воспитанник стоял перед шеренгой своих товарищей, с вареной курицей в руках... Все вроде бы шло по желаемому сценарию... И вдруг парень начал аппетитно уплетать эту курочку. Из рядов раздавались веселые голоса: «Ну, как, вкусно?» - «Эй, оставь мне хотя бы крылышко!» - «Не ешь много, обедать не сможешь!»

Да... Не войдешь в одну и ту же реку дважды!

На весенние каникулы у многих (к сожалению, не у всех...) воспитанников детдома был настоящий праздник: их отдавали в семьи студентов-шефов. В детдоме мы бывали часто, иногда раза два в месяц, помогали по хозяйству, руки рабочие там были нужны. Много играли с детьми в самые разные игры – от жмурок до шахмат. Каждый из нас «оброс» своими собственными маленькими друзьями.

Автор с воспитанниками
Клемёновского детдома

Я привез к себе домой четверых: «Халика», «Стручка», «Кузю» и просто «Вовку», соответственно, Мишу Халикова, Лешу Стручкова, Витю Кузьменкова и Вову Петрова. Жил я у мамы с отчимом в двухкомнатной квартире. Я и мои маленькие друзья «окупили» одну комнату, спали на моем большом раскладном диване, поперек, чтобы всем уместиться, поэтому у меня пятки висели в воздухе.

Видели бы вы эти детские глаза, полные любви и благодарности! Я старался пораньше приходить домой из института, чтобы побыть с пацанами. Пока меня не было, моя мама легко справлялась с ними, говоря мне, что вот были бы все дети такие!

ЗАПИСКИ НЕИНТЕРЕСНОГО ЧЕЛОВЕКА

Прожили они у нас неделю, а в субботу мы поехали отвозить их в детдом на том же маёвском автобусе.

* * * * *

Была у меня одна знакомая, приятельница родителей Лени Мурзы, которую звали Татьяна Ивановна Матросова. Она была балериной кордебалета Большого Театра, замуж «не успела» из-за постоянных репетиций и строжайшего режима. Настало время уходить на пенсию (у балерин это происходит в относительно молодом возрасте), а у нее впереди – пустота... Узнав про детдом, она попросила меня привезти ей девочку на каникулы. Прямо так и сказала: «Привези ко мне погостить девочку помладше, лет семи».

В очередные каникулы (а шефствовали мы над детдомом года два-три) я привез ей «Мышонка» по имени Валя. То ли она была Мышкина, то ли ее так звали за маленький росточек. Отвезить «Мышонка» в детдом Татьяна Ивановна поехала вместе с нами и сразу же договорилась с Калабалиным об удочерении Вали.

* * * * *

Миша Халиков навещал мою маму до последних дней ее жизни, каждый год поздравлял ее с днем рождения. А ведь прошло с тех пор – более СОРОКА лет! Когда я бывал в Москве уже из Америки, мы с ним пару раз встречались, даже переписывались сначала, я звонил ему несколько раз уже из Америки. Но все заглохло...

А вот копия письма Семёна Афанасьевича, написанного после того, как группа детдомовцев провела зимние каникулы у нас дома.

20 мая, 1958 г.
Детский дом.

Дорогие, славные, милые Ушаковы!

Интересно знать — в каком заоблачном мире Вы приобрели себе такие удивительные сердца? А может Ваши нежные души выросли на первом яблоневом первоцвете! Как всё —таки в жизни умно придумано,— что доброго, честного, красивого, полезного в природе несравненно больше чем пакости. Это наше великое счастье.

Четвёрка гостившая у Вас это четыре ребуса. Ни одного нет, чтобы он был хоть чем нибудь похож на другого. Одно у них общее —они носят брюки, но все по разному: у Вовы Петрова они топорчатся спереди, в самом ответственном месте всегда катастрофически открыты, внизу бахромой. У Алексея Стручкова, на его ногах свободных от мягкой ткани, брюки все время в состоянии штопорного движения, у Миши Халикова, этой мировой свекрови, от его постоянно рабочего движения и ворчливой суеты брюки на коленях испуганно вздуты. Вова Кузьменков брюки-опрятен, правда, иногда он задумавшись над шахматной идеей, забывает о том, что пуговицы для того и пришиты, чтобы их застёгивать, а туалетный платок, —чтобы нос освобождать от влаги.

...Но поприезде от Вас они были по братски похожи, как четыре капли воды; с одинаковым блеском в глазах, с одинаковыми улыбками, с одинаковыми ростками благодарности и светом нравственности. Спасибо Вам, бабушка, мама, папа, Лидочка, Игорёк и Игорёчек! Спасибо всему дому, очагу домашнему, спасибо, что вы ЛЮДИ!

Мы, с Галиной Константиновной отвечаем благодарным поклоном за внимание к нам и к моему недугу. Недуг физический —это ерунда, дело проходящее. Душа у меня болит, мозг обугливается, сердце каменеет от той дикой, злобной какофонии, которую организовали опричники вокруг меня —инородца. Я доведен до отчаяния и страдания. Немного боюсь за себя и за своё завтра, за судьбу детей и детдома.

Обнимаю Вас всех и нежно целую и за Г.К. тоже.

Ваш *С. Ренкавалли*

Один мой бывший сотрудник, отличный программист и прекрасной души человек, в ответ на мой e-mail, касающийся моего

отношения к религии, прислал интересный выпуск своей семейной электронной газеты. В этой газете помещена «Повесть о православном детском приюте “Рождественский”».

Статья начинается словами «Волею Божией создан и действует сейчас при церкви такой-то православный приют...» Далее говорится, что «... решиться на такой крутой поворот в своей жизни супруги (говорится об основателях приюта) смогли лишь с помощью Божией».

Прочитал я статью и подумал: Слава русской милосердной душе! Слава людям, творящим добро!

На душе стало светло... Но при чем здесь «воля Божия» и «помощь Божия»? И что ж это так скудна «воля Божья», коли в мире так мало Добра и так много зла?

Либо в тебе есть «бог», читай Добро и Любовь к ближнему (нарочно пишу с большой буквы), а тогда тебе «внешний бог» и не нужен, либо в тебе нет этого Добра и Любви, а тогда никакой бог тебе не поможет.

По мне главное – следуй христианским принципам, а веришь в Бога или нет – это дело десятое. Вспомним, господа-товарищи верующие: «Не по словам вашим, но по делам вашим судимы будете». Знакомо, правда?

Так что меньше думайте о своей душе, а думайте о тех душах, которые нуждаются в вашей любви и в вашем добром отношении...

* * * * *

Я вот написал про династию Калабалиных, посвятивших свою жизнь сиротам и брошенным детям, про Татьяну Матросову вспомнил, которая буквально грудью легла на амбразуру сиротства. А ведь все были без «Бога»! Но и бывшие члены партии Калабалины, и беспартийная атеистка Матросова – носители ДОБРА.

Так кто же больше христианин (в моральном смысле): вечно грешащий, но зато непрерывно кающийся греховодник-верующий или же добрый и чистый в помыслах и делах атеист-безбожник?

Мне ясно, а вам?

Как я попал в НИИ АА

Работал я у Сорина уже третий год. Вышла моя первая статья, которая фактически открыла новое, хотя и достаточно узкое направление в тогдашней теории надежности. И вот однажды на работе раздается звонок из одной московской воинской части – просят приехать для консультации по вопросу, который затронут в моей статье.

Я был, конечно, возбужден – меня, беспородного инженера, зовут для консультации!

Приехал в военное ВЦ, которым тогда руководил, как оказалось, Николай Пантелеймонович Бусленко. Пришел я в бюро пропусков минут за 20 до назначенных 10 утра. Длиннющая очередь, прямо как за водкой. Стою, жду, продвижения нет. Вот уже 10, я начинаю беспокоиться. Пять минут одиннадцатого... Вдруг врывается младший офицер с криком: «Есть тут товарищ Ушаков?» Я выхожу из хвоста очереди. «Ваш пропуск давно ждет вас у дежурного!»

Остальной путь от проходной продолжаем бегом, вбегаем, наконец, в какую-то большую аудиторию. Там человек двадцать офицеров от полковников и ниже. Они встают! Представляете? Мне младшему лейтенанту запаса оказываются первые в жизни (и, как оказалось, последние ☺) воинские почести!

Потом идет серия вопросов типа: «Как нам рассчитать эффективность нашей системы?» Кто немного понимает в этом, тот представляет, что на такой вопрос посторонний, не знающий системы и ее назначения, ответить не может. Поэтому в ответ робкие вопросы начинаю задавать я. Один за другим присутствующие офицеры делают 10-15 минутные сообщения. Им становится интересно самим, они спорят, что-то друг другу доказывают. Мне тоже интересно, я начинаю понимать, что у них за система, хотя понимаю, что моя роль в этом обсуждении не больше роли топора в той русской сказке, где солдат пци из топора варил.

Совещание затягивается до обеда, после обеда продолжается. В конце концов, я что-то предлагаю, моя модель принимается, меня обещают позвать еще...

Подходит ко мне после совещания совершенно гражданский человек и предлагает мне перейти работать к ним в почтовый ящик, который и разрабатывает ту самую систему ПВО, которая только

что разбиралась на совещании. Я серьезно задумываюсь, поскольку в отделе у Сорина, где я работал, некий кризис жанра, а сам Сорин больше занят Кабинетом надежности и журналом «Надежность и контроль качества»... А там я ему все равно останусь верным помощником. Вроде морально остаюсь чистым... К тому же на новом месте обещают повысить зарплату: получал-то я только 140 рублей.

Когда я пришел в Отдел кадров НИИ Автоматической Аппаратуры, мне предложили должность руководителя группы с окладом 220 рублей! Все вопросы, которых, по правде говоря, у меня и не было, отпали сами собой.

На следующее совещание в тот военный ВЦ я попал уже в качестве сотрудника НИИ АА.

Трехязычный словарь Дора и Поппель

Из издательства «Наука» мне прислали на рецензию русско-англо-французский толковый словарь по вычислительной технике. (После этого словаря я окончательно запутался, в чем различие толкового словаря от бестолкового.)

Я написал обширную рецензию, страниц на 20 с предложением полной переработки рукописи. В «Науке» мне сказали, что такую рецензию они не могут послать Ответственному редактору словаря академику Дородницыну, поскольку он же у них и член редколлегии и «ваще»... Предложили мне самому поехать и представить свой отзыв академику.

Как меня учили мои учителя, нужно смело резать правду-матку, а уж тем боле, правду-«математку». И на этот раз все сработало!

Дородницын встретил меня приветливо, усадил за длинный стол Ученого совета (как я узнал впоследствии, уже работая в ВЦ), сам сел напротив. Прочитав первое же мое замечание, сказал: «Этого не может быть!» Посмотрели рукопись – так оно и есть, ошибка подтвердилась. Еще три-четыре замечания, после чего Дор, как его называли в ВЦ, перестал сверять мои замечания с текстом и сказал: «Спасибо вам за внимательное прочтение рукописи. Некоторые из моих сотрудников по моей просьбе читали, но ничего мне не сказали. Боясь говорить неприятную правду».

* * * * *

Спустя года два или три, когда Никита Николаевич Моисеев пригласил меня перейти в ВЦ, я проходил обязательное для научных сотрудников собеседование с Дородницыным. Мы встретились уже, как знакомые люди. Он мне сказал:

- Знаете, Игорь Алексеевич, у меня нет вакансии соответствующей вашей ученой степени...

- Ну, я согласен на первых порах и на младшего научного сотрудника...

- Вы меня неправильно поняли: у меня есть должность завлаба, которую обычно занимают в академических институтах членкоры или академики!

- Ну, а тогда в чем же дело? Придется стать членкором!

Он ехидно улыбнулся... Дело в том, что еще когда я работал у Семенихина, меня в членкоры выдвинул ВЦ АН СССР, даже предупредив мой родной институт! Инициатором этой акции был Никита Николаевич Моисеев.

Видимо, первая наша встреча с Дором меня психологически раскрепостила. Я позволял себе говорить, что думаю, чем иногда, правда, раздражал Дора. Общий страх на уровне чиновничьего чиновничества у людей «нижнего эшелона», вызывала, видимо, необходимость получения поддержки на выборах в Академию. Я же от этой идеи, в конце концов, отказался – адреналина на два дня, а горечи потом на несколько недель.

* * * * *

Однажды должен был я лететь в Иркутск в Сибирский Энергетический институт. Подписал командировочное удостоверение у Дора, пошел за деньгами к главбухше ВЦ по фамилии, извините за выражение, Поппель. Поппель, как лицо, держащее в руках деньги института, была беспредельно наглая баба, которая даже на Дора могла как-то давить. Она мне отказала: денег, мол, на такую дорогую командировку я не дам.

Анатолий Алексеевич
Дородницын

ЗАПИСКИ НЕИНТЕРЕСНОГО ЧЕЛОВЕКА

Я, недолго думая, сразу же пришел к Дору и спросил, едва возникнув в дверях:

- Анатолий Алексеевич, а что Поппель у нас выполняет обязанности директора?

- Что это вы какую глупость говорите?

- А-а, ну тогда хорошо, а то я испугался!

- А в чем дело?

- Да вот, несмотря на вашу подпись, Поппель отказывается выдавать мне командировочные.

Дор вызвал Поппель и при мне сказал:

- Мария Васильевна, выдайте командировочные Ушакову. – Мог бы и порезче, на мой взгляд.

Вот такая в ВЦ была Поппель, правда, все же через букву «П».

ВСТРЕЧИ С ТИТАНАМИ

Визиты Бориса Владимировича Гнеденко в Америку

Мне дважды удавалось «заманить» Бориса Владимировича в Америку. Первый раз я «пробил» ему приглашение в 1991 году в Университет Джорджа Вашингтона. Будучи уже не совсем здоровым, он приехал в сопровождении сына, Дмитрия.

Кончался второй год моего контракта преподавания в университете. Что-то забарахлило сердце, и врачи посоветовали мне сделать операцию: поменять «мясной» клапан на металлический. Я согласился, и мне назначили операцию... на тот день, когда прилетал Борис Владимирович! Я взмолился и попросил перенести операцию, ну, хотя бы на денек. Разрешили. Мы с женой встретили Бориса Владимировича с Димой в аэропорту Вашингтона... На следующий день я лежал в операционной университетского госпиталя, а Гнеденко на время моей операции полетел в Университет Северной Каролины, откуда ему экстренно было сделано приглашение как раз на время моей операции.

Операция на сердце в США – это вам не операция аппендицита в наши «застойные времена»! Валяться в госпитале две недели

не дали. На пятый день меня уже выписали, хотя я чуть волочил ноги. Борис Владимирович уже вернулся, а на следующий день у него была лекция уже в моем университете, на которой я должен был быть переводчиком.

Жена подвезла меня к университету, я с грехом пополам добрался до своего кабинета и стал ждать Бориса Владимировича. Он зашел за мной, и мы вместе пошли в актовзый зал. Я следом за Гнеденко забрался на сцену, буквально «на полусогнутых», и сел на стул, спрятавшись за трибуной, чтобы никто не видел моих гримас при борьбе с болью.

Гнеденко в кабинете автора (слева) во время визита в Университет Дж. Вашингтона

Лекция Гнеденко прошла, как всегда, с потрясающим успехом. Моего участия в качестве переводчика не понадобилось вовсе: Борис Владимирович владел английским похуже, чем немецким, но получше, чем французским. Кстати, он и украинский знал (хотя был он, несмотря на «-ко» в своей фамилии, русским, из казаков), но на украинском не говорил. Как-то на Украине в годы расцвета самостийного национализма, его упрекнули в Ректорате Киевского университета, почему он читает лекции на русском. Он ответил: «Это язык, на котором говорил Ленин...» Чиновники тут же отпали...

ЗАПИСКИ НЕИНТЕРЕСНОГО ЧЕЛОВЕКА

Закончив лекцию, Борис Владимирович подошел ко мне и помог подняться со стула. Потом он взял меня под руку и медленно-медленно повел со сцены. Я улыбнулся и сказал:

- Борис Владимирович, а ведь все думают, что это я вас веду под руку, а не вы меня!

Он буквально затрясся от смеха и даже остановился:

- Не хватало, чтобы мы с Вами вместе упали от смеха. Вот будет потеха!

Но нам повезло – удержались.

Премия имени Кржижановского

Когда я уже жил в Арлингтоне, Юрий Николаевич Руденко сообщил по телефону, что будет на каком-то совещании в Америке и прилетит в Вашингтон на один денек. Естественно, что даже при таком цейтноте не заехать к нам он не мог, а к тому же, как он сказал, у него была интересная новость.

Прилетел он в Вашингтон. Мы с Таней забираем его вечером после какого-то совещания из гостиницы, привозим к нам домой. Для сведения: Арлингтон – рядом с Вашингтоном, нужно только по мосту переехать местную Москву-реку под названием Потомак.

Перед ужином Юра достает нечто завернутое в бумагу, размером с пол обеденного стола, разворачивает и вручает мне огромнейшую папку с Дипломом Президиума Российской академии наук

- Ну, поздравляю, получили мы с тобой премию им. Кржижановского за монографию «Надежность систем энергетики»! И премия нам положена огромная, как хорошая Государственная – 50 тысяч рублей! (Напомню, что Госпремия «стоила» тогда лишь в два раза больше.) Так что при нынешнем курсе рубля причитается каждому из нас по восемь долларов и 40 центов!

Все комментарии по этому поводу я пропускаю, можете не закрывать глаза и не затыкать уши – ничего непристойного не услышите...

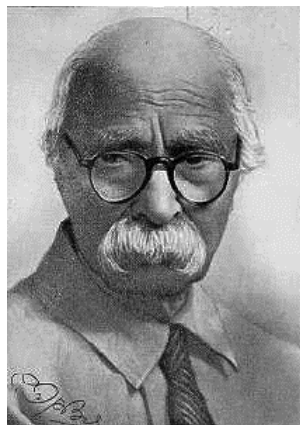
Эх, эту бы премию да в том самом 1989, когда книга была написана и представлена! Можно было бы и каждому из нас по машине купить, и обмыть их на славу! Но благодаря заботам правительства и партии, тогда еще существовавшей, нам не пришлось ни

подрывать своего здоровья, пропивая премию, ни подвергать риску свою жизнь в автомобильных пробках на пути к коммунизму.

Да и вообще книгу мы писали не корысти ради, а токмо волею...

Степан Дмитриевич Эрзя

Когда я уже учился в институте, кто-то посоветовал сходить в мастерскую «к одному чудному старикашке», который имел студию на Новопесчаной улице. Мы с Лидой, моей первой женой, пошли просто из любопытства... Так я встретился и познакомился с одним из интереснейших русских скульпторов – Степаном Дмитриевичем Нефёдовым, взявшим себе псевдоним Эрзя, по имени народа, из коего он вышел.

Степан Дмитриевич Эрзя

Эрзя – уникальнейший скульптор, работавший с корнями редких южно-американских деревьев, названий которых я не помню. Одно из них – кажется что-то типа «квебрахо» – в переводе означало что-то вроде «не-руби-топор». Другими словами, дерево это было «посильнее» камня. Из этих корней он делал фантастические скульптурные портреты, которыми была буквально забита его мастерская, расположенная в полуподвале одного их домов.

У Степана Дмитриевича был удивительный дар видеть в, казалось бы, совершенно бесформенном корне какую-то удивительную красоту, угадывать нечто прекрасное, что никто другой не видел. Однажды он пошутил, что когда он смотрит на облака, то его взору предстают различные фигуры, лица...

К сожалению, у меня не сохранилось фотографий со скульптур Эрзи, но в памяти их образы стереть невозможно. Здесь и Лев Толстой, и пророк Моисей, и «Шепот», и «Музыка Грига», и «Голова казненного», и удивительные женские фигурки...

Корни, из которых он ваял свои скульптуры лежали огромной грудой во дворе, им было все нипочем: крещенские морозы, ветра, проливные дожди, летняя жара... Обработывал их Степан Дмитриевич при помощи им же разработанной фрезы для резьбы по твердому, как сталь, дереву.

Моисей. Работа Эрзы

Но эти корни и то, как они появились в московском дворике, – это само по себе заслуживает особого рассказа. Но начинать нужно издалека, ибо судьба этого человека удивительна. Когда ему было около тридцати лет, он поехал поработать во Францию, но потом вернулся через восемь лет на Родину – началась Первая Мировая.

В 1925 году его выпустили за границу с выставкой его скульптуры. Было ему тогда уже лет пятьдесят. С юношеским запалом он смело бросался в неизведанное. Как-то в Париже ему подвернулся под руку корень какого-то буквально каменного де-

рева, работать с которым было трудно, но интересно: фактура была необычна, после обработки открывался муаровый рисунок наподобие того, который можно обнаружить на срезах «каш» – нароста на карликовых приполярных березах.

В поиске родины этого корня он очутился в Аргентине. Он увлеченно работал на протяжении почти четверти века, даже разбогател – его скульптуры покупали крупнейшие музеи мира – Метрополитен, Лувр и многие другие.

Эрзыя предложил создать уникальную скульптуру. В бухте Рио-де-Жанейро выступает гора, по профилю весьма напоминающая лежащего льва. Скульптор предложил немного обработать гору сделать из нее фигуру огромного льва, по сравнению с которым даже египетский Великий Сфинкс показался бы тщедушным котен-

ком. Но проект показался правительству Бразилии дорогим и, к тому же, лев не являлся бразильским символом...

Об этом Степан Дмитриевич рассказывал с улыбкой, скрывавшей, по-моему, некоторую обиду. Кстати, еще живя в России, он предлагал после смерти Ленина сделать гигантскую скульптуру – барельеф Ленина – на одной из Уральских гор. Проект этот тоже почему-то не пошел...

Прошло больше полувека. Его признали, наконец, и в России. Он получил приглашение от Советского правительства вернуться на Родину, ему восстановили гражданство, обеспечили мастерской. И этот 75-летний романтик, всю свою жизнь посвятивший скульптуре, не обзаведшийся даже семьей, не думая, бросает свою Родину приемную и едет на Родину «историческую». На свои деньги он фрахтует грузовое судно, загружает его корнями своего драгоценного дерева, забирает с собой свои лучшие скульптуры, которые еще не приобрели музеи, даже скупает некоторые из уже проданных работ и плывет домой.

В Одессе его скульптуры и корни-заготовки грузят на открытые платформы, и он едет в Москву. Его сопровождают несколько солдат охраны. Боясь оставить свои произведения безнадзорными, он сам спит на открытой платформе между своими скульптурами.

Товарный состав шел до Москвы суток пять. На одной из стоянок, Эрзя увидел кусок мраморной глыбы. Попросил солдат, и они втащили ему камень на платформу. За три оставшихся дня пути Эрзя, пользуясь долотом и молотком, сделал скульптуру «Мать и дитя», увидев этот образ в еще необработанном камне. Эта скульптура также потом находилась в его мастерской. Это была единственная не деревянная скульптура в его мастерской

Последние девять лет своей жизни Степан Дмитриевич жил на Новопесчаной улице. Мы с моими институтскими друзьями зачастили к нему в гости, помогали ему убираться дома – в мастерской он не разрешал ничего трогать. Двухкомнатная квартира у него была на первом этаже прямо над мастерской. Мастерская занимала целый жилой блок в полуподвале. Жил он один, с четырьмя или пятью кошками, которые в летнее время сновали туда-сюда – из квартиры в мастерскую и обратно. Когда Степан Дмитриевич нам что-

ЗАПИСКИ НЕИНТЕРЕСНОГО ЧЕЛОВЕКА

нибудь рассказывал, то садился на стул и мгновенно одна, а то и две кошки запрыгивали ему на колени.

Помогала ему по дому, готовила обед, кормила кошачий зверинец приходящая старушка.

Внешне Эрзя был похож на Эдварда Грига с хорошо известного портрета композитора: обвисшие белые усы, густые «тропические» брови, колючие глаза. Он не был приветлив, на посетителей внимания не обращал, постоянно работал. Немного разговорился он, только когда уже привык к нам.

Зимой у него в мастерской было холодно, он работал в меховой безрукавке, в трухе и в «дворницких» рукавицах.

В мастерской при входе стояла на табуретке трехлитровая банка, куда посетители бросали рубли и трешки. Иногда даже краснели десятки.

Его скульптуры были настолько прочны, я бы сказал, вечны, что некоторые из них даже одно время держали под открытым небом в Парке Горького. (Помню там «Шепот» и «Музыку Грига».) Потом одумались, видимо: часть из скульптур Эрзи передали в Третьяковку, а большую часть – в Русский музей в Ленинграде. Слышал, уже находясь в Америке, что открыли музей Эрзи и у него на родине, в Саранске.

* * * * *

Не хочется быть брюзгой, но выскажусь. Я почти уверен, что живи Эрзя во Франции, мир бы еще поспорил, кто значительнее Роден или Эрзя. Но он жил и умер не во Франции... Имя его известно среди любителей искусства да среди тех, кто жил с ним по соседству. А ведь Эрзя – это слава России...

ИНТЕРЕСНЫЕ ЭПИЗОДЫ

«Шестидесятникам» вечно не спится!

Моему поколению, по крайней мере, мне и моим школьным друзьям, повезло, что мы не родились буквально тремя-четырьмя годам раньше: мы бы жестоко поплатились за наши выходящие иногда за рамки здравого социального смысла поступки. (А может, мы сами тогда были бы совершенно другими?..) Об одном из таких

поступков (и одновременно политических проступков) я и хочу рассказать.

Школьные наши учителя, как я уже писал, не только учили нас каким-то школьным предметам. Они учили нас добру, справедливости, честности. Многое потом жизнь «подкорректировала», как правило, в худшую сторону...

Тем не менее, только что кончив школу, мы были еще далеки от выработавшегося позже «политического конформизма», если под ним понимать смесь гражданской трусости со своекорыстием, обусловленными появлением семьи и работы.

В школе я был фанатиком стенгазетного издательского дела. В классе у нас выходила практически регулярно раз в неделю стенгазета с названием «Голос класса» (чувствуете крамольное упущение слова «рабочего» в стандартном лозунге?), и нерегулярно, но тоже часто выходившее юмористическое приложение «Крокодилица». Заметки в газету ребята писали охотно, «четыреполосная» газета (каждая колонка длиной в полторы тетрадных листа) была всегда заполнена, а мой «редакционный портфель» ломился от материалов.

В параллельном классе алогичную же газету, тоже почти два раза в месяц выпускал Лева Шугуров, отличный художник и по совмещительству большой хохмач.

Пишу я про все это только для того, чтобы дать общую картину. И вот кончили мы школу, я попал в МАИ, Лева – в МВТУ. И вот от большого ума, приправленного политическим идиотизмом, мы вдвоем и присоединившийся к нам Юра Ачкасов, который поступил в Академию Жуковского, затеяли «акцию справедливости».

Мы сообща написали статью «300 рублей и 30 тысяч рублей», в которой сравнивали зарплату уборщицы с зарплатой Президента Академии Наук и говорили о социальной несправедливости в самом социально справедливом государстве на Земле. Разве может один получать в 100 раз больше другого?

Я отпечатал на своей портативной пишущей машинке, которую отец подарил мне к окончанию школы, три экземпляра этой статьи, и мы приготовились к синхронной публикации ее в курсовых стенгазетах, которыми каждый из нас заправлял в своем ВУЗе. Шел 1952 год, самое время охоты на политических и сионистских ведьм... Только что отремел процесс над «врачами-убийцами»... Одним словом, обстановочка была подогрета, пахло жареным. Мы и

не понимали всей опасности момента. У нас, как тогда говорилось – девушки, закройте глаза и откройте их сразу же строчкой ниже! - «детство в жопе заиграло».

Но Бог есть! (Хоть я и утверждаю, что его нет.) Он нас спас, неразумных, и вот как. Газеты выпускали по праздникам, ближайшим было Седьмое ноября, мы уже «Внимание!.. На старт!..», а вот «Марш!» не получилось: слушателя Академии Юру Ачкасова послали на дежурство. Коллективное выступление сорвалось, а «одиночные залпы» мы считали нецелесообразными. Отложили на новогодний выпуск.

На Новый Год огорченный Лева Шутуров сообщил нам, что в партбюро его предупредили, что в новогодней газете – только юмор... Отложили до 8 Марта: уж на женский-то день мы покажем *ИМ*, как обижать уборщиц!

Произошло все, как в плохом американском боевике, когда дезактивируют террористическое взрывное устройство: «... пять... четыре... три... два... У-ф-ф-ф! Успел! Обезвредил адскую машину!». Третье марта... Четвертое марта... Пятое марта! И мы распрощались с «вождем и мучителем советского народа!» За три дня до выпуска «антисоветской настенной бомбы»!

Потом мы осознали, что то, что мы затеяли, подпадало под статью 58 «г») с простеньким приговором «10 лет трудовых лагерей без права переписки». Говорили, что на самом деле это был энкаведешный псевдоним расстрела...

А ведь проживи корифеюшка всех времен и народов еще недельки две-три, нас могла бы спасти, в лучшем случае, только реабилитация 1956 года, хотя все равно жизни наши были бы покорены основательно и возможно навсегда, если бы мы и выжили...

Выход из партии большевиков

Хочу сказать заранее, что никакого героического поступка я не совершал: эффектных, но дешевых эпатажей типа сожжения партбилета не учудил, в публичных выступлениях не участвовал, да и вообще время для геройства уже было не то: эшафот никому не грозил. Я ограничился отказным заявлением, посланным по почте. Я, может быть, и был в первых рядах «выходцев из партии», но просто дело было в том, что к тому времени я уже твердо решил стать

треклятым «невозвращенцем»: мне понравилось работать в человеческих условиях.

Так что героизма никакого не было.

Когда Таня поехала летом 1990 в Москву, чтобы забрать Кристину к нам в Арлингтон, она зашла в ВЦ АН и заплатила за меня партвзносы за год вперед. Вот когда она приехала и привезла с собой Кристину, тогда я совсем осмелел. Я написал письмо-заявление в партбюро ВЦ, в котором попросил остатки моих партвзносов перевести в Клемёновский детдом (это тот, которым заведовали уже младшие Калабалины), а меня из партии исключить на основании заявления. Я еще добавил, что, зная наше трусливое партбюро, я уверен, что мое заявление на собрании вообще не будет зачитано.

Но я ошибся. Времена, и правда, настали уже другие. Объявили открытое партсобрание с повесткой дня: «Исключение И.А. Ушакова из рядов КПСС». Как потом рассказывали мои бывшие сотрудники, актовый зал был забит до отказа – и беспартийным было интересно. Секретарь партбюро, Юрий Гаврилович Евтушенко, зачитал мое заявление и даже слова о «трусливом партбюро», доказав всем, что партбюро не боится моих инсинуаций. Он добавил, что, мол, Ушаков там, в своей Америке, уже совершенно не представляет нашей жизни: мы теперь ничего не боимся. (И он был прав!) Спокойно, даже не заклеив публично, меня исключили из рядов...

Правда, потом, говорили мне друзья из ВЦ, ни одного общего партсобрания института собрать не удалось из-за отсутствия кворума. Многие покинули партию «явочным порядком»: просто перестали платить взносы и ходить на собрания. Развал произошел спокойный, без политических судорог.

А вообще я считаю, что ельцинский разгон партии был действием неправильным. Лишили руководящей роли – и буде! Нельзя было забывать, что тогда еще много было членов партии, которые вступали в ее ряды буквально перед боем. Без великой идеи – пусть даже ошибочной и утопической – наши отцы вряд ли победили бы в той ужасной войне. Нельзя было их обижать...

Как я нарушал научную этику

Как я уже писал, привелось мне поработать над проектом создания Информационно-вычислительного центра ЦК КПСС. Заведующим этим центром был Лев Николаевич Ильин, человек на номенклатурного работника совершенно не тянувший, поскольку не всегда умел вовремя помолчать и вовремя поддакнуть. Одним словом, хороший он был мужик.

После полугода ежедневной и достаточно напряженной совместной работы, он предложил мне пойти к нему в замы. Его аргументы были материального характера: «сливочная» квартира в Рабочем поселке, который в простонародье называли «Царское село», госмашина по вызову в любое время дня и ночи, ежегодное санаторное обеспечение всем членам семьи... Зарплата – 300 рублей. Я сказал, что при моих докторских 500 плюс полставки на Физтехе 250 плюс квартальные премии до 30-40% у меня выходит под тысячу. На это мне Ильинский, буквально заржав, сказал, что я не умею считать деньги: за 60 рублей «кремлевский паек» по ценам чуть ли не 1924 года способен обеспечить семью и всех ближних родственников продуктами на месяц, а в Четвертой секции ГУМа (за номер секции не ручаюсь) можно на рубли покупать по ценам валютного магазина любые вещи. С учетом дешевой квартиры, машины и санатория все это подкатывалось к двум с половиной тысячам рублей!..

Но меня пугала номенклатурная должность: высоко сядешь – низко падать. Нажим был сильный, но я сказал Ильинскому, что мне надо посоветоваться с моим директором, Владимиром Сергеевичем Семенихиным, который был Главным конструктором системы. Семенихин сказал: «Не для тебя эта работа. Молчать ты не умеешь. Галстук носить не любишь. Придется и друзей пересмотреть. Среди твоих друзей много евреев? Да? Так забудь о них. Но главное – ты там не удержишься из-за своего характера: не умеешь ты не говорить правду».

Как не послушать совета, который почти совпадает с твоим собственным мнением? Я отказался, ссылаясь на Семенихина, а поскольку Ильинский сам был ставленником Семенихина, вопрос был исчерпан.

В правоте Семенихина я скоро убедился, к счастью, не на своей шкуре. Ильин собирался в отпуск на Златы Пясы, мы с ним сидели в его кабинете и обсуждали план работы на время его отсутствия. Звонок. Вызывает Ильина Секретарь ЦК Андрей Павлович Кириленко. Минут через 20 Ильин возвращается, раскалившийся и пышущий негодованием, и в запале говорит: «Му-@#\$-ак этот Кириленко! Ни черта не понимает, а лезет со своими дурацкими требованиями!»

Я молча показываю на потолок, мол, враг подслушивает, на что Ильин, стгоряча, выпаливает: «Ну, и хрен с ними, пусть слушают!» Назавтра он отбывал с женой и дочкой в Болгарию...

Вернулся он уже не в ЦК: его пропуск аннулировали, а его самого направили в Отдел кадров Минрадиопрома, где тот же Семенихин оказал ему протекцию и не дал пасть слишком низко с цемовских высот. Но Ильин впал в прострацию и слег с тяжелейшим гипертоническим кризом. Надо было выручать человека, парень он был хороший.

Я предложил:

- Лев Николаевич, начинайте писать кандидатскую, я вам помогу.

- Да куда мне! Я уж писать разучился – только и умею, так это утверждающую подпись ставить!

Тем не менее, я поделился своей идеей с Семенихиным, он ее одобрил и разрешил мне целую рабочую неделю посвятить помощи Ильину. Начиная с понедельника, каждый день тот приезжал ко мне домой к 8:30 утра и мы начинали с ним работу. Быстро составили общий план, потом он начал писать. Проходило это так: я рассказывал ему решение задачи, объяснял всю необходимую математику, после чего он сам писал текст, который я за ним читал и делал замечания и поправки. К вечеру набиралось материала страниц на 15-20 машинописного текста. Тема была по бывшей практической работе Ильина в качестве заведующего Информационно-вычислительного Центра, в целом «с философской точки зрения» он материалом владел. Но, как вы понимаете, одно дело понимать, а другое изложить. Так что мой редакторский опыт пригодился.

Через неделю скелет диссертации был вчерне готов. Я честно «не приложил руки» к прямому написанию материала, хотя понимаю, что без моей помощи работа никогда не была бы

написана. Давление у Ильина вошло в норму, цвет лица из пунцового снова стал розоватый, какой и положено иметь здоровому партийно-государственному номенклатурному работнику, хотя бы и бывшему.

Вскоре успешно прошла его защита на Ученом совете в НИИ АА. Одним из оппонентов был аж вице-президент Украинской АН академик Виктор Михайлович Глушков. После защиты, как и положено, был банкет, но для очень узкого круга лиц: семья Ильина, Семенихин, Глушков, я да еще какой-то друг именинника из «мух-ЦеКатух». Проходило все на квартире у Ильиных, в «Царском селе».

Честно говоря, у меня никогда не болела совесть по поводу чрезмерной помощи в написании диссертации Ильину. Возможно, потому, что помощь эта была абсолютно бескорыстной. К тому же я получил удовлетворение оттого, что помог хорошему человеку, в самом прямом смысле, выжить в тяжелой жизненной ситуации, да попросту говоря, спас человека.

Спасибо от не защитившегося аспиранта

Какое-то время я консультировал в одном авиационном почтовом ящике, где у меня образовалось пять аспирантов, из которых трое успешно защитились, а один даже впоследствии стал доктором наук.

Среди них был один небесталанный человек, но уж очень сильно, истинно по-русски пьющий – Саня Рубцов. Кончал он мехмат МГУ, был отличным программистом. Как почти все русские алкоголики, был он человеком доброй души и светлого ума, когда не был пьян, хотя, к сожалению, это бывало редко.

Я уже прекратил свои консультантские функции, когда мне позвонил мой бывший аспирант, начальник того отдела, где работал Рубцов. Посетовал, что Рубцов уже и на работу приходит нетрезвым и просил совета, что с ним делать, так как над Рубцовым повис Дамоклов меч увольнения по статье «пьянство». У меня был очень хороший знакомый – Главный инженер ГВЦ Морфлота Слава Семиколонов. Я ему все по-честному рассказал, и он принял Рубцова к себе на работу.

К сожалению, Рубцов опускался все ниже, частенько звонил мне, занимая то трéшку, то пятерик на опохмелку, Честно говоря,

меня это притомило. Тут звонит мне Семиколенов и говорит, что Рубцов запил и не являлся на работу неделю, а пришел только за зарплатой и сильно «подшофе». Что делать? Увольнять по статье «Пьянство» означало бы поставить крест на человеке. Была еще возможность – послать Рубцова на принудительное лечение от алкоголизма. Этот путь мы с Семиколеновым и выбрали.

После того прошло лет десять. Однажды раздастся телефонный звонок, звонит ... Саня Рубцов! Сознаюсь, сначала я подумал, что опять занять деньжат хочет. А он, спросив, свободен ли я вечером, просит меня о встрече в семь часов вечера около входа в Большой зал Консерватории на улице Герцена. Я про себя решил: ни в какой ресторан я с ним не иду!

Встречаемся. Саня в приличном костюме, при галстукке, чисто выбрит, чего с ним раньше не случалось, почти по-спортивно подтянут. В руке у него два билета на концерт в Большой зал Консерватории, которые он, оказывается, купил загодя: в кассе билетов не было и около входа «шпакалили» меломаны-фанатики. (Что было я не помню, но что-то исключительное.)

После концерта мы гуляли по Москве часов до двух ночи, в конце концов, пришли к моему дому на Соколе, откуда он поехал к себе домой на такси. Во время нашей ночной прогулки Саня начал меня благодарить. Не поняв за что, я спросил его, защитился ли он. Он ответил: «Да все это ерунда! Ты меня спас: без твоей поддержки меня бы выгнали с «волчьим билетом» и из ящика, и из ГВЦ. Мне Семиколенов тогда еще сказал, что это была твоя идея послать меня на насильственное лечение от алкоголизма. Я стал нормальным человеком, а диссертация – это, правда, ерунда!»

Он рассказал, что работает программистом в какой-то важной конторе, прилично зарабатывает. Каждый день бегаёт утром по три километра, а по выходным и по 10. Он стал подтянутым, похудел килограмм на 20. «Но главное не это. Мне уже за пятьдесят. (Был он старше меня лет на пять.) Я только сейчас начал жить. Оказывается это так интересно: читать книги, слушать классику, ходить на выставки, бродить по лесу... женился я даже на старости лет, хотя по привычке очень люблю одиночество. Сколько времени в этой жизни я потерял, а ведь другой-то не будет!»

Расспросил меня про мою жизнь, сказал, что он многое обо мне знает от своих прежних друзей, с которыми наладил связь. «Ты

меня, Игорь, прости, что я так долго до тебя шел. Мне нужно было самому сначала убедиться в том, что я стал совершенно другим, что мне не стыдно будет тебе на глаза показаться. Я все это время хотел тебя поблагодарить за то, что ты для меня сделал, но все никак не решался. Потом вот вспомнил, что ты любишь классику и купил билеты в Консерваторию...»

Знаете, эта одна «спасенная душа» для меня дороже десятка благополучных аспирантов: те и без меня бы нашли себя в жизни!

ГАЛОПОМ ПО ЕВРОПАМ

Лед тронулся, господа присяжные заседатели!

В Вашингтоне, после операции на сердце, поработав всего месяца три у Джона Кеттеля, я остался без работы, а потому и без денег. К тому времени мне удалось заключить контракт с нью-йоркским издательством John Wiley & Sons на публикацию моего справочника по надежности. Мне посоветовали тысячи за три долларов нанять какого-нибудь студента, чтобы он отредактировал мой «около-английский» язык.

Среди моих студентов был один, старше меня лет на пять. (В Америке все возможно: у одного моего студента дедушка слегка за 80 пошел в колледж учиться программированию!) И вот этот студент предложил мне сделку, на которую я пошел без раздумий: он становится соредактором, добавляет для приличия один разделчик в американский вариант рукописи, но вся книга выходит под эгидой его компании «Harrison and Co.». Как вы догадались, его фамилия была Харрисон, а звали его Роберт, а в семье величали «Роб». Кстати, по-английски «Rob» означает «грабить», что, как вы увидите несколько позже, вполне подходило этому джентльмену удачи.

Я пообещал сделать всю рукопись на своем корявом английском, вписать все формулы, сделать все рисунки за 10 месяцев, а он обещал достаточно щедро (для меня тогда) платить по две тысячи долларов в месяц.

Какой русский не любит быстрой езды да еще за такие деньги? Я и помчался. Нужно сказать, что подготовить около 1200 страниц машинописного текста с массой формул и рисунков – дело далеко не простое. Но я работал круглый день, к тому же русская «болванка» текста была фактически готова.

Харрисон был возбужден: когда он позвонил в издательство, то ему спрогнозировали число экземпляров до 5 тысяч, каждая книга примерно по 100 долларов штука, а по договору, который был уже заключен со мной, 15% с продаж составляло авторский гонорар. Роб был радостен не в меру, чуть не каждый раз, когда мы встречались, перемножал 15 долларов на 5 тысяч экземпляров. Гонорар мы должны были разделить – в соответствии с устной договоренностью – поровну, т.е. по 37 с половиной тысяч долларов на нос!

В одну из встреч, когда я приволок очередную порцию своего труда, Роб сказал, что он подумал и решил, что моя «зарплата» – это производственные затраты, поэтому первые 20 тысяч гонорара пойдут на погашение этих его затрат, а уж оставшиеся 55 тысяч гонорара мы делим пополам. Я согласился: шкура неубитого медведя – есть не более чем шкура неубитого медведя. Свои 20 тысяч я получу к моменту окончания работы над рукописью, выживем мы эти 10 месяцев, а там видно будет!

Кончил я в срок, хотя делать по 5-6 страниц текста на английском и вписывать формулы для меня было непростой задачей. К тому же все языковые корректировки, которые Харрисон делал на отпечатанном мною варианте, я сам вносил в окончательный компьютерный вариант рукописи.

Книга вышла в отличном переплете с суперобложкой – гордость издательского дела. Но вот прогнозы издательства не оправдывались, продажа книги шла вяло. Весь гонорар поступал Харрисону, а я получал только справки относительно того, сколько уже перепало моему редактору. А то, что перепало ему лет за пять, не покрыло и половины его затрат на мою зарплату... Какой-то не американский у него получился бизнес!

И вот проходит больше 10 лет – живем мы уже в Калифорнии, в Сан-Диего – получаю я ... вызов в суд! Оказывается, Харрисон подал иск: он, мол, взял заем в своем банке на 20 тысяч долларов, чтобы дать мне займы, а я ему уже больше 10 лет не возвращаю этих денег! Мол, за это время набежали такие проценты, что банк требует с него уже 43 тысячи долларов, кои он и предъявляет в своем иске мне. Вот-те крендель с дыркой!

Суд должен был состояться в Вирджинии и по закону мне нужен был адвокат с правом ведения дел именно там. Нашли мне мои американские друзья подходящую адвокатшу, Линн Бэрри, по

цене 200 долларов в час! Мы с ней созванивались, переписывались по электронной почте, она регулярно присылала счета: пятиминутный разговор по телефону – 20 долларов, e-мэйл – 15 долларов, подготовка двухстраничного документа – 300 долларов плюс 20 долларов ее секретарше, и т.п.

На начальной стадии Линн предложила пойти на мировую с Харрисоном и спросила, сколько я согласен ему уступить. Она объяснила, что ее гонорар будет не меньше 18 тысяч долларов, не считая тех пяти, которые она уже «съела», поэтому отдать просто так «за здорово живешь» 18 тысяч «Харе», как я его стал называть – это означает прекратить дело и не портить себе больше нервы. Дело в том, что выиграй я дело или проиграй – я своему адвокату сам плачу сполна, если «Харя» даже и не прав. Такие вот в Вирджинии порядки.

«Харя» мой дар не принял. Началось кровопролитное для обеих сторон сражение: мы оба начали истекать зеленой долларовой кровью...

Настало время мне лететь в Вирджинию на суд (еще под тысячу долларов затрат!). Я потратил немало времени и нервов на подготовку к суду. Взял я с собой экземпляры всех переизданий моего справочника: три русских, два американских, два немецких и даже чешское.

Кое-какие экспромтики мы с Линн отрепетировали, она подготовила несколько выигрышных вопросов мне, на которые у меня были подготовлены эффектные ответы. Линн решила преподнести дело так: у нас с «Харей» было совместный бизнес, в который он вложил свои деньги, а я вложил свои мозги. Мозги сработали – книга была написана, а деньги – вылетели в трубу. Ну, и кто же виноват?

У меня была другая идея: я-то хотел сказать, что я работал на Харрисона по найму и он платил мне что-то вроде зарплаты. «Нет, так мы можем проиграть», – заметила на мое предложение Линн. Я не понял, почему, но «жираф большой – ему видней».

Однако могу с полной ответственностью заявить, что выиграли мы, в первую очередь, благодаря глупым вопросам, которые мне задавал адвокат Харрисона, а также глупым ответам Харрисона моей адвокатше.

Выступил адвокат Харрисона, изложил суть дела. Потом выступила Линн, почти сразу вытащив меня в свидетельскую кабинку. Задала мне вопрос о моем образовании, о том сколько у меня всего публикаций

- Сколько часов потратили вы на подготовку рукописи?

- Сорок недель, минимум по 40 часов в неделю, т.е. больше полуторы тысяч часов.

- А какой объем рукописи?

- Около 1200 печатных страниц.

- Значит, грубо говоря, по странице текста в час?

- Да.

- Но мне представляется это почти невозможным! Писать по странице математического текста в час на протяжении 10 месяцев! Как вам это удалось?

- В некотором смысле, этот «Справочник» труд всей моей жизни. Мною была проведена предварительно огромная работа.

Тут я выкладываю перед собой все принесенные книги.

- А не могли бы вы кратко охарактеризовать каждую книгу: когда, где она была издана, какой тираж, чем отличается одно издание от другого?

Я кратко рассказываю, показывая относительно тоненькое первое издания и солидный «кирпич» последнего американского издания.

- Ну, теперь мне понятно, что львиная доля работы у вас была сделана заранее. А каково ваше участие в непосредственной подготовке текста последнего издания, что конкретно вы делали?

- Я компоновал новую редакцию рукописи книги на базе последних изданий, редактировал сформированный русский текст, потом переводил этот текст на английский язык, печатал все на компьютере, вписывал все формулы, проводил количественные расчеты, готовил иллюстрации, распечатывал текст и предоставлял его мистеру Харрисону. Потом, по сделанной Харрисоном коррективке машинописного текста, вносил поправки в компьютерный файл.

ЗАПИСКИ НЕИНТЕРЕСНОГО ЧЕЛОВЕКА

- Как вы оцениваете долю вашего труда в подготовке рукописи по сравнению с долей м-ра Харрисона?

- Его доля не превышала, на мой взгляд, 20-15%.

Потом наступила очередь адвоката Харрисона «пытать» меня.

- Покупаете ли вы на кредитную карточку?

- Да.

- Вы знаете, что такое кредит? Как я понимаю, вы брали у банка в долг, когда не могли оплатить покупку?

- Нет, мы всегда выплачиваем все счета полностью сразу же.

- Я не могу себе этого представить, чтобы человек жил без кредита!

- Я русский, у нас не было банков, которые бы давали кредит. Кроме того, я считаю, что брать в кредит – это значит терять деньги на ростовщические проценты...

- Вы когда-нибудь раньше публиковали книги?

Тут я во время сдержался, насмотревшись американских фильмов. Обернувшись к судьбе, я попросил разрешения ответить не однозначно, а развернуто и получил согласие. Руки у меня были развязаны для любого ответа!

- Я человек в годах, да еще и с одним глазом, но я вижу вот эти книги, про которые я только что всем рассказывал... Вы – совсем молодой еще человек. Неужели вы ничего не слышали? Неужели вы не видите этих книг и не можете прочитать на корешке мое имя?!

Тут даже замороженные американские присяжные гоготнули в голос. Я понял, что сражение наполовину выиграно. Адвокат Харрисона ступешался и, задав еще два-три незначущих вопроса, сел на место.

Потом Линн начала расспрашивать Харрисона.

- Скажите, а сколько времени вы потратили на работу с рукописью?

- Я работал по 8 часов в день, пять дней в неделю в течение 10 месяцев.

- А в чем состояли ваши функции?

- Я исправлял английский язык...

- Итак, вы хотите сказать, что вы на исправление английского языка профессора Ушакова тратили столько же времени, сколько

профессор Ушаков тратил на подготовку оригинального текста и компьютерное оформление рукописи, включая вписывание очень сложных математических формул?

- ... (пауза вместо ответа)

- Кстати, а какое у вас образование, мистер Харрисон?

- Я кончал Университет Джорджа Вашингтона.

- А вы слушали лекции профессора Ушакова?

- Да, но какое это имеет отношение к делу?

- Так он еще был и вашим учителем!.. Значит, он готовил рукопись, вы финансировали проект и проводили редактирование английского языка. Насколько я узнала из финансовых документов, весь гонорар получали только вы.

- У нас была договоренность, что первые 20 тысяч пойдут на покрытие моих расходов, связанных с публикацией книги...

- Ага, значит, были расходы на публикацию, а вы говорили, что одолжили деньги профессору Ушакову.

- У меня есть расписка, что он эти деньги брал в долг!

- А почему ее нет в деле?

- Она осталась в банке...

- А почему же вы не взяли такой важный документ в банке и не представили его в суд?

- Тот банк слился с другим банком, и все документы пропали...

- Про-па-али документы в американском ба-а-анке?..

Тут она эффектно оборачивается к присяжным и говорит:

- Как мне искренне жаль мистера Харрисона!..

Потом, повернувшись опять к судье, произносит:

- У меня больше нет вопросов, ваша честь...

Присяжные заседали не больше трех-пяти минут. Когда они вышли, судья что-то спросил, кто-то что-то ответил. Судья стукнул молотком, и я решил, что присяжные опять пойдут заканчивать обсуждение. У меня был, видимо, дурацкий вид, потому что Линн помужички хлопнув меня по плечу сказала: «Мы выиграли!»

Когда мы покидали здание суда, она мне сказала: «Твой ответ адвокату Харрисона был решающим! Если бы ты его вот так не оса-

дил, мы могли бы и не выиграть. И главное, такой вариант мы с тобой даже и не репетировали. Молодец!»

Однако это была во истину Пиррова победа: по предъявленным адвокатской конторой счетам мы выплатили Линн более двадцати тысяч долларов...

ПРО МОИХ ДЕТЕЙ

«Письма пишут разные – слезные, болезненные...»

Помните, у Константина Симонова есть такие строчки:

*Письма пишут разные –
Слезные, болезные,
Иногда прекрасные,
Чаще – бесполезные.*

Не знаю, писал ли я письма прекрасные, но вот бесполезных, по-моему, не писал. А самые полезные письма, именно в том смысле, что они принесли пользу, писал я Славе, когда он служил в армии.

Советская армия (как, впрочем, говорят и нынешняя российская) – не лучшее место на Земле: офицерское самодурство, дедовщина. Говорят, что лучше всего в авиации, там народ поинтеллигентнее, привязан к технике, которая требует мозгов.

Слава попал служить в ракетную часть под Гомелем – стандартную воинскую часть того времени. Он ни на что не жаловался, но я кое-что увидел сам своим глазами, когда однажды приехал его навестить в госпитале.

Как только Славу забрали в армию, я начал регулярно писать ему письма, зачем-то ждал ответов, посему и переписка была, как худой ручеек после летнего дождичка. Когда его часть уехали из-под Москвы в Гомель, жена сказала мне, что нечего ждать ответов: ты, мол, пиши и не жди ответов, ведь ему и собраться труднее, и времени нет, и устает он там. К тому же, не всякий умеет печь письма, как блины. И тогда я стал писать Славе письма едва ли не каждый день.

Потом Слава мне рассказывал, что гневные «деды» насмеялись над ним, что он получает каждую неделю пачку писем, иногда изо всей роты – он один. Но нужно сказать, что за счет оформле-

ния «дембельных альбомов» Слава был слегка охраняем судьбой: в нем были заинтересованы именно «деды».

Потом кто-то попросил дать почитать мои письма, каким-то образом дошло до офицеров, а вскоре чуть ли не каждую неделю в «ленинском уголке» Славе вменили в обязанность читать вслух мои письма...

А писал я о самом разном: о Мартине Идене – как нужно «работать над собой», о поэзии, о музыке, о живописи, о русском языке... В основном это были уроки об искусстве, но было и другое – про моего отца, про моих школьных друзей, вообще про жизнь...

Слава рассказал мне, что как-то после воинской службы он в Москве встретил в магазине «Мелодия» своего бывшего сослуживца, не москвича, приехавшего в столицу по каким-то делам. Слава спросил его, что тот покупает, на что получил ответ: «А у меня сохранился список пластинок, которые рекомендовал твой отец...»

Что может быть приятнее мысли, что ты кому-то сделал добро, научил чему-то хорошему, открыл глаза на красоту... Может, и правда, красота спасет этот безумный-безумный-безумный-безумный мир?

ПРО СЕБЯ

Тяжела ты, шапка Мономаха!..

В молодости я принадлежал к породе туристов: то пешие переходы по горным маршрутам Кавказа, то лыжные походы по бездорожью и разгильдяйству средней полосы России, то, наконец, походы на байдарках и даже на плотках по Приполярным рекам...

Вот об одном походе по реке Кожим я и расскажу, поскольку там произошли некоторые забавные события. Команда у нас была из пяти человек, включая меня и мою первую жену, Лиду. Капитаном, штурманом, боцманом и лоцманом был ... нет-нет, ошиблись, не Кацман, а Марк Штейн, или «Маркуша». Пожалуй, самое главное, что он был настоящий капитан с погонами, он был военным, а мы – все остальные мужики – были младшими лейтенантами запаса, получившие звания только постольку, поскольку кончали технические ВУЗы.

Собрались мы фундаментально: провизия по дневным порциям – в целлофановых мешочках, два охотничьих ружья с необхо-

димыми «боеприпасами», всяческий «струмент» типа топоров и двуручной пилы, надувная лодка, карта Коми АССР, туристские кроки с обозначениями порогов и обходов их по суше, на всякий случай. (Кстати, на очень трудных порогах мы этим пользовались: мы высаживали Лиду, она шла по берегу, а мы колдобились по порогам...)

Приехали мы поездом в Сыктывкар, пересели на что-то местное и добрались до Инты, не доехав до легендарной ГУЛАГовской Воркуты нескольких километров. Оказались мы под самым Полярным кругом, на расстоянии буквально полусантиметра по нашей карте. Там быстренько за мизерную плату договорились с местными вертолетчиками, и они подбросил нас в верховья Кожима, притока Печоры.

Мы разбили лагерь на берегу реки и начали строить плот. «Строевая сосна» росла неподалеку на противоположном крутом берегу, поэтому мы мудрёно, как на пароме, перебирались на тот берег, используя надувную лодку и веревку, которую закрепляли за деревья. Пилить деревья, обрубать ветви, подравнивать их – это не простое дело для изнеженных городских жителей. Но и это еще не все! После заготовки первой партии бревен, нужно было их сплавить к месту нашей стоянки, а река в этом месте была достаточно бурной. Поэтому двое оставались на высоком берегу с подготовленными бревнами и сбрасывали их в реку по одному с примерно 15 метрового обрыва, а двое спускались к реке и около лагеря вылавливали проплывающие бревна с помощью самодельных багров.

Часть бревен уносило, часть бревен кололась, падая с высоты, поэтому работа затянулась. Измотались мы по-страшному. А Лида в это время кашеварила совершенно одна. И как мы могли ее оставить одну в этой вотчине эков?! Это теперь понять невозможно...

Палатки у нас не было, поскольку опытный Марк-плотоводец решил, что лучше спать в эдакой призме, сшитой из «серебрянки», у которой одной стенки, а именно – в ногах, не было, но там ставился костер в виде «сибирской стенки», который обогревал самую главную часть тела туриста – ноги.

Каждый вечер после работы и хорошего ужина, мужчины отправлялись собирать сучья для костра и пилить бревна для «сибирской стенки». Это было мучительнее всего: хочется расслабиться, лечь и мгновенно заснуть, а тут – прись на общественные рабо-

ты! Вообще весь этот мазохизм напоминал анекдот про мастурбирующего йога, который колотил кирпичом по органу сладострастия и получал кайф, когда, наконец, промахивался...

А еще предстояло бревно обтесать, подогнать, и соединить без гвоздей через выпиленные в форме «ласточкина хвоста» пазы.

И вот плот готов! Марк, трудившийся, возможно, больше других, но и будучи более закаленным, вдруг заявил потухшим голосом после обеда: «Сегодня спать будем без костра... Неохота за дровами переться...» А погода и в июле, когда мы там были, в том краю суровая: после ночи все покрывается инеем, а корочки льда на лужиках оттаивают только часам к 12 дня. Собственно день там в это время был еще круглые сутки: солнце, как пинг-понговый мячик, падало на линию горизонта и тут же отскакивало вверх.

На мне лежала наибольшая из всех моральная ответственность: я должен был думать не только о себе, но и о жене. Тогда я сказал: «Все, парни, кончили базар. Марк! Считай, что произошел гражданский переворот. Никакой ты теперь не капитан, а рядовой гражданин. Власть в свои руки беру я. Ты идешь со мной пилить бревно для стенки, а остальные – собирать сучья!»

Так я впервые понял, что очень важно говорить в подобных ситуациях уверенным тоном и не давать спуску. И все молча подчинились. Потом кого-то я послал за водой для вечернего чая, чтобы перед сном согреться (проблема простаты тогда еще не стояла, пить чай на ночь было можно), кто-то разжигал костер для этого, а мы с Марком устанавливали стенку из бревен.

Настушило утро. Обычно Марк вставал раньше всех и зычно орал:

- Рота-а-а, падъ-ё-о-ом!

На этот раз я проснулся сам. Все уже встали. Мне хотелось даже извиниться, что я проспал. Попили утреннего чайку, а потом Марк меня спрашивает:

- Ну, что, Игорьь, поплыли?

Я был огорошен таким вопросом, но вспомнил вчерашнее. Это ж я на себя навесил ответственность «вождя»! Но я уже из этой роли за ночь вышел, да и вообще, какой я, к чертовой матери, капитан? Но все ждали от меня решения! Я сказал:

- Марк, ты что, сбрендил?

ЗАПИСКИ НЕИНТЕРЕСНОГО ЧЕЛОВЕКА

- Нет, Игорь, в походе должен быть порядок...

- Ну, хорошо. Делаю публичное заявление: Власть возвращается к военной хунте в лице Марка. Всем гражданам беспрекословно ему подчиняться!

Все мы посмеялись, и на том все мое «обладание чрезвычайной властью» благополучно закончилось. Но я для себя усвоил важную вещь: лидер из меня никакой, власть мне и на хрен не нужна!

* * * * *

Как известно, если в первом акте на стенке висит ружье, оно хотя бы раз до окончания пьесы должно выстрелить. А наши ружья лежали девственно невостребованными... Стрельба по пустым консервным банкам не в счет. И вот такая возможность, можно даже сказать, жизненная необходимость использования ружья появилась: озверели мы от ежедневной рыбы, мяса захотелось.

Пошли мы с Марком на охоту, я вроде бы на должности охотничьей собаки. Марк был опытный охотник, умел «читать» всякие там надломленные сучки, примятую траву, отличал заячье дерьмо от лосиного, – словом, ни дать, ни взять этакий Дерсу Узала. Идем. Веток надломленных полно, трава помята будто проходила медвежья свадьба. А уж говна-а-а!.. Кругом «орешки» то ли заячьи, то ли оленьи нашли: для зайца великоваты, для оленя – маловаты, но самого производителя этих орешков так и не видели.

Идем-идем по какой-то просеке. До сих пор удивляюсь, откуда в приполярной чахлай тайге могла взяться просека? Вдруг ... Перед нами, переваливаясь по-утиному (а как же еще?), бежит утка с выводком утят! Марк вскинул ружье, я схватил его за руку: «Марк, так не по-божески! Это не охота, а просто убийство!» Я начал хлопать руками, топтать ногами, улюлюкать, разве что не лаял. А утка с утятами, продолжает бежать перед нами, лишь прибавив скорость, но и не думая взлетать.

- Погоди я хотя бы какую-нибудь палку в них брошу, чтобы спугнуть. – Сказал я Марку.

Кинул я в них какую-то деревяшку, они, наконец, дружно взлетели... Марк прицелился и ... тут я его плечом в плечо толкнул, раздался выстрел в сторону верхушек деревьев, а наши утконосы пернатые благополучно дали деру!

Марк – молодец, он понял меня:

- Пожалуй, ты прав, их было бы просто неудобно есть – ведь они совсем непуганые, это же не дичь!

Когда мы вернулись, над нами весело посмеялись: «Ишь, нашлись каннибалы-вегетарианцы!»

* * * * *

Мы не успевали: выбились из графика. А спешка ни к чему хорошему не приводит – не доплыв какой-то малости до нужного пункта, мы крепко посадили наш плот на два камня, и он был прижат потоком воды так, что сдвинуть его мы не смогли никакими рычагами. Пришлось постоянному герою всех подобных передряг – Марку почти по грудь в воде идти с концом веревки, прикрепленной к плоту, на берег, закреплять там второй конец, а потом мы по одному перебрались с плота на берег. Слава богу, вещей утопили немного, рюкзаки сохранились.

**Возвращение
из лыжного похода**

Когда вышли на берег мокрые и холодные, то разожгли костерок и на себе посушили одежду. Потом пошли искать полустаночек, на котором мы должны были дожидаться товарняк, идущий до Инты.

Поскольку вторая «военная хунта» была очень демократической (не зря же люди революции делают!), Марк решил обсудить, куда идти. Я оказался единственным, кто был убежден, что надо идти не в ту сторону, куда показывал Марк. Кончилось тем, что все пошли с Марком, а я один пошел в сторону, примерно под 120° от общего курса. Жену я бросил на попечение «хунты». Мне дали одно из ружей, и мы договорились время от времени давать сигналы одиночными выстрелами, а если у меня что случится, то я должен был дать два выстрела подряд, чтобы они знали, что нужно идти мне на подмогу.

Конечно, я был не прав! Так нормальные люди не делают. Какие, к черту, бунты на подводной лодке? Но мы уже наотдыхались до истощения нервной системы...

Однако не зря говорят, что дуракам везет. После пары контрольных выстрелов-переключек, я натолкнулся на геодезическую вышку. Я на нее залез и увидел ... что буквально на расстоянии 10 метров, за густыми зарослями кустов прямо передо мной находится тот самый полустаночек! Я слез с вышки и пальнул два раза. Чтобы придать своим позывным элемент трагизма, я пальнул с небольшим интервалом еще два раза. Мне ответили. Потом, постреливая, ребята приблизились ко мне, и вот уже из зарослей показались их заросшие небритые морды, позади шла Лида.

Когда Марк подошел, я ему сказал, что я заблудился, подвернул ногу и решил, что без них я пропаду... Повинную мою приняли. Потом я сказал:

- Марк, может, поднимешься на вышку, посмотришь, не видать ли чего? Марк нехотя полез, но залезши, заорал, как оголтелый:

- Станция! Станция! Станция!

Когда он слез, он понял по моей морде, что я его разыграл. Но радость затмила обиду, а потом уж такая у людей традиция: победителей не судят. (Иногда их просто расстреливают без суда и следствия...)

Диплом Общества Пушкинистов

У нашей русскоязычной общины в Сан-Диего есть хорошая традиция собираться на некие «масонские вечера» под эгидой «Клуба интеллектуалов». Не без претензий названьице, не правда ли? На самом деле, собираются 20-30 человек в возрасте от 70 до совсем уж детского. Я бы назвал это благородное собрание скорее «Клубом тех, кому хоть что-нибудь еще интересно».

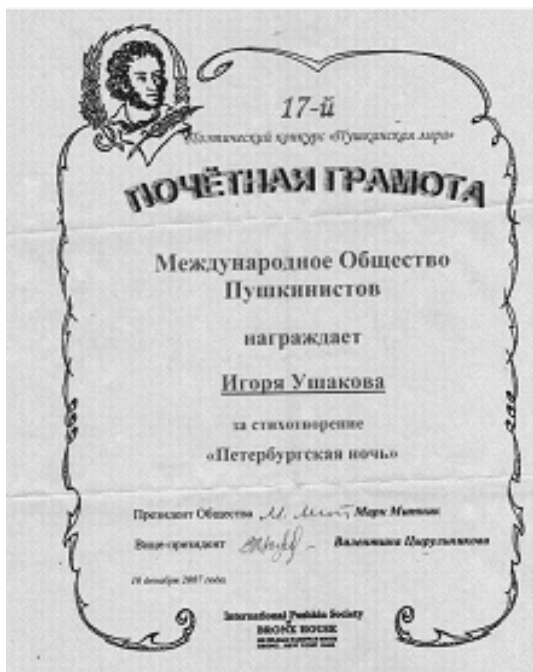
Я согласился сделать в этом клубе сообщение типа «Забавное о серьезном», на котором собирался рассказать некоторые расхожие хохмы из теории вероятностей. Стал готовиться: привычка у меня такая – люблю хорошо подготовленные экспромты.

Наступил вечер встречи «интеллектуалов». Как я ни старался, какие парадоксы и интересные истории из биографий творцов теории вероятностей ни рассказывал, похоже было, что мое выступление было сущим провалом...

Кончил я свое «научное» выступление, перешли к вопросам. Один из участников примерно моего возраста (ну, может, процентов на 10 старше меня) спрашивает: «Я вот в одной немецкой (!) американской газете прочитал, что Игорь Ушаков, живущий в Сан-Диего, получил почетную грамоту Международного общества пушкинистов. Я понимаю, что это были вы. А не могли бы вы прочитать то стихотворение, которое было удостоено той грамоты?»

Я объяснил, что стихи читать не умею, что если и читаю их, то только по пьянке и только в узком кругу друзей, а на трезвую голову... Действительно, посылал я свой стих на какой-то конкурс просто так: прочитал, что конкурс – и послал. Никогда раньше никуда не посылал. Нет, вру: когда было лет 18 я что-то послал, по юношеской дури, в «Юность» и даже получил ответ типа: «Спасибо, не надо».

А на это раз я даже получил грамоту, которую мне прислали по почте. Получив ее, я заглянул на Интернет и увидел, что все первые места на конкурсе были справедливо по-братски разделены между организаторами конкурса, что сразу подняло меня в моих собственных глазах: при родственной «дележке пирога» и мне – беспородному – достался кусочек... Это ли не истинная оценка моего

Грамота американского
Общества Пушкинистов

творения ☺? Под «общественным напором» мне все же пришлось прочесть это стихотворение.

Что это за стихотворение? Да вот оно:

Ночь. Тишина.
Отшуршали шины машинные,
Пешеходов галоши отшлёпали тоже...
Над Невой ночные джины
Разбросали фонарные рожи.
С одноглазого неба вымело
И луну, и блёстки окон.
Льёт осеннее чёрное вымя
Чёрное своё молоко...

Написал я его во время одной из бесконечных командировок времен начала моей инженерной карьеры, гуляючи по ночному Васильевскому острову. Стих складывался в голове легко. Может, потому что по неприкрытой голове (а кто в двадцать лет ходит в шляпе?) ритмично барабанил унылый ленинградский дождичек?

Придя в гостиницу, я записал его на бумагу практически без правки.

Честно говоря, мне этот стих нравится и самому до сих пор. Так и хочется запрыгать на одной ножке и прокричать: «Ай да Ушаков! Ай да сукин сын!»

Но если говорить всерьез, то, пожалуй, и, на самом деле, ничто из мною написанного не удостоилось такой чести! (Я имею в виду, не грамоту, а то, что самому стих все еще нравится ☺.) Возможно, это связано не с качеством стиха, а с воспоминаниями о тех временах, когда он был написан.

Ну, а теперь признаюсь в одном грехе: стихотворение свое я послал, изменив название на конъюнктурное: вместо «Ленинградская ночь», назвал его «Петербургская ночь». Понимал, что с «советской атрибутикой» моему стихотворению прямой путь – в мусорную корзину. Так что – привет от конъюктурика!

ТЕТРАДКА №8

ПРО ДЕТСТВО

«Не укради...» Да разве это кража?..

В памяти не застревают плохое про себя, уж таково ее свойство. Может, поэтому в описанных ранее эпизодах я выгляжу однобоко, таким положительным героем. Но вот вспомнил эпизод, который в добавление к моему «пьянству» в шестилетнем возрасте, вскрывает и другую «преступную склонность»: я воровал...

А дело было так. Во дворе мы вечно играли в две азартные игры на деньги: «пристеночек» и «расшибалку», или, как мы любовно эту игру называли - «расше-ше». Описывать эти игры не буду: кто играл - помнит, а кто не играл, тому будут, наверняка, не интересны эти детские игры.

Игры эти были азартны, были и свои профессионалы, которые неплохо зарабатывали по тем временам. Ведь играли только на «серебро», т.е. в ход шли гривенники, пятиалтынные и двугривенные. Чтобы был понятен масштаб, замечу, что трамвай стоил 3 копейки, троллейбус – 4, а автобус 5. За одиннадцать копеек можно было купить эскимо на палочке, а пончик стоил пятачок.

Я был азартный и невезучий – сочетание, которое многих честных людей в позапрошлом веке доводило до пули в лоб. Как-то и я проигрался в пух и прах и побежал домой попросить денег. (Давали мне обычно копеек 20, не спрашивая, зачем.) Прибежал, а у нас гости, вроде прерывать разговор неудобно. Я быстренько в прихожей нагреб из карманов висевших плащей и демисезонных пальто кое-какую мелочишку и помчался доигрывать, а вернее, «допроигрывать».

... Когда я вернулся домой полным банкротом, мама спросила меня, не брал ли я денег в карманах у гостей. Я сказал, что да, брал, но я думал, что отыграюсь и отдам... Оказывается гости с полдороги вернулись, обнаружив, что у них почему-то нет мелочи на трамвай, и они решили попросить займы у мамы: «Ни копеечки не осталось, и дырок в карманах вроде нет...»

Меня не наказали, а уж лучше б и наказали: после порки всегда была совесть чистая – все по Достоевскому: преступление и

наказание! Я, устыженный, промолчал, и даже не покаялся, хотя, может, потому больше и не грешил?..

Урок был своевременный: с тех пор я никогда не занимал для того, чтобы отыграться (помните: «Не за то отец сына бил, что тот играет, а за то, что отыгрывается!»). Да и по карманам больше не лазил...

ПРО ШКОЛУ

Мы жертвою пали...

Как-то в девятом классе читали мы на уроке английского Киплингского «Белого слона». Перед началом очередного урока я нарисовал на левой доске мелом, естественно, *белого* слона, а на правой – продолжил его следы. Всем ребятам очень понравилось, думали, что и училка примет рисунок с улыбкой. Но не тут-то было. Лия Лазаревна – так ее звали – вошла в класс не в духе. Увидев нарисованного слона, она почти закричала:

- Это кто набезобразничал?!

Я с улыбочкой встал, приняв ее крики за восторг от рисунка.

- Вон из класса!

Я не понял за что, но права качать не стал – была весна, на улице было хорошо. Почему бы и не погулять? За оценку по английскому я не волновался. Дело в том, что в восьмом классе я учился в другой школе, в Перловке, где был немецкий язык, поэтому я занимался с англичанкой индивидуально. Англичанка была весьма привлекательная молодая женщина, только что закончившая Иняз. Занимались мы с ней всего два раза в неделю, но по два часа, и какие это были занятия! Каждый раз она задавала мне по 10-15 страниц текста (помню, читал, слава богу, адаптированные «Путешествия Гулливера»), учил я по 50, а то и сто слов к каждому уроку. Дома читал текст до тех пор, пока не получалось беглого чтения с отличным, как мне тогда казалось, «оксфордским» произношением. Слова, конечно, быстро забывались, но потом попадались снова, я их снова учил, поэтому, в конце концов, запас слов у меня был довольно приличный для школьника.

Что же было стимулом для такой каторжной работы, спросите вы? Представьте себе 16-летнего парня-девственника, который к

девочке и подойти боялся. А тут рядом молодая красивая девушка, сидим мы рядом за учительским столом, иногда она наклоняется ко мне, показывая пальцем что-нибудь в тексте, при этом ее коленка прижимается к моей. Представляю, что сидел я красный, как вареный рак... Да, кстати, звали ее Любовь Варёнова, т.е. впопад: я-то был как рак варёный! А уж когда она иногда вставала и заходила сзади, а потом еще клала мне руку на плечо... Или – еще пуще того – наклонялась, чтобы мне показать что-то в тексте, и ее грудь касалась моего затылка или раскаленных докрасна ушей... Одним словом, вы представляете: это был мой первый сексуальный опыт в жизни. Думаю, что и она ловила кайф. (Кстати, за такие вещи в Америке учителей судят... А зря!)

Но вернемся, к сожалению, к нашим баранам: то-бишь к тому уроку английского, с которого меня прогнали. Я пошел к двери, а народ завозмутился: За что? Извечный вопрос на Руси, на который никогда нет ответа. Потом выяснилось, что Лия Лазаревна подумала, что на правой половине доски я нарисовал кучи – пардон! – слоновьего говна... Богатое же у нее было воображение!

На эти возмущенные восклицания моих однокашников Лия Лазаревна сказала одному из наиболее активных борцов за «классовую» справедливость:

- Вы тоже можете выйти из класса вместе с Ушаковым!

Тот с радостью встал и пошел к двери.

- А мне можно?..

- А мне?..

- А мне?..

Кончилось тем, что набралось нас человек 8-10. Мы вышли во двор школы, а фасад ее выходил на Ленинградское шоссе там, где сейчас через дорогу стоит здание Аэровокзала.

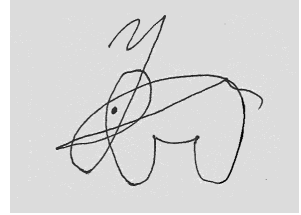
Меня подняли на руки и в горизонтальном положении, как мертвеца, понесли вперед ногами под революционную песню: «Мы жертво-о-ою пали-и-и в борьбе - трах-бах! – роковой – трах-бах!..» Из всех школьных окон повысовывались любопытные рожицы. Вот и из кабинета директора сквозь оконное стекло смотрит недоумевающая, но, как всегда, злая наша директриса, «Гусыня»...

Потом, естественно, выясняли всё в кабинете директора, но досталось, видимо, уже потом больше всех Лии Лазаревне: глупо

выгонять полкласса с урока. Нужно заметить, что, в принципе, женщина она была вполне нормальная – взбалмошная, алогичная, но добрая и отходчивая.

Перед следующим уроком я на доске нарисовал уже слона в брюках и написал стишок, который преподнес англичанке. Она его прочитала, долго хохотала, а потом зачитала вслух всему классу.

С тех пор у меня появилась шуточная подпись, на которой угадывалась фигурка слона. А я начал собирать слоников... Потом заразил этим же видом коллекционирования и сына. Теперь у Славы богатейшая коллекция слонов разных цветов и фасонов: и из Индии, и из Франции, и из США, и из Мексики. Есть даже подаренный слон из муранского стекла...

ПРО ИНСТИТУТ

«Бобра» убили!

Я никогда не любил драться. Я бы не сказал, что я был трусом, но даже в детстве, когда я еще ходил без очков, драки не доставляли мне удовольствия. В совсем зрелом возрасте, позанимавшись каратэ, – ходил я в секцию ради Славы, которому было только 14 лет, и без меня его не пускали на взрослую тренировку, – я приобрел уверенность в себе. Но следуя правилу каратэ «несостоявшийся бой – это выигранный бой», я выиграл огромное число «сражений». Более того, наш тренер говорил, что теперь, когда в наших руках (как, впрочем, и в ногах) такое оружие, то и убежать не грех – ведь ты убегаешь, потому что не хочешь покалечить противника, а не потому, что его боишься.

Но то, о чем я хочу рассказать было задолго до моих занятий каратэ и этих мудрых житейско-каратейских советов.

На преддипломную практику наша группа поехала в славный город Вильнюс. Жили мы в самом центре города около Дома офицеров, на Плацу Кутузова, а на работу на радиозавод таскались пешком чёрти-куда. Дорога была приятная, город, в общем-то, чистенький, несмотря на наличие все еще «слепых» зданий с забитыми окнами, что остались еще с военных времен.

Жили мы по принципу «неделя на кефире, воскресенье – в ресторане». Ну, если и не в ресторане, то прямо в общаге можно было выпить. Я пил мало: пора послезащитных банкетов, которые «подорвали мое здоровье» и сделали питье обычным ритуальным действием, еще не наступила. Я большую часть времени проводил за чтением – как раз тогда купил два тома «Саги о Форсайтах» на английском языке! Читал медленно, перечитывал, словом, смаковал так, как в свое время наслаждался и замечательным русским переводом этой книги. (На этот раз «дегустация» была вынужденной – постоянно приходилось лазить в словарь да и осмысление литературных фраз подлинника требовало времени.)

И вот лежу я себе, читаю спокойненько, как вдруг вбегает кто-то с криком: «»Бобра» убили!» Я вскочил и моментально решил, что надо вооружиться. Бросился к тумбочке, где у одного из наших парней лежал охотничий топорик с инкрустацией – диковинка, которую он купил в сувенирном магазине. Но надо же! Жлобина навесил замок на свою тумбочку. Я вспомнил, что у меня под кроватью валяется бутылка из-под кефира. Я схватил ее и выбежал на улицу за своим приятелем.

Подбежали к скамейке около Дома офицеров, там сидело бездыханное тело «Бобра» – Саша Боброва, у коего прямо из левой половины груди – как раз там, где сердце, – текла кровь... Пепел «рабочего Клааса» застучал в моем сердце, нам указали, куда пошел обидчик, сопровождаемый двумя нашими крепкими ребятами – штангистом Геней Лукашовым и просто сильным парнем Витей Иванцовым. Я увидел удаляющуюся троицу, двое наших держали обидчика за запястья рук, хотя можно было и подумать, что это он их ведет, а не они его... Времени на раздумье не было, да и мозги мои были пусты, я зачем-то помчался – а было это под горку – со всех ног за ними. В ночном уже спящем городе мои ботинки, подкованные железными подковками, чтобы меньше снашивались, гремели так, будто это статуя Командора гонится за Доном Хуаном.

В это время произошло следующее, как мне рассказали впоследствии мои друзья. Действительно, они вели парня с танцплощадки и внушали ему, что Саша Бобров не хотел его обидеть. Парень, кстати, литовец, шел, дав держать себя за запястья, расслабившись. Когда он услышал мой топот, то обернулся через левое плечо, увидел меня с чем-то странным в руке, резким движением правой руки, локтем ударил одного из «конвоиров» в подлых, сбив его на

землю, а затем уже освободившейся той же правой рукой врезал по челюсти второму, который тоже оказался на земле. Удар у литовца был хорошо поставлен (почему – вы узнаете позже).

Тут-то и подоспел я и, не раздумывая, – прямо, как нынешний ковбой в Персидском заливе³! – врезал бедному парню бутылкой из-под кефира по голове. Бутылка разлетелась вдребезги, парень побежал, пошатываясь со стенами: «Не убивай... Не убивай...» Из рваной раны на его голове текла кровь...

Только тогда с меня сошло помрачение разума, я пытался поддержать парня под руку, просил прощения, предлагал ему пойти к нам в общежитие и сделать перевязку. Но он твердил только одно: «Не убивай...»

Более гнусного состояния у меня в жизни не было и, надеюсь, уже никогда не будет... От одной только мысли, что я мог убить человека, что-то сдвигалось в мозгах... Я был сам себе омерзитель.

Когда я вошел в комнату в общежитии, ребята вскочили: «Что с тобой?!» Оказывается, я был весь в крови и из моего крепко сжатого кулака капала кровь. Когда я разжал кулак, из него выпало несколько осколков бутылки. ...Шрам от порезов и сейчас красуется на моей ладони, напоминая мне о заповеди «Не убий!».

Тут же я увидел и «Бобра», которого приводили в чувство. Оказывается, сильно надравшись, он начал при входе на танцплощадку отнимать у всех контрамарки, в том числе и у того парня, за которым помчался я. Этот парень терпел недолго и двинул Сашу Боброва по «паялу». У того хлынула кровь носом. Кто-то отвел и посадил его на скамейку, где он преспокойненько заснул, а из свесившейся на грудь головы кровь из носа обильно капала на то место, где у небессердечных людей находится сердце!

Наутро, когда мы пришли на работу, мы услышали разговоры в цеху, что вчера ночью кто-то едва не убил чемпиона Вильнюса по боксу в среднем весе. Что сделал это какой-то огромный громада в очках.

Настало время подумать и о себе. Ясно, что литовцы будут за мной охотиться. И как назло, в этот день меня и моего товарища

³ Имеется в виду нападение Буша-младшего на Ирак.

попросили задержаться на пару часов в настроечном цехе. Мы, конечно, не удумали нечего лучшего, чем заточить отвертки «для самообороны». Думаю, вы знаете или догадываетесь, что «заточка» – это одно из страшнейших бандитских оружий: нож еще может быть остановлен костью, а «заточка» кость обходит и проникает дальше...

Идем мы с работы. Темно, фонарей мало. Мы шарахались от каждой тени. Под конец перешли на быстрый шаг, а потом и вовсе побежали... Вот и долгожданный подъезд! Влетаем в темную арку перед парадной дверью. Я открываю дверь в вестибюль, там темнота. Не иначе, нас караулят и специально выключили свет! Я инстинктивно отпатываюсь и наваливаюсь спиной на моего приятеля, стоявшего за мной. У него нервы тоже напряжены, и он рефлекторно взмахивает «заточкой!» Она пропарывает мою куртку и рубашку и слегка царапает мне кожу на ребрах под правой рукой.

Потом, конечно, мы смеялись, но в тот момент было не до смеха.

* * * * *

В воскресенье мы пошли прошвырнуться по городу. В центре, на местном «Бродвее» я увидел парня с перевязанной головой. Я догадался, что это и есть мой «пациент». Быстро усмирив в себе благородные порывы: подойти бы, да извиниться бы, да поклясться бы в интернациональной дружбе, я прошел мимо, побоявшись последствий. Но до сих пор меня гложет совесть за то, что тогда случилось.

ПРО РАБОТУ

А вам приходилось работать на военном полигоне?

ПВООшный полигон в Сарышагане – это было нечто!.. Год был 1958, страна все еще продолжала жить по законам сталинского шариата, правда, языки уже поразвязались, но и то не очень...

Работал я тогда в ОКБ Семена Алексеевича Лавочкина. Был я молодым специалистом, т.е. крепостным рабом, с которым тогда можно было делать, что угодно. Только после трех лет работы по распределению наступал «Юрьев день» и можно было увольняться...

Так вот, послали меня на военный полигон, где отрабатывались наши противосамолетные ракеты. Работу тяжелой не назовешь, обычная ежедневная инженерная рутина. По вечерам – обычно преферанс с умеренными порциями неразведенного спирта. Когда надоело пить без повода, обнаруживался чей-нибудь день рождения. Иногда отмечали удачный пуск ракеты, но это уже был почти официальный банкет.

Однажды во время такого «народного праздника» я слегка припозднился и пришел, когда у всех уже было «нолито»: чуть больше половины стакана спирта в одном граненом стакане и чуть меньше половины стакана воды для заправки. Пропорции такие были не из пижонства, а по необходимости: вода была привозная – раз в неделю из Сарышагана приезжала цистерна с питьевой водой и развозила ее по всем близлежащим «точкам».

Так вот я вхожу, а оказывается меня все ждут! Я польщен и смущен, беру свой стакан со спиртягой, чокаемся, я залпом (а как же иначе спирт-то чистый пить – не через соломинку же тянуть!) выпиваю спирт, и тут же без вдоха выливаю в горло и воду. Но ... И тут я понял, почему все ждали меня и так обрадовались моему приходу: шутники налили мне вместо воды тоже спирт!

Я понял это моментально, сумел сдержаться, как положено, крикнул, и недоумевающе поглядел на друзей. У тех аж пасти отвисли... Мой стакан из-под «воды» пошел по кругу: его обнюхивали, чуть только не облизывали и непонимающе смотрели на меня.

Спирт, попав в мой девственно пустой желудок, начал, однако, действовать моментально. Я почувствовал, что вот-вот голова пойдет кругом и я просто замертво свалюсь. Выждав пару минут, я сказал, что мне надо срочно подготовить отчет о сегодняшних результатах испытаний, извинился и ушел. В свою комнату я мчался, сломя голову, боясь, что не успею в сознательном состоянии добраться до своей солдатской койки... Последнее, что я помнил – была моя койка, я успел едва снять обувь, как мир начал рушиться и меркнуть... Утром я проснулся, когда все уже ушли на работу. Меня из гуманных соображений не разбудили. Во рту пылал пожар, голова разламывалась от боли со странным треском в ушах... Я с трудом добрался до солдатского «многосисечного» умывальника, набрал из одного из «сосочков» горсть воды, потом другую, жадно глотал противную теплую воду... И тут я почувствовал, что меня опять «пове-

ло», даже хуже, чем вчера. Я опять с трудом добрался до койки и мертвецким сном проспал до обеда...

Вот такие бывали шутки...

А на улице ветер бывал такой, что мы часто делали так: выйдешь на улицу, «ляжешь» на ветер спиной градусов под 60-70 и спокойненько «лежишь», благо, что ветер дул с поразительно стабильной скоростью, будто в аэродинамической трубе в ЦАГИ⁴. При такой силе ветра маленькие камушки летали по воздуху и иногда преобильно «жалили».

А однажды новичок-«новобранец» из нашего отдела во время такой пыльной пурги вышел «по малой нужде». Будучи человеком интеллигентным, он решил справить нужду свою, отойдя подальше от барака, в котором мы жили. Ушел и ... пропал, как у нас тогда говорили, «без извести». Открыли дверь, покричали, вроде бы услышали даже ответ. Но ветрило такой, что звук буквально «сдувает»: по звуку и точного направления на кричащего не установить. Словом, кто-то привязал конец бечевки к дверной ручке и пошел, разматывая моток навстречу звуку. Через какое-то время вернулись и спасатель, и тот, что «несолоно мочивши», оба под толстым слоем пыли, забившейся во все мыслимые и немыслимые складки и пазухи...

А знаете, как интересно смотреть на лицо человека, у которого брови, веки и ресницы покрыты маленькими пирамидками-сугробчиками тончайшей, как пудра, пыли?

И все равно сейчас вспоминаешь едва ли не с какой-то теплотой, даже многое из того, что было очевидно плохим.

«Друг может только предать...»

Когда я работал у Сорина, то подружился с одним хорошим парнем – Славой Гулицким. Он был общительным, толковым, спортивным, да и жили мы по соседству, поэтому частенько ходили домой пешком вместе. Но самое главное для нашего рассказа это

⁴ ЦАГИ – Центральный Аэрогидродинамический Институт, в котором экспериментально отработывались аэродинамические характеристики всех новых самолетов и ракет.

то, что был он секретарем комсомольской организации нашего НИИ.

Получил я приглашение перейти на работу в НИИ АА, договорился обо всем с Яковом Михайловичем Соринным, своим начальником. Я пообещал, что всю общественную работу (Кабинет надежности, Секция Госстандарта, журнал «Надежность и контроль качества») буду добросовестно продолжать. Я подал заявление, Яков Михайлович его подписал. Жду ответа из дирекции.

Идем мы в один из этих дней со Славой Гулицким домой. Весна в разгаре, воробышки чирикают, почки прямо на глазах распускаются, ручейки подсохли, теплынь, благодать...

Идем и говорим о всякой всячине. Я заметил ему, что почему-то дирекция тянет с моим заявлением об увольнении. А Слава мне на это говорит, вроде бы невзначай:

- Да, ты знаешь, завтра тебя на Комитете ВАКСМ будем из комсомола исключать.

Я аж обомлел: Почему завтра? Почему исключать? За что? Почему меня об этом никто не предупредил?

- А собственно, за что меня можно исключить из комсомола?

- Директор сказал, что на тебе висит важная работа, и если ты уйдешь, то пострадает дело.

- Но это же неправда!

- Так сказал директор.

- Ну, ты-то меня поддержишь? Ты же все знаешь, меня Сорин отпускает, а ему виднее, чем директору.

- Нет, я не поддержу... Именно я этот вопрос и должен поднять в Комитете...

- Но мы же друзья...

- Дружба дружбой, а мне самому хорошая характеристика нужна для поступления в Академию Внешторга!

Меня почти восхитил его чудовищный и откровенный цинизм. Вот, думаю, сука какая! Я не нашелся, что ему ответить, даже не дал по морде. Я был, как спущенный воздушный шарик. Даже на его обычное: «Ну, пока! До завтра!» я не нашелся, что ответить. Во мне просто что-то сломалось... Это было первое предательство, которое я пережил в жизни.

На следующий день институт уже гудел: всем стало известно, что меня исключают из комсомола. (Знали бы они, что меня уже один раз собирались исключать из комсомола, но спас партийный архангел!) Время было уже «оттепельное», люди начали иногда и не соглашаться с этим стандартным «наверху есть такое мнение».

Начался Комитет. Выступает Гулицкий с гневной речью, клеймя меня чуть ли не как «наемника международного империализма». Потом начали выступать другие члены Комитета, сначала, естественно, ставленники начальства. Но тут сыграла ... прежняя всем хорошо известная наша дружба с Гулицким! Если бы он был нейтральным по отношению ко мне человеком, то все бы могло пройти «на ура». Но нормальные люди увидели в поведении Гулицкого банальное шкурное предательство.

Выступали все члены комитета. Где-то третьей от конца выступила Наташа Бронштейн или Бернштейн, не помню, я ее практически не знал. Нет, видимо, ее фамилия была Бернштейн, потому что уж «Троцкую» я бы точно запомнил. Наташа так вдохновенно меня защищала, что под конец даже разрыдалась. Ей я и обязан тому, что счет голосов был 8:7 в мою пользу! Вот так «на бровях» я выполз из очередного «политического» аутодафе.

ВСТРЕЧИ С ТИТАНАМИ

Введенный член...

Елена Сергеевна Вентцель

Легенды про Елену Сергеевну Вентцель я слышал давно, я ведь учился с ее сыновьями в одной школе, правда, они оба были в младших классах. Но я хочу написать о том, о чем я знаю сам, не понаслышке.

Впервые я увидел Елену Сергеевну, когда она читала популярную лекцию по теории вероятностей в Академии Жуковского, где она была профессором. Лекция эта была для «широких кругов» офицерства и кое-каких

ЗАПИСКИ НЕИНТЕРЕСНОГО ЧЕЛОВЕКА

штатских, включая меня. Со звонком в аудиторию, имевшую форму амфитеатра, входит относительно молодая женщина – подтянутая, живая, с блеском черных (пожалуй, темно-карих) глаз. Раздается чей-то звонкий голос: «Товарищи офицеры!» и все вскакивают, приветствуя Вентцель.

Она оглядывает зал и вопрошает:

- Нет ли среди вас генералов?

Зал, похихикивая, отвечает, что нет.

«Тогда я начну лекцию с небольшого примера.

После учебного бомбометания по мосту, начальник испытаний докладывает генералу:

- Товарищ генерал! По результатам испытаний вероятность попадания в мост равна 0.9.

- А ты не можешь попроще, без этой вероятности?

- Товарищ генерал! 90 процентов бомб попало в мост.

- Да ты что бомбы бросал или проценты? Никак от тебя вразумительного ответа не добьешься!

- Товарищ генерал! Из каждых десяти бомб девять попадают в цель, а десятая – нет.

- Так зачем же вы, болваны, десятую-то бомбу бросаете?»

Зал так и лег. После этого пошла нормальная лекция. При своем прекрасном литературном языке (а она была и профессиональным писателем), Елена Сергеевна умудрялась многие сложные вещи преподносить нестандартно, а часто и с юмором.

* * * * *

Вторая встреча у меня была с Вентцель по телефону. Я собирался защищать докторскую диссертацию в Ученом совете НИИ АА, где я работал, но Совет там был кандидатский. Нужно было для того, чтобы совет смог принять докторскую диссертацию, ввести в него несколько дополнительных докторов наук. (Я об этом уже рассказывал.) В моем списке была и Вентцель. Звоню я ей по телефону.

- Здравствуйте, Елена Сергеевна!

- Здравствуйте...

- С вами говорит Ушаков...

- ...

ЗАПИСКИ НЕИНТЕРЕСНОГО ЧЕЛОВЕКА

- ... Игорь Алексеевич.

- Фу, слава богу! Я-то подумала, что Ушаков – главреж МХА-Та. Я им обещала пьесу прислать еще вчера, да вот не укладываюсь в сроки... Я вас слушаю.

- Я собираюсь защищать докторскую диссертацию...

- Пора, пора. Я знаю ваши работы... И кем бы вы меня хотели видеть на вашем Совете?

- Введенным членом.

- Это для меня ново... Это очень интересно! Ну, конечно же, я согласна быть «введенным членом»! Но при одном условии: такси от дома до вашего института и обратно обеспечиваете вы.

Когда я повесил трубку, то вдоволь повеселился: до меня только тогда дошла комичность формы моего предложения!

К сожалению, защита в нашем институте не состоялась – ее перенесли в Академию Дзержинского, а там уж член на члене сидит и членом погоняет, и все доктора!

* * * * *

Упустил я и следующую возможность лично познакомиться с Еленой Сергеевной. Мы решили обменять наши две квартиры «на съезд», а по объявлению нашли, что в то же время Елена Сергеевна хотела обмен «на разезд». Когда я с женой и тещей приехал в «профессорский корпус» около Аэровокзала на смотрины, то, к сожалению, Елены Сергеевны дома не оказалось, а была только ее дочка. Нас все устроило, дело оставалось за тем, чтобы они посмотрели наши квартиры.

Когда же Елена Сергеевна приехала смотреть нашу квартиру, меня дома не было, дома была одна теща. Они познакомились, Вентцель осмотрела квартиру, потом подошла к стеллажам с многочисленными книгами и, со слов тещи, сказала: «Интересно, какие у Игоря Алексеевича книги?..»

Обмен жилья не состоялся: наши две «хрущобы» не потянули на одну профессорскую квартиру...

* * * * *

Следующий эпизод рассказал мне Георгий Васильевич Дружинин, которого я хорошо и давно знал – он был «крестным отцом» моей первой опубликованной в 1960 году статьи.

Елена Сергеевна Вентцель под псевдонимом Ирины Грековой (ну, конечно же, «и-грекова»!) опубликовала несколько очень интересных произведений, в том числе, повесть «На испытаниях». Как говорили, прототипом героя этого романа генерала Сиверса был ее муж – Дмитрий Александрович Вентцель, тоже профессор Академии Жуковского. Роман реалистично описывал жизнь людей, проводивших испытания техники на военных полигонах. (Могу лично подтвердить, что реалистично!)

Но именно это возмутило Главное Политуправление Минобороны, поскольку задело за живое. Оттуда было написано письмо в Союз советских писателей с требованием исключить Вентцель из оного. «Оный» на это ответил, грубо говоря, что не ваше это собачье дело, кого мы принимаем в наш союз. А уж вы разбирайтесь сами в своем ведомстве со своими делами, а к нам не лезьте.

Разъяренный генералитет потребовал тогда от Академии Жуковского уволить Вентцель с кафедры Теории вероятностей, где она работала вольнонаемным профессором. Просто так взять да и уволить даже гражданского и беспартийного профессора нельзя. Поэтому собрали Ученый совет для внеплановой перееаттестации профессора Елену Сергеевну Вентцель, чтобы потом «честным голосованием» отместить чужеродный элемент из рядов славной когорты бывших «сталинских соколов».

Состоялся Ученый совет. С гневными обличительными речами выступили секретарь партбюро факультета, начальник факультета, начальник кафедры... Все они призывали «прокатить» «товарищЪ» Вентцель при голосовании ее на должность профессора кафедры. Перешли к голосованию: все «за» Вентцель и НИ ОДНОГО против!

Вдрызг разобидевшееся высшее начальство спустило собак на «обличителей», которые и сами тоже проголосовали «за»! Каждый получил по «строгачу» за так называемую «неискренность перед партией».

А Елена Сергеевна на следующий же день подала заявление «по собственному желанию», дабы не усугублять ситуации на кафедре. Ее тут же с распростертыми объятьями, почти за честь, принял Георгий Васильевич Дружинин, бывший тогда деканом и заведующим кафедрой в МИИТе. (Кстати сам Георгий Васильевич был выпускником Академии им. Жуковского.)

Главный кибернетик Советского Союза

Работая в Киеве, Борис Владимирович Гнеденко, будучи директором Института математики, создал один из первых вычислительных центров в Советском Союзе. Быть директором созданного центра по рекомендации, кажется, профессора МГУ Люстерника⁵, он позвал из Москвы молодого тогда доктора физмат наук Виктора Михайловича Глушкова. Тот приехал и первые месяцы до получения собственного жилья жил в семье Гнеденков⁶.

Я не хотел бы углубляться в детали весьма сложных личных и деловых взаимоотношений Гнеденко и Глушкова, но нельзя не сказать, что их пути разошлись и разошлись резко и бесповоротно.

За считанные годы Глушков, который обладал удивительным организаторским талантом, создал на базе Вычислительного центра гигантскую кибернетическую империю.

**Виктор Михайлович
Глушков**

Первый раз я увидел Виктора Михайловича году в 1965, одним словом еще до защиты своей докторской диссертации. Тогда нас с Юрой Беляевым вместе с группой «молодняка» кандидатского уровня Глушков пригласил на экскурсию в свой Институт кибернетики. Помню, как увлеченно он рассказывал про компьютерный эксперимент, иллюстрировавший формирование коллективного поведения «формальных автоматов». Он пригласил нас работать к себе, но

⁵ Лазарь Аронович Люстерник – крупный советский математик, членкор АН СССР.

⁶ Я написал «Гнеденков» не случайно: корни Бориса Владимировича – в русском казачестве, хотя окончание «-ко», возможно и помогало ему в то время, когда он работал на Украине. Так однажды подписали недавнее письмо мне его сын Дмитрий со своей дочкой Катей, подчеркнув «от ГнеденКОВ».

ЗАПИСКИ НЕИНТЕРЕСНОГО ЧЕЛОВЕКА

все мы были при деле и работали в хороших местах. Возможно, многие из нас, отказавшись, многое потеряли...

* * * * *

Потом судьба свела меня с Виктора Михайловича надолго, года на три, когда мы работали над одним и тем же проектом по созданию Информационно-вычислительного центра ЦК КПСС. Приезжал он в Москву очень часто, буквально два-три раза в месяц. Его голова всегда была полна самых разнообразных идей из самых разных областей человеческих знаний.

Память у него была фантастическая. Он этим очень гордился и рассказывал удивительные истории. Однажды в Германии один его немецкий коллега в международной компании похвастался, что он знает стихотворение Пушкина на русском, а вот его русские коллеги, с которыми он общается, не знают немецкую поэзию. На это Глушков ответил, что тому просто не повезло с русскими коллегами и спросил, сколько ему дадут времени на чтение немецких стихов. «Да сколько угодно!» – в запальчивости сказал немец. Глушков начал читать по-немецки Шиллера, Гете, Рильке, потом перешел на французский – от Гюго до Аполлинера и Бодлера, потом на английском читал Байрона, Шелли, Шекспира... «Концерт Глушкова» прошел под бурные аплодисменты присутствовавших...

Помню, на одном из совещаний в ЦК (фактически это была лекция Глушкова для аппарата ЦК) он, говоря без бумажки, приводил на память уйму статистических данных из разных сфер народного хозяйства. При ответах на вопросы он сосредотачивался секунд на 20, казалось, что буквально слышно, как в его мозгу крутятся шестереночки, а потом опять сыпал цифрами. Кое-какие недоверчивые аппаратчики записывали некоторые цифры, чтобы потом их проверить. Я слышал от них, как они потом восхищались точностью памяти Виктора Михайловича.

* * * * *

На домашнем банкете по случаю защиты кандидатской диссертации Льва Николаевича Ильина, Глушков поразил меня еще одной чертой своего таланта: он отлично пел! Голос у него был высокий, пронзительный, почти дискантовый тенор. Он пел украинские песни, русские романсы, а потом сказал, что ему больше всего нравится песня: «Призрачно все в этом мире бушующем...».

ЗАПИСКИ НЕИНТЕРЕСНОГО ЧЕЛОВЕКА

Он пел эту песню самозабвенно, так, как больше – сколько я ее не слушал после этого – не пел никто. Когда он кончил петь, все молчали, будто присутствовали только что при какой-то исповеди человека, который им доверил что-то сугубо личное и очень для себя важное...

Могу сказать, что с тех пор эта песня стала и моей любимой песней. Все исполнения этой песни эстрадными певцами – это дерьмо собачье! Эти песню можно петь, по-моему, либо в духе Марка Бернеса при полном отсутствии голоса, либо ее нужно петь во весь голос трагически-жизнеутверждающе, как пел Глушков.

* * * * *

Я через день хожу в сауну. Американцы не понимают прелести настоящей бани, поэтому я всегда сижу один. И почти каждый раз я пою, как и большинство людей делают в ваннах и душевых, когда они одни. Основной мой «репертуар» - это Лещенко и Вертинский, но начинаю я почти всегда с песни про «этот миг между прошлым и будущим»...

* * * * *

Однажды после нашего производственного общения в ИВЦ ЦК КПСС, Виктор Михайлович, приехав на заседание редколлегии «Технической кибернетики», заговорил со мной о чем-то, и мы пошли вместе – я решил проводить его до гостиницы. Он предложил мне перейти работать к нему: квартиру и украинское членкорство он гарантировал.

Я почти никогда не жалею о том, что я сделал что-то не так. Возможно, – нет, даже наверняка! – в Киеве мне было бы лучше работать, чем в ВЦ АН, я бы там имел большее социальное признание. Но я не мог потерять своих московских друзей, своих аспирантов. И особенно, пожалуй, аспирантов. Они мне многое дали, многому меня научили (в самом прямом смысле), общение с ними – одна из наибольших радостей моей жизни. Почти все они для меня немножко мои дети...

Я отказался, хотя, сознаюсь, не без сильных колебаний.

Лев Арденнских лесов

Когда мы со Славой ехали из Нида домой после наших «живописных» упражнений «на пленэре», с нами в купе ехал пожилой

мужчина, высокий, сухощавый, с волевым и умным лицом, вместе с мальчиком, по всей видимости, внуком.

Мы ехали без особого общения, обмениваясь лишь ничего незначащими фразами. На одной из остановок мы со Славой вышли, и он попросил купить в станционном газетном киоске «Юманите Диманш» – он учился во французской спецшколе и уже неплохо читал по-французски. Когда мы вошли в купе, мужчина спросил, можно ли ему посмотреть газету. Конечно, мы ему ее тут же дали, а я, честно-то говоря, подумал, что тому интересно посмотреть цветные фото, которые даже в зарубежных газетах были тогда еще в диковинку.

Он не спеша перелистывал страницы, будто что-то прочитывая. Тут мальчик спросил: «Деда, а что там интересное пишут?» Дед стал ему пересказывать, показывать фотографии и объяснять, что к чему.

Когда он возвращал газету, я спросил его, где он обучался французскому. Он ответил, что читает и говорит свободно, но нигде специально не учился. Я заметил у него на пиджаке три ромбика со львами на задних лапах, прямо как у чехословацких хоккеистов. Я спросил его, воевал ли он в Чехословакии. Он ответил, что нет, воевал он в Бельгии, а это бельгийские ордена наподобие нашего Ордена Славы, и что у него их полный набор – все три степени. Завязался разговор. Он представился, но я, к сожалению, не сохранил в памяти его имя, отчество и фамилию. Запомнил только на всю жизнь его партизанскую кличку – «Лев Арденнских лесов». Вот его рассказ вкратце.

В самом начале войны, когда немцы молниеносно и практически без боя захватили огромные территории на Западе Советского Союза, только две точки оказали упорное и беспрецедентное сопротивление, находясь в окружении врага: это Брестская крепость и эстонский остров Саарема. Про Брестскую оборону знают все. Саарема же продержался дольше Брестской крепости, хотя и он пал в неравной борьбе.

Героя нашего рассказа (а поскольку он и вправду Герой, то я буду впредь использовать это вместо его имени, которое я забыл) тяжело контуженного, в беспамятстве, немцы взяли в плен. Он был одним из немногих вообще оставшихся в живых.

Его отправили в концлагерь под Каунасом. (Если мне память не изменяет, это «Четвертый Форт».) Там в один из первых же дней его привели на допрос. Поскольку он попал в плен в форме красного командира и было видно, что он не простой солдат, посему немцы допрос вели со специальным пристрастием. В один из моментов молодой фашистский офицер подошел и начал гасить сигарету об руку Героя, но тот был не из простых. Он сорвался со стула, вскочил, схватил обидчика за горло и начал душить. Как он объяснил, о смерти он не думал, а на сохранение жизни и не надеялся. Его оттащили, пострадавшего офицера отослали из комнаты и продолжили допрос уже в корректных формах. (Возможно, это был стандартный прием “bad guy vs. good guy”, так часто используемый полицейскими при допросах преступников – так называемая «работа на контрасте».)

Пробыл в этом концлагере Герой около года, а потом с группой других военнопленных совершил побег. Их поймали уже где-то километров за 15 от лагеря... Герой рассказал мне, что у немцев был некоторый, как он и сказал, «Кодекс чести», хотя и весьма своеобразный: тех, кого ловили на расстоянии, кажется, до пяти километров от лагеря просто травили собаками, обычно до смерти. Кого ловили на расстоянии от пяти до десяти километров, тех избивали до полусмерти и бросали в яму-карцер на несколько дней. Тех же, кто умудрялся уйти больше, чем на 10 километров, ловили, сажали в карцер, а после этого переводили в другой лагерь «с повышением», делая ответственными за группу заключенных: человек становился жертвой «круговой поруки» – теперь если кто-то сбежит из его группы, то его немилосердно наказывали. Это был какой-то тонкий прием психологической ломки военнопленных.

После карцера Героя отправили в лагерь подальше от границы, куда-то уже в глубинную Германию.

Но Герой – на то он и герой – из него нельзя сделать раба или подонка. Он с двумя военнопленными из своей группы опять сбежал! Ближе всего была бельгийская граница, туда они и направили свой путь. Идти можно было только в темное время суток, днем они отсиживались в домах у немцев, которые их, несмотря на возможные смертельные последствия, пускали. Каким чутьем беглецы определяли, в какую дверь можно постучать и не нарваться на кого-то, кто их выдаст? Как рассказывал Герой, они выбирали дома

на окраинах и победнее. К счастью, фортуна была на их стороне: на третий день они натолкнулись на бельгийских партизан...

Бельгийцы, в отличие от наших партизан, были более доверчивы, они приняли русских без особых проверок. Да и откуда могли появиться русские провокаторы на территории Германии?

Герой быстро вписался в дружный партизанский отряд. Отвага и ум вывели его в первые ряды, его представили руководителю Бельгийского Сопротивления, который, кстати, после войны стал Секретарем Бельгийской Компартии. Вскоре Героя назначили командиром Интернациональной бригады. Там он и заслужил свои три высших бельгийских военных ордена и массу медалей.

Но вот кончилась война, враг был разбит. Бельгийские товарищи провожали Героя и его советских сотоварищей по Интернациональной бригаде домой, на Родину. Их всех одели в форменные темно-синие габардиновые кители, брюки навыпуск, лихие пилотки, шикарные черные ботинки, вручили именные часы. В дополнение всем выдали наганы с выгравированными дарственными надписями и паек на дорогу. Ехали они с полным комфортом в купейных вагонах...

... Вот уже проехали Брест. Вот она – долгожданная Родина!.. Однако где-то около Вязьмы их всех выгрузили из вагонов, поезд ушел, а героев-партизан построили и повели в здание вокзала. Наш Герой сообразил, что что-то неладно. Он еще в немецком концлагере слышал, что Советские власти не очень-то жалуют тех, кто побывал в плену. Особенных сомнений в правдивости подобных утверждений у человека, пережившего 37-й, не возникало. Он, на всякий случай, спрятал, отодрав доску в стене привокзального строения, список личного состава отряда, который с гордостью вез с собой.

Личное оружие у всех отобрали, посадили в телячьи вагоны и уже без всякого почета, но зато под охраной повезли в Москву. Там, конечно, все оказались на Лубянке...

Начались опять допросы. Что, собственно, хотели у них узнать? Герой рассказывал мне, что он отказался отвечать на вопросы, касавшиеся его бойцов. И тут один из допрашивающих младших офицеров повторил фашистский прием с сигаретой! Как и в первый раз, Герой вскочил и начал душить негодяя... Очнулся Герой избитый, в наручниках, на полу каменной ямы...

ЗАПИСКИ НЕИНТЕРЕСНОГО ЧЕЛОВЕКА

Всех их потом послали в края весьма отдаленные. Отсидел он в советском концлагере аж до реабилитации 1956 года, во много раз дольше, чем у фашистов. Бежать было бессмысленно, поскольку некуда – Бельгия уж очень далеко.

Наконец, спустя 10 долгих лет, Героя отпустили домой. Семья его жила в Москве, где сам он до войны работал инженером (и не самым простым) на Заводе имени Сталина, который к моменту возвращения Героя именовался уже Заводом имени Лихачева. Но даже после реабилитации Герой не получил полных гражданских прав: вместо паспорта у него была лишь справка, и он был обязан ежемесячно являться на регистрацию в отделение милиции...

На инженерной работе его, «беспаспортника», конечно, не восстановили, но какая-то добрая душа все же приняла его дворником, подметать заводской двор.

Вдруг однажды в одночасье все переменялось, как по мановению волшебной палочки. Его вызвали в дирекцию, предложили инженерную должность, через местком экстренно выдали малогабаритную трехкомнатную квартиру в хрущевском доме на втором этаже, даже ввезли бесплатно новую мебель. И телефон установили, что было в новостройках тогда в диковинку. Семья была на седьмом небе от счастья: наконец-то Героя признали на Родине!

Все оказалось проще, ведь даже волшебники и даже волшебными палочками не машут просто так. Оказалось, что с визитом по приглашению ЦК КПСС в Советский Союз приезжал Секретарь ЦК Бельгийской компартии, тот самый, который был руководителем Бельгийского Сопротивления. И, конечно же, у него была первая просьба организовать ему встречу с Героем, его старым боевым другом!

Суэта с квартирой, как оказалось, была не напрасна: бельгиец захотел навестить своего друга в домашней обстановке. К моменту приезда гостя на лестнице дома, ведущей к новой квартире Героя, красовалась даже красная ковровая дорожка, которая даже поднималась аж до третьего этажа: путь гость подумает, что ковры на лестницах – это так принято в нашей стране. Пригодился многовековой российский опыт постройки «потемкинских деревень»!

Бельгийский гость навестил своего друга, стол ломился от снеди и питья, доставленных по мановению все той же волшебной обкомовской палочки из спецраспределителя. И можете себе пред-

ставить, и квартиру, и даже мебель после визита бельгийца – у Героя не отобрали!

Вскоре раздался звонок, звонили из Комитета ветеранов войны, просили приехать. Отпросился Герой с работы, поехал. Вошел в приемную, там сидит какой-то отставной полкан и строчит что-то, не поднимая головы и даже не предложив сесть. Прошло минут двадцать. Из кабинета выходит Председатель Комитета – легендарный Алексей Маресьев⁷ и спрашивает своего секретаря, не приходил такой-то, называя фамилию Героя.

- Никто, кроме вот этого товарища, не входил...

- Это я, Алексей Петрович... – Отвечает Герой.

Маресьев прямо закричал на секретаря:

- Как вы посмели не доложить мне тут же? И даже не предложили ему сесть! Да вы знаете, кто перед вами стоит?

В кабинете Маресьев предложил Герою сесть.

- Спасибо, Алексей Петрович, я свое уже отсидел. – Горько пошутил стандартной тогда шуткой Герой.

В теплом и дружеском разговоре выяснилось, что Маресьев предлагает Герою стать своим замом по Партизанскому движению...

Потом Герой начал длительные поиски своих друзей, которых жизнь, точнее НКВД, разбросала по нашей бескрайней стране. Герой съездил на ту железнодорожную станцию, где схоронил списки интербригадцев, но за это время построили новое здание... Списки бесследно пропали.

Благо память у Героя оказалась великолепной, он восстановил около сотни фамилий с именами, с примерным возрастом и приметами. Герой объездил много бывших мест заключений, рылся в архивах и сумел найти около, кажется, тридцати или сорока своих товарищей.

⁷ Алексей Петрович Маресьев – легендарный советский лётчик. После боевого ранения ему ампутировали обе ноги до голени, но он настоял на возвращении в строй. Уже после возвращения в свою часть сбил 7 вражеских самолетов, за что был награжден званием Героя Советского Союза. Прототип Маресьева – героя повести Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке».

Вот такой рассказ я услышал от Льва Арденнских лесов.

* * * * *

В Москве я звонил Герою, хотел познакомить его с друзьями-журналистами, но он категорически отвергал все мои предложения, сказав мне, что ничего особенного он в жизни не делал и не хочет какой-либо шумной известности.

ИНТЕРЕСНЫЕ ЭПИЗОДЫ

Зал встретил меня бурной овацией, стоя

В бытность мою замом Председателя Совета молодых специалистов Москвы, я был дважды удостоен «монаршей милости».

Как я уже писал, молодым я был в то время весьма относительно – стукнуло мне уже 34 годочка. Но, тем не менее, видимо, «выполняя план по мясу» на докторов, меня в МГК комсомола все время норовили куда-то продвинуть.

Сначала меня выбрали делегатом на городскую комсомольскую конференцию, где, как сказал мне Секретарь МГК ВЛКСМ Виктор Купреев, меня должны были выдвинуть в Московский Комитет комсомола. Сознаюсь, вот чего уж я не люблю, так это общественную работу с заседаниями! Оказанная мне честь меня просто напугала.

Я нашел хороший предлог: как раз в дни комсомольской конференции мой друг, профессор МГУ Геннадий Павлович Климов, организовал семинар в Цахкадзоре и пригласил меня поучаствовать. Честно-то говоря, назвать это семинаром можно было лишь с большой натяжкой. Мы целыми днями катались на лыжах, а вечером в гостинице за пашлыками, обильно сдобренными хорошим вином, сидели с пятком аспирантов Климова и, действительно, что-то математическое обсуждали.

Но заранее я даже и не предполагал, что «семинар» будет вот таким. Именно поэтому я на полном серьезе говорил о вполне серьезном научном семинаре.

Я сказал в МГК, что вряд ли смогу присутствовать на комсомольской конференции, так как являюсь замом председателя оргко-

митета математического семинара, который проводится в Армении. Однако дайте мне знать: если я буду действительно необходим, то я обязательно все брошу и прилечу в Москву, если, мол, партия меня призовет. На том и порешили.

Приехав в Цахкадзор, я честно каждый день, идя с горы в гостиницу, заходил на почту и проверял, не прислали ли мне телеграмму. И вот, в один из дней получаю я ... ПРАВИТЕЛЬСТВЕННУЮ ТЕЛЕГРАММУ! Требуют мой срочный вылет в Москву.

Обсудили мы с Геной Климовым ситуацию, и у умного человека появилось решение. Он мне говорит, а ты пошли ответ типа: «Дорогие товарищи, не могу покинуть свой трудовой пост, председатель заболел и я выполняю его функции. Очень жаль, но обойдитесь без меня».

Я так и сделал, послал телеграмму такого содержания, после чего продолжали мы спускаться со склона на горных лыжах и поглощать шашлыки. Честно говоря, я побаивался, что гнев партии еще аукнется, вернее, откликнется.

Когда я вернулся в Москву, то попал прямо-таки в герои труда: Купреев всем показывал мою телеграмму как пример ответственного отношения к работе. Конференции и выдвижения в Горком комсомола я избежал, поскольку для выдвижения было необходимо личное присутствие. Но при этом мой авторитет поднялся в Совете молодых специалистов до заоблачных высот.

Поэтому никто не удивился, когда тот же Купреев выдвинул меня делегатом на Собрание актива комсомольцев Москвы, на котором должен был присутствовать САМ Виктор Васильевич Гришин, Секретарь ЦК КПСС и глава Московского комитета партии. Выдали мне мандат на красной картонке, где в уголке уже стояло жирно «В ПРЕЗИДИУМ».

Купреев говорит, хотим, чтобы ты выступил на совещании, приготовь отпечатанный текст своего выступления. «Вы хотите пессен, их есть у меня!» На следующий день приношу. Спрашивает меня Купреев:

- Почему один экземпляр? Нужно три: один в дело, один на корректировку, если что, а третий – тебе.

- А мне-то зачем? Я же по бумажке читать не умею...

- Как не умеешь? Ты же доктор наук!

ЗАПИСКИ НЕИНТЕРЕСНОГО ЧЕЛОВЕКА

- Да вот не умею, мне в глаза людям смотреть нужно, когда я говорю.

Прочитал он мой текст и сказал:

- А вот тут подправить надо: не «Дорогие товарищи!», а «Глубокоуважаемый Виктор Васильевич! Дорогие товарищи!» Усекаешь?

- Я так не смогу...

- Сможешь, сможешь, если партия прикажет...

Но чувствую я, что он заколебался как-то.

... Совецание проходило в зале кинотеатра «Россия», началось в 10 утра. А у меня в этот день был мой обязательный футбол с военпредами в Сокольниках: это оздоровительное мероприятие у всех военных тогда проводилось два или три раза в неделю по решению лично Хрущева, подглядевшего во время визита в Индию заботу тамошнего министерства обороны о здоровье своих военнослужащих. Я присоединился к этому футбольному мероприятию, поскольку и мне настало время подумать о своем ненадежном (в механическом смысле) сердце. Посему я и не думал пропускать футбола даже в такой чрезвычайный день.

... Поиграли мы с утречка, как всегда, помылся я под душем, сложил свои шмотки в спортивный чемоданчик и побежал к метро «Сокольники» ловить такси. На такси тут же примчал к месту заседания. Время уже поджимало. Иду регистрироваться, а на «у» меня нет. Я показываю свой мандат, и меня провожают этак вежливо под ручку к столику, где никого нет и стоит табличка «президиум». Вот, думаю, манда ты: забыл про мандаты!

Прусь в зал, а меня с чемоданчиком не пускают – сдайте вешнички-то! Пока я его сдавал, двери в партер затворились, и пришлось мне бежать на самый верхний ярус. И там, как говорится, «местов нету». Притулился где-то сбоку, почти на ступенечках, ну, прямо хоть «Апрельские тезисы» пиши!

А уже зачитывают список членов почетного президиума. Я стою со своим красным мандатом, дух перевозжу после беготни по лестнице вверх. Слава богу, я аж на букве «у», было время отдышаться. Вот и «... Ушакова Игоря Алексеевича...» Жидкие аплодисменты. Я как спринтер на старте рванулся к двери и помчался, сломя голову, вниз, чтобы успеть во время на сцену. Благо – вниз!

ЗАПИСКИ НЕИНТЕРЕСНОГО ЧЕЛОВЕКА

Вдруг «БАМ-М-М!!!» – и я припечатан к стене жесткой мужской грудью, а рука моя умело завернута за спину.

- Куда несешься?!

- В президиум...

- Зачем в президиум?

Тут я показываю своей свободной рукой свою краснокожую мандатину. Замок за спиной разжимается и я, отирая запястье, жду дальнейших указаний от «искусствооведа в штатском».

- Ладно, идите, но спокойненько, не вздумайте бежать, а то и там вас остановят!

Дальше шел чинно, как юный пионер у гроба Ильича... (Впрочем, это для красного словца: никогда в Мавзолее не был, по-сему не знаю, как там ходят пионеры. Когда меня принимали в юные ленинцы, то я сказался больным и избежал обязательного посещения святыни.)

Вот я уже у цели. Подхожу к двери, открываю ее, делаю первый шаг на сцену и ... Меня встречает гром оваций и грохот сидений, подпрыгивающих вверх от встающих в приветствии делегатов. Я аж обалдел. Ну, в пору хоть наклони головку набок, сунь ручонки подмышки, будто собираясь танцевать «семь-сорок», и, блестя лысиной и пряча хитренькую ильичевскую улыбочку, мелкими шажками семени к президиумному столу.

Правда, я быстренько понимаю, что мое появление на сцене совпало с появлением за столом президиума самого что нинаесть «глубокоуважаемого». Уже пошли обычные хорошо отрететированные комсомольские восторженно-истерические «экспромты»:

- Товарищу Гришину – слава!

- Слава родной КПСС!

- Да здравствует коммунизм!

В президиуме три ряда, последние два из них забиты бочечными комсомольцами-сельдями. На первом ряду с моей стороны пять-шесть пустых мест, потом три неизвестных типа, потом Гришин, рядом с ним Купреев, потом еще кто-то и опять пустые места... У меня выбора не было, я подошел к столу и сел на свободное место в первом ряду.

Здесь уместно небольшое отступление. Как же члены президиума, которые хоть все и имели заранее «красные мандаты», но

оказались на сцене так быстро? Как я потом узнал, эта фарисейская игра в выборность предварялась обильными халявными возлияниями пива-кваса с бутербродами в специальной «комнате президиума», где уже загодя собрались «президиуманты». Вход в эту тайную комнату был особый, а я зачем-то поперся туда, где сидели «обычные» люди...

Но вернемся на сцену, где разворачивались дальнейшие политические события дня. Вынул я свой текст, положил перед собой. По распорядку мое слово должно было быть четвертым или пятым. Купреев смотрит на меня и улыбается, будто я только что вернулся из космического странствия. Потом пишет записочку, и за спиной Гришина ее передают мне. В записке написано: «Игорь, жди моего сигнала, без моего сигнала руку не поднимай и слова не проси. В.К.»

Вот и первый выступающий: “Глубокоуважаемый Виктор Васильевич! Дорогие товарищи!” – и пошла-поехала. Потом второй, третий, и все начинают под копірку: “Глубокоуважаемый Виктор Васильевич! Дорогие товарищи!”

Наверное, вы уже догадались, что до меня очередь не дошла, чему я был безмерно рад.

Верю ли я экстрасенсам?

Могу сказать определенно – нет. Все они, по-моему, пожалуй, жулики! Кроме одного...

Поехал как-то я со своей первой женой и дочкой в Закарпатье покататься на лыжах на Тростяне. Там уже несколько дней был мой друг, профессор МГУ, которого звали Гена. Он подыскал нам жилье и встретил нас. Мы, как водится, сразу же пошли к нам на новую квартиру распить небольшую бутылочку водочки «с приездом».

Когда мы пришли, то Гена сказал, что он только что проводил своего киевского хорошего знакомого, известного украинского математика. Он сказал мне, что они с ним уже выпили пол-литра, поэтому можно не спешить. Пока грелся чайник и доставалась нехитрая закуска под водку, Гена спросил, хотим ли мы, чтобы он показал нам карточный фокус. Ну, а действительно, почему бы и нет?

Достали мы игральные карты. Гена объяснил предельно простые условия проведения опыта: он сам встает лицом к стене, испытуемый, находясь метрах в двух за его спиной, берет из колоды карту

и смотрит на нее внимательно, усиленно думая именно об этой карте.

Первым испытуемым вызвался быть я. Вытащил какую-то картинку, а сам усиленно думал: «Туз! Туз! Туз!» Гена спустя несколько секунд сказал мне:

- Игорь, ты меня пытаешься обмануть! Пусть лучше Лида начнет. С женщинами работать на сеансе проще – они не хитрят.

Я, конечно, сразу же подумал, что все это шутка: поводит нас Гена за нос, а потом перейдем к водке. Но эксперимент продолжили уже с новым подопытным кроликом. Лида берет карту, а мы с дочкой наблюдаем со стороны. Вот карта положена на стол вверх рубашкой. Лида начинает упорно и сосредоточенно о ней думать. Я не скрываю своей скептической улыбки. Но Гена ничего не видит – он стоит, закрыв глаза и предельно сосредоточившись. Потом Гена начинает говорить примерно так:

- Это черная карта... Не картинка... Пожалуй, трефа... Да! Это девятка или десятка треф!

Карта открывается и оказывается трефовой десяткой! Потом еще пара таких достаточно затяжных процедур, но уже точное угадывание, допустим, после некоторого молчания объявляется: «Валет бубен!» После «разогрева» скорость угадывания у Гены возросла примерно до такого ритма: карта взята, раз-два-три-четыре-пять – ответ!

Потом Гена просит Лиду брать по две карты и продолжает практически безошибочно угадывать все карты! Тут уж я прошусь в подопытные кролики, очень уж любопытно! Клятвенно обещаю Гене, что обманывать и сбивать его с мысли не буду. И у него все стало получаться.

Потом он вдруг говорит мне:

- А теперь я тебя очень прошу, думай о карте, на которую ты смотришь и смотри на нее непрерывно. Сейчас будет самое интересное.

Я исполняю это требование, беру карту и буквально впиваюсь в нее глазами. Гена, повернувшись вполоборота, обращается к моей дочке, Тане, сидящей с ногами на кровати и наблюдающей за взрослыми (было ей лет 14-15):

- Таня, назови быстро любую карту!

- Какую?..

- Любую, какая тебе придет на ум!

- Ну, я не знаю, Геннадий Павлович...

- Таня, ты мне мешаешь... Смелее, смелее! Представь себе, что у меня в ладони карта. – Он показывает ей внешнюю часть кисти, – теперь на счет “три” я поворачиваю руку к тебе и до того, как ты увидишь мою ладонь, назови любую карту!

- Раз... Два... Три! – считает Гена.

- Шесть пик! – произносит Таня.

Я в изумлении кладу на стол шестерку пик, которую я в течение всего этого времени поедал глазами! Таня ее видеть не могла – карта от нее была закрыта. Получалось, что Гена «заставил» меня индуцировать сигнал Тане, а ее «заставил» мой сигнал принять!

Если бы такую историю рассказал мне кто-то из вас, я бы рассмеялся в лицо. Но это было, было! Эту заколдованную шестерку пик я запомнил на всю жизнь. А соврать мне не даст сам Гена, которому я посылал свои «Гетрадки» по электронной почте...

Чтобы еще раз подтвердить эту историю, расскажу о том эксперименте, о котором я только слышал, хотя сам при нем не участвовал. Скажу честно, что до описанного мною случая, я думал, что мне рассказывают красивую небылицу.

Мы были тогда на каком-то семинаре, который проходил в Доме композиторов в Дилижане, в Армении. Гену попросили проделать по сути такой же опыт, как тот, что я только что описал. Эксперимент ставился «чисто»: Климов находился в отдельной комнате, в дверях стоял «контролер», а в смежной комнате были подопытные, которые и загадывали карты. Разделяла две стороны стена, ни о каких подглядываниях или чьих-то сигналах-подсказках не могло быть и речи.

Все шло, как по маслу. Угадывание было почти стопроцентное. Дошла очередь до одного из членов местного Оргкомитета. Гена начал угадывание карты как-то неуверенно, говоря:

- Это черва... Что-то сексуальное... Но почему-то не дама... Странно... Но это валет червей!

В комнате были одни мужики. Раздался взрыв хохота. Загадавший червонного валета обиженно ушел, явно показав, что каким-то образом это задело его за живое... Ему не хватило соображаловки

посмеяться вместе со всеми. Никто ведь и не пытался сказать, что он «голубой»...

СТУДЕНТЫ-АСПИРАНТЫ

Об одном антисемите, которого я очень люблю

Руководителем моего дипломного проекта был Володя Пурьжинский. Это был, я бы сказал, «породистый еврей» – брюнет с ярко голубыми глазами, с вечной доброй ироничной улыбкой на лице, а к тому же страшно остроумный. Почему-то он вписался в мою память, как образ нашего всеобщего тогдашнего героя – Остапа Бендера. А Бендер был, действительно, нашим школьным героем: ходила даже байка о том, как какой-то остряк классе в девятом в школьном сочинении на тему «Герой нашего времени» написал про Остапа, за что был примерно наказан – ведь и «Золотой Телёнок», и «12 Стульев» были в сталинские времена почти запретными книгами.

Был Володя лет на пять старше меня, кончал тот же Авиационный институт, что и я. Прекрасно закончив институт, он в аспирантуру не попал, так как был «инвалидом пятой группы».

Через два года мы встретились с ним волею судеб: сначала он ушел с фирмы, где я делал диплом, а через год-два и я перешел на работу к Якову Михайловичу Сорину. Оказалось, что на этой же фирме работал и Володя!

Наш «ящик» проектировал бортовые радиолокационные станции для самолетов перехватчиков. Для меня эта тематика была совершенно новой, а к тому же я так и не отошел от шока, полученного мною на экзамене по курсу радиолокации в МАИ. Володя сразу же взялся за мое «образование», потом он заинтересовался проблематикой надежности, и уже я делился с ним своими знаниями. Потом мы с ним тандемом участвовали в одном интересном инженерном проекте, работая в разных отделах. Мы очень сблизились, стали дружить семьями.

Через три года я защитил кандидатскую. И вот тут произошло для меня совершенно неожиданное: Володя попросился стать моим аспирантом! Представляете, первый в жизни аспирант, он же бывший ваш руководитель дипломного проекта! К тому же у меня к нему было то чувство почти благоговения, которое бывает обычно у

всех «козерогов» (как в МАИ называли младшекурсников) к старшекурсникам.

Диссертацию при этом Володя делал, «не отходя от станка»: к моменту защиты он «настругал» уже четверых детей-погодков! Старшей дочке было уже лет шесть, а следующему сынишке было четыре-четыре с половиной. Семья Пурыжинских частенько устраивала концерты с приглашением друзей. Выглядело это примерно так: за столом сидели взрослые за чаем с нехитрыми сладостями и печеньем, а на маленькой сценке с натуральным занавесом, сделанным из пары простыней, выступали детишки. Старшая сидела и что-то прилежно бацала на пианино, а ее братик и совсем крошечная сестричка «выступали». Мальчик, кажется, Максим, по имени деда, пел песни, причем в его репертуар входил и «Интернационал», который он пел презабавно! Представляете: «... кипит нас лазум возмуссённый...»? А совсем еще крохотная его сестренка неуклюже подетски, но с величайшим тщанием танцевала, держа одной рукой кончик юбочки. Самый младший (не помню, мальчик или девочка) еще покоился на руках у Володиной жены Ады...

Провожая меня однажды после домашнего «детского концерта» до остановки троллейбуса, Володя вдруг сделал странное признание: «Знаешь, Игорь, а я ведь страшный антисемит!» У меня, как говорится, челюсть отпала – что может быть омерзительнее еврея-антисемита? И вдруг – Володя, которого я любил, буквально как старшего брата... Наверное, увидев мою растерянность, он со своей обычной иронической улыбкой продолжил: «Ну, разве мог нормальный еврей наплодить четырех детишек, зная, какая им предстоит жизнь?»

Трояк по марксизму

Нет, это не обо мне, это о моем аспиранте Николае Николове, который был Секретарем ЦК комсомола Болгарии. Был он моим аспирантом на кафедре «Системотехника» в МЭИ, заведующим которой я был в течение года. Аспирантов болгарских у меня было три человека: Николай Николов, Борислав Кирилов (это не ошибка – по-болгарски пишется с одним «л») и Иван Иванов. Последних двое успешно защитились, а вот Николов, видимо, не оправился после того, что произошло с ним на кандидатском экзамене по Основам марксизма-ленинизма.

Звонит он мне домой после этого экзамена, голос дрожит, непонятно, что говорит, переходя с русского на болгарский и обратно. Я ему говорю: «Садись на такси, приезжай ко мне домой. Поговорим».

Приехал Николай, на нем лица нет. Я провожу его в свой кабинет (да, вот такой я был «жирный»: мы трехкомнатную разделили на пять клетушек – двое детей, как ни говори, – и одна из них была моим кабинетом). Естественно, принес я бутылку водки из холодильника и кой-какой закусок. Говорю ему, выпей – полегчает. А он хоть и славянин, а какой-то немного малоохольный по части пшты. Выпили одну-вторую, разговорился.

Оказывается на экзамене по марксизму он не согласился с экзаменатором, привел ему цитаты из «классиков» и вообще показал себя слишком образованным и независимым. За строптивость получил тройку... Я его успокоил, сказав, что попытаюсь все уладить. Он мне на это сказал, что его уже предупредили, что пересдавать марксизм сразу же нельзя. «Как же я вернусь на работу?.. Секретарь ЦК с тройкой по марксизму...»

Я ему объяснил, что в России иногда то, что нельзя, – можно, если очень захотеть. Помните из Литгазетских «Рогов и копыт»: Если нельзя, но очень хочется, то можно. Особенно это зависит от того, кому хочется. А у меня был такой человек, которому надо было немного захотеть, и все было бы можно – ректор МЭИ Валентин Александрович Григорьев.

Не помню уж, как вышло, но после первой же официальной встречи, когда он знакомился со мной как с новым заведующим кафедрой, между нами наладились удивительные отношения. Был он до своего ректорства заместителем заведующего Отделом науки ЦК. Может, соскучился по обыкновенным человеческим отношениям, просидев много лет в аппарате? А может, за какую провинность послали «в низь»? Не берусь судить. Но он меня приглашал даже к себе в гости в «Царское село», что вообще промеж аппаратчиков не принято, и мы даже хорошо с ним выпивали: однажды выпили бутылку коньяка на двоих и он даже вызвал такси, чтобы я не болтался в транспорте в поддатом состоянии.

Так вот пошел я к Григорьеву на прием и рассказал про Николава. Дело, конечно, было улажено: первого экзамена будто бы и не было. А при пересдаче Николов поразил экзаменаторов знанием

первоисточников и здравостью суждений. За то, за что его в первый раз наказали, за то же на этот раз похвалили! Он и действительно знал много из марксистской «классики» буквально наизусть. Впрочем, чему удивляться? Ведь нормальные священники тоже знают массу глав из Библии наизусть.

Николов, получив пятерку, уехал домой спокойно, но, видимо, вкус к «мирской науке» у него пропал – диссертацию он забросил. Потом я его встречал только как комсомольского функционера, когда он – в бытность мою заместителем председателя Совета молодых специалистов Москвы – пригласил меня в Софию почетным гостем ЦК Болгарского комсомола...

ГАЛОПОМ ПО ЕВРОПАМ

Сын друга Тельмана

С Петей меня познакомил Юра Беяев. Собственно, звали его не Петр, а Петер, а фамилия его была Франкен. Отец его был другом Эрнста Тельмана, был он членом Коминтерна, чудом избежал фашистских застенков, убежав из нацистской Германии с женой и маленьким Петером через какие-то нейтральные страны, и перебрался в единственную тогда страну победившего социализма.

Но наш 37-й не пощадил и члена Коминтерна... Слава богу, что его жену «не пустили в расход», а отправили с маленьким ребенком (мы с Петером были почти одногодки) в Казахстан. Началась война, мать Петера, на всякий случай, не учила сына говорить по-немецки...

Наконец, настали нормальные времена. Петера я встретил, когда он только-только защитил диссертацию у Бориса Владимировича Гнеденко. Я благодарен судьбе, что она свела меня со столькими замечательными людьми, к которым я отношу и Петера. Мы с Петером стали очень хорошими друзьями. Человек он был открытый и откровенный, на что я ему отвечал тем же.

Потом наступило время, когда немцам разрешили вернуться на родину. Петер стал профессором Университета Гумбольдта в Берлине. Там я его пару раз навещал, а он, когда приезжал в Москву (а было это относительно часто), непременно навещал нас с Таней.

Его немецкие коллеги рассказывали мне, что он буквально за четыре-пять месяцев стал говорить на отличном немецком языке без всякого акцента. Конечно, когда кончилась пора сталинской «охоты

на ведьм», он самостоятельно учил язык, но вы все знаете, насколько неэффективны такие занятия.

Но вот чего он в себе не истребил, так это нашей дурацкой советской манеры работать «до потери сознательности». Помню, как его сын, придя к нему в гости, стал нас упрекать, что мы с Петером живем неправильно: «Вот я простой рабочий, хотя, конечно, высокой квалификации. После работы я живу человеческой жизнью: хожу на концерты классической музыки, посещаю все художественные выставки, много читаю... А вы? Вот вы сидите за столом, пьете воду, а говорите все равно о своей дурацкой математике!»

Ну, что ж... Каждому своё.

Умер Петя Франкен несколько лет назад. Ну, что поделаешь: все там будем. Остался мне на память перевод его книги с Франком Байхельтом «Надежность и техническое обслуживание», которую я редактировал на русском. На титульной странице по-русски написано: «Дорогому другу. Спасибо. Петер Франкен».

Спасибо Американской морской разведке

Моя первая работа в Америке закончилась быстро – Джон Кеттель, у которого я работал, обанкротился... Фирма его делала многомиллионный заказ по производству понтонных мостов для армии, но оказалось, что из-за ошибок в спецификации какие-то сочленения типа «папа-мама» оказались спроектированными то ли в виде «папа-папа», то ли в виде «мама-мама», а в технике гомосексуализм не проходит: соединить секции понтонного моста не удалось!

В результате Джон разорился, а я потерял работу. Но отношений хороших с Джоном не потерял, часто бывали мы с Таней и Кристиной у него в гостях, а он с женой приходил к нам домой. Мы и сейчас довольно бурно переписываемся по Интернету, спустя уже почти 15 лет. Однажды у него в гостях на барбекю (так американцы называют наш родной кавказский шашлык), знакомит он меня с одним своим другом.

- Крис Харди.

- Игор **Ю**шаков. (Так почему-то американцам удобнее произносить мою фамилию.)

- Как-как?

-Юшаков: Ю-Эс-Эйч-Эй-Кэй-Оу-Ви.

ЗАПИСКИ НЕИНТЕРЕСНОГО ЧЕЛОВЕКА

- Мне ваше имя знакомо!

- Правда?

- Да, я читал вашу статью по оценке эффективности комплекса ПВО. Потом мы использовали вашу методологию, поэтому я запомнил ваше имя.

- Не может быть! Та статья была секретная!

- А я и читал секретную статью - я же работал в морской разведке!

Зашел разговор, где я сейчас работаю.

- Как нигде?!

- Ну, так – нигде!

- А вы согласны были бы поехать в Техас, в Даллас, поработать в исследовательском центре телефонной компании Эм-Си-Ай?

- Конечно!

- А сколько вы хотите денег?

- Ну, чтобы за квартиру платить и на еду хватало, думаю, что тысяч тридцать-тридцать пять в год...

- Джон! Джон! Послушай, что говорит твой русский друг: он цены себе не знает! – Потом говорит, обращаясь ко мне: - Вас устроит 80 тысяч долларов в год?..

- Конечно...

В то время это были громадные деньги, наверное, тысяча 150 по нынешней шкале. Уже через пару недель меня вызвали в Техас на собеседование. Повстречался я с пятком вице-президентов, все одобрили прием меня к ним на работу. Пошли мы с Крисом в их аналог нашего Отдела кадров, и вот тут-то все и началось: для работы в такой большой фирме, как и в госучреждениях, нужно иметь американское гражданство или, на худой конец, «грин-карту». А у меня этого самого «худого конца» и не было...

Крис Харди, было видно, расстроился, чувствовал себя так неловко, что мне пришлось даже его успокаивать. Уехал я восвояси...

Но Крис оказался глубоко порядочным человеком: он созвонился со своим другом, Питером Уилсоном, который владел в Мэриленде компанией, работавшей на Эм-Си-Ай, и уговорил его взять меня на работу и помочь быстренько оформить «грин-карту». Уил-

сон взял меня на работу, но объяснил мне, что без «грин-карты» я и у него не могу официально работать, поэтому он предложил мне работать, не получая денег в дни полочки, но зато пообещал выплатить все сразу в момент получения мною «грин-карты». Положили мне 75 тысяч долларов в год.

Начал я работать. С «голодухи» по работе даже скучнейшие статистические процедуры казались увлекательным делом. Вскоре оказалось, что дело с математической точки зрения – и сбор данных, и их обработка, и результирующие выводы – все было поставлено абсолютно безграмотно. Доулучшался я до того, что когда по получении мною «грин-карты» я собрался в Техас, Уилсон сказал, что я и ему самому нужен. Правда, он пошел навстречу Крису Харди: тот «спускал» на меня персонально исследовательские проекты, которые я делал в режиме фоновой загрузки. Вот тогда-то и возникла идея привлечения моей московской команды к выполнению этих проектов: на моей орбите оказались Сережа Шибанов, Игорь Соколов, Сережа Шоргин, Сережа Антонов, которые приезжали в Мэриленд, а потом мы даже вместе летали однажды на самолетике Питера Уилсона в Техас для представления отчета в Эм-Си-Ай.

Как говорят бильярдисты, «хороший удар даром не пропадает». Так и моя написанная давным-давно секретная статья через много лет сыграла «от трех бортов в лузу».

ПРО МОИХ ДЕТЕЙ

Пересоленный омуль

Для своего очередного семинара по надежности энергосистем Руденко выбрал поистине райский уголок на берегу Байкала: Слюдяные озера... Место это – настоящая сибирская тайга под Северобайкальском. Буквально в сотне метров от удивительно теплого озера, где был разбит лагерь заранее выехавшими из Сибирского Энергетического института квартирьерами, было рукой подать до самого Священного моря...

Мне напели уши об этом изумительном месте, и я решил взять в такую чудесную командировку своего сына – Славу. Я знал, что Руденко не допускал, чтобы «семинаристы» приезжали с женами, но про детей не было оговорено...

Я позвонил в Иркутск секретарше Юрия Николаевича и попросил для меня забронировать два места.

Потом мне рассказывали, что творилось в институтских кулуарах: «Ну, Ушаков ва-а-ащщще! Едет не один, наверное, любовницу с собой везет!» (А я тогда был уже несколько лет в разводе.)

И вот мы со Славой сходим с самолета, где нас встречает шофер Руденко, и на директорском газике несемся в институт. Каково же было разочарование «чесателей языков»! Юра хмыкнул: «Ну что ж, правила ты не нарушил. Но теперь я введу в регламент семинара еще и ограничение на детей, а не только на жен!»

Мы переночевали у Юры, а утречком на следующий день институтский автобус помчал участников семинара в порт Листвянка, где нас уже ожидал у причала институтский «Титаник», небольшое суденышко, на котором едва разместились 30-40 человек.

Приплыли мы на место назначения то ли к позднему обеду, то ли к раннему ужину. Рядом с палатками была разбита походная столовая – несколько добротных тесаных деревянных столов с длинными врыгтыми в землю скамьями. Нас сразу пригласили за столы. Нам со Славой достались места близко к костру, где готовились отменные, как выяснилось потом, яства.

У костра грациозно орудовала черпаком с длиннющей ручкой прекрасная повариха, какими могут быть только младшие научные сотрудницы... Я невольно загляделся на нее.

И вот «кушать подано, господа»! И тут я замечаю, что наша повариха чуть не плачет: ее место заняли беспардонные гости! Секретарша директора, заметив это, усаживает ее за «генеральский стол», как раз напротив меня со Славой! Я продолжал почти нахально любоваться ею... Она пожаловалась на головную боль (бедаолага перенервничала, оставшись без места за столом своих друзей по работе), я вызвался помочь, вскочил из-за стола и побежал к нашей со Славой палатке. Что всегда было при мне – это тройчатка: я же профессиональный мигренщик.

На принесенную пачку таблеток от головной боли я получил такую улыбку благодарности, что у меня перехватило дух. Забегая вперед, скажу, что Таня – так звали сотрудницу института, несущую поварскую вахту – через четыре года стала моей женой...

На второе был жареный омуль. Когда я, пододвинув тарелку, начал есть свою рыбину, то... рыба была – сплошная соль! Слава ехидненько прыснул, и я все понял: пока я бегал за таблетками для Тани, Слава обильно посыпал моего омуля солью. Мне стало очень

обидно: шутка была ужасно злая, как мне показалось... Я встал из-за стола и побрел к своей палатке, которая стояла на берегу озера. Я сел на берег, и у меня невольно навернулись слезы на глаза. Понимал, что дети всегда воспринимают развод родителей, как предательство по отношению к ним. Но мы с моей первой женой были достаточно интеллигентными людьми, чтобы сохранять и после развода внешне нормальные отношения, она никогда не препятствовала моим едва ли не ежедневным встречам с дочкой и сыном. Да и вообще – с детьми не разводятся!

Вдруг к моей спине прижалось что-то тепленькое, и я услышал: «Пап, прости! Я так больше не буду...» Слава сел рядышком и я его прижал к себе. Действительно, с тех пор ни разу между нами не вспыхивала даже искорка упрека или обиды.

Руденко на борту у «плотоводца» Славы Ушакова

Когда я уложил Славу спать, то сам пошел на «ганцплощадку», как называли то место, где, спотыкаясь о торчащие из-под земли корни, топтались, поднимая пыль, с десяток пар под звуки магнитофона с дополнительным динамиком. Когда я подошел, то увидел Таню, сидящую на одном из ящичков, которые стояли по краям полянки, видимо, для отдыха танцоров. Ящичков свободных было полно, но я, подойдя к Тане, спросил: «Можно присесть?» Мы сидели с ней на одном небольшом ящичке, обмениваясь какими-то мало значащими фразами, а потом – уж не помню, кто предложил – решили погулять по берегу озера. Мы разговорились. Таня рассказала, что у нее сын чуть моложе Славы, что от нее ушел муж, что она

ЗАПИСКИ НЕИНТЕРЕСНОГО ЧЕЛОВЕКА

замужем второй раз, но что-то не склеивается. Потом она рассказала, как ее сын буквально издевается над своим отцом. (Кстати, когда прошла пора детских эмоций, Танин сын не просто «признал отца», а они стали самыми большими друзьями.)

Этот вечер необычайно сблизил нас.

* * *

Этот же эпизод сблизил и нас со Славкой. Чувство раскаяния с одной стороны и чувство прощения с другой, спаяли нас и, как теперь видно, навеки. Слава, как единственный ребенок во взрослой компании, быстро стал всеобщим любимцем. Кто-то построил для него настоящий плот, на котором он плавал по озерцу, отталкиваясь шестом. Он даже заработал почетное прозвище – «плотоводец Ушаков». А однажды его плот посетил сам Руденко.

* * *

Года через два я опять был в командировке в Иркутске и однажды встретил Таню с коляской, в которой лежал маленький смешной человечек. Как Таня мне потом рассказывала, ее муж очень хотел иметь ребенка, и она ему уступила.

Вечером того же дня, меня пригласила в гости Лариса, лучшая Танина подруга – она хотела отблагодарить меня за то, что я помог ей с публикацией в академическом журнале «Техническая кибернетика», где я мог почти все – как-никак, а был я там ответственным секретарем. Сказать по правде, статью ту напечатали бы и без моего протезирования, ну, может, месяца на четыре позже.

Приглашен был я, мой московский сослуживец и еще одна Танина подруга. Лариса позвонила Тане и сказала:

- Ты должна придти для алиби. А то ты знаешь, какой у меня ревнивый муж, а тут он придет и увидит две подружки выпивают с двумя незнакомыми мужиками! С тобой все будет выглядеть нормально.

Таня пришла. Мы опять много говорили. Говорили вроде бы ни о чем, но, конечно же, на самом деле, о самом важном.

После этой встречи я начал писать очень частые письма Тане на адрес ее подруги. В основном, это были стихи, по большей части посвященные Тане...

Еще через два года мы поженились...

* * *

Вот так злая Славина шутка привела к полному нашему с ним взаимопониманию на всю оставшуюся жизнь и позволила мне найти самого дорогого для меня человека...

... Лично зам Министра культуры

Приехав в Америку, мы с Таней решили, что было бы неправильным упускать возможность показать эту интересную страну нашим детям. Поэтому мы пригласили в гости Славу с Кристиной.

Слава через Академию Наук оформил загранпаспорт, в который была вписана Кристина (ей было тогда 9 лет). И американская виза уже была уже получена, и билеты были уже выкуплены, осталось получить разрешение Иностранного отдела АН СССР на выдачу паспорта Славе. Как всегда, в Советском Союзе, это мероприятие было отложено на день перед самым отлетом.

Приходит Слава в Иностранный отдел, а ему там говорят:

- Идите, молодой человек, сдавайте свои билетки, пока не поздно. Никуда вы не полетите: вы не сотрудник Академии Наук, посему нам необходимо разрешение из Министерства культуры, где вы работаете. И разрешеньице то должно быть не ниже, чем с уровня Первого зама Министра.

Признаюсь, я бы в такой ситуации начал бы «качать права», но так бы никогда ничего и не добился. Слава же поступил, можно сказать, мудро: он спросил, когда кончается в Иностранном отделе обед, и не поздно ли будет привезти письмо сразу же после обеда. Тамошний чиновник, пребывая в некотором изумлении, ответил ему, что обед до половины второго, а работают они до пяти. Слава, поблагодарив, уехал.

До сих пор восхищаюсь, как у него быстро сложился в голове план. Он помчался на свою мультстудию «Пилот» к Александру Михайловичу Татарскому, который был директором студи. Объяснив ситуацию, Слава спросил:

- Александр Михайлович, не можете ли мне помочь, вы говорили, что знаете Первого зама Министра.

ЗАПИСКИ НЕИНТЕРЕСНОГО ЧЕЛОВЕКА

Решение Татарского было гениальным: он крикнул секретарше, чтобы она на бланке Министерства культуры напечатала текст, который он продиктовал. После этого он разыскал письмо с подписью Первого зама Министра и, будучи художником, безукоризненно скопировал подпись. Для пущей вычужденности (или для вычужденности?) подделали и печать. Чтобы не было прокола, Татарский позвонил своему приятелю в министерство и предупредил его, что письмо вот такого-то содержания подписано от его имени, и если из Академии наук будут звонить и интересоваться, чтобы он подтвердил факт подписи.

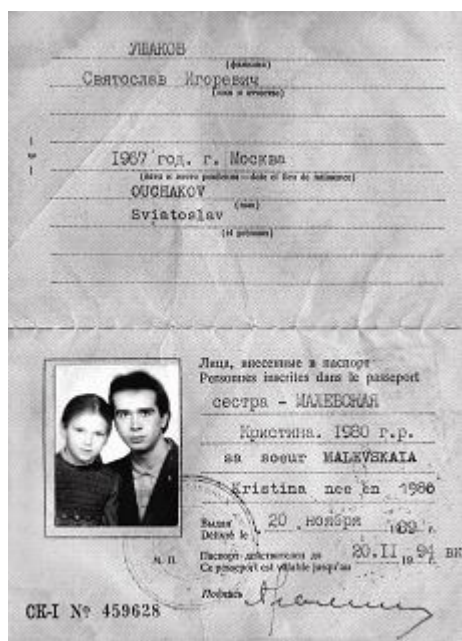
Сразу после обеда Слава, как говорят, «явился, не запыхавшись». Удивлению чиновников не было предела, конечно, появились сомнения в подлинности письма.

- А как вы докажете, что это подпись Первого зама Министра?

- Там на бланке есть номер телефона, позвоните и спросите, я только что оттуда...

Обезоруживающая наглость при невинных глазах сделала свое дело: звонить не стали. Ну, а если бы позвонили, все равно — наше дело правое!

На следующий день мы уже встречали Славу с Кристиной в Вашингтонском аэропорту...

Паспорт Славы и Кристины

Лысый черт и юный ленивец

У моего отца было две страсти: опера и преподавание.

Оперу он любил пламенно: уже будучи доцентом Академии имени Жуковского, он едва ли не каждую неделю по субботам ходил на студенческую галерку в Большой. (Семья на его плечах висела большая и на более дорогие билеты денег просто не было.) Мама моя, напротив, любила оперетту, которую отец просто не переносил (я имею в виду оперетту, конечно). Видимо, по этой причине мне, 10-12-летнему пацану приходилось делить с ним его театральную страсть, которая для меня оборачивалась пыткой.

Театралом меня пытались сделать, когда мне было лет пять. Еще до войны, родители мои повели меня на «детскую оперу» — «Сказку о золотом петушке» в Большой театр. Бабушка моя рассказывала мне потом, что когда мы пришли домой, она спросила меня, понравился ли мне «Петушок». Я ответил, что очень, чем безмерно умилила родителей, особенно отца. Но потом я зачем-то добавил, что в каждом перерыве мне покупали по петушку — были такие детские леденцы-сосалочки на палочке...

Даже своим именем я обязан опере «Князь Игорь». Правда, класса до пятого я был уверен, что назван был в честь того Игоря, которого древляне разорвали пополам, привязав за ноги к двум березам. С тех пор я не любил древлян безответной нелюбовью.

Стыдно признаться, но я с младых ногтей не люблю оперу. Когда мои друзья восхищаются Лучано Паваротти, я про себя думаю: «Я бы предпочел Стакано Кьянти...» Но уж простите меня: бывают же вегетарианцы, которые не понимают вкуса бараньего паштетика с запеченными на шампуре помидорчиками! Правда, я очень люблю классику, но тоже без хора... Это, конечно, не относится к «Реквиему» Моцарта.

Преподавание было второй страстью моего отца. И видимо, он был к тому же неплохой педагог. А может, просто жалостливый человек. Рассказывали, что он иногда ставил тройки «под честное слово»: слушатели-должники потом приходили досдавать зачеты и экзамены к нам домой. Слово будущего офицера они держали с честью.

А одному слушателю, претенденту на двойку, он задумчиво, как бы самому себе произнес:

ЗАПИСКИ НЕИНТЕРЕСНОГО ЧЕЛОВЕКА

- Приветствую тебя, пустынный уголок...

Слушатель на это так же тихо пробормотал, продолжив:

- Приют спокойствия, трудов и вдохновенья, где льется дней моих невидимый поток на лоне счастья и забвенья...

Отец мой восторженно вскинул глаза и спросил:

- Вы любите Пушкина?

- Да...

- Ну, хоть что-то вы знаете... – И поставил ему «удовлетворительно». Во всяком случае, своего он добивался: и двоек у него было предельно мало, и слушатели знали его предмет неплохо. Правда, во что это обходилось ему и нам, его домочадцам, вы можете догадаться сами.

Он всю жизнь мечтал стать профессором, но и доцент ему дался не так просто: в те времена невозможно было защититься на халтурной работе. На его кандидатской защите научный руководитель академик Александр Александрович Харкевич назвал его «Карлом Линнеем электроизмерительных приборов» за классификацию и анализ всех существовавших в то время измерителей электротока. Но он так и остался «Карлом Линнеем», проанализировавшим чужое, но не создавшим своего.

Потом его послали в Рижское Авиационное училище. Уйдя в отставку, он тосковал по Москве и вскоре вернулся «почти в Россию» – стал жить и преподавать в Харьковском Политехе. Переехать в Москву ему не позволили жесточайшие правила прописки.

Однажды, когда я навестил его в очередной раз в Харькове, он, поздравляя меня с присвоением звания профессора, сказал:

- Я бы согласился на потерю половины зарплаты за получение звания профессора!

Мне это было понять трудно: я бы согласился на 50-процентную надбавку с условием потерять профессорское звание!

Кстати, сходили мы с отцом и в Харькове в местную оперу. Повел он меня на диковинку, по-моему, нигде в то время, кроме Харькова, не шедший балет Адана «Корсары». Запомнилось мне это из-за смешного мужского кордебалета: человек пять одинаковых толстеньких евреев (ну копия мой любимый первый начальник Исаак Михайлович!), подобранных так будто они были близнецами, танцевали какой-то танец пиратов... Было очень смешно, как у них

будто огромные женские груди дребезжали животики! Остального не помню...

Когда пришло время пенсии, отец мой перебрался уже «почти в Москву», поменяв шикарную квартиру в престижном районе Харькова на маленькую двухкомнатную хрущобу на первом этаже в Ногинском Академгородке. Оттуда он уже мог несколько раз в год выбираться в свой Большой...

Он никогда не был ни антисоветчиком, ни диссидентом. В его время это было «не модно»: шаг вправо или шаг влево от линии партии приравнивался к побегу... Тем не менее, его вторая жена рассказала мне такую смешную историю. Однажды мой отец возбужденно мерил шагами комнату из угла в угол, бормоча:

- Вот лысый черт! Вот лысый черт! Чего натворил!

У отца моего голова была голая, как коленка, поэтому его жена восприняла, что он сердится на самого себя.

- Лёшенька, да не казись ты! Что случилось?

- Да я не про себя, я про Ленина! Во что страну превратил?

Второй «диссидентский» эпизод отец рассказал мне сам. Когда он был курсантом военного училища еще перед тем, как попасть на войну с японцами на Халхин-Голе, он был оформителем курсовой стенгазеты «Юный ленинец». Когда вечером перед каким-то очередным «престольным праздником» они повесили стенгазету и пошли в общагу, он незаметно вернулся и грубо простым жирным карандашом провел всего две линии над и под буквой «Н». Получилось «Юный ленинец»!

Утром был партийный переполох – искали троцкистского врага народа. Мой отец был вне подозрений – уж слишком непрофессионально были проведены две линии, да и вообще он был на хорошем счету.

ТЕТРАДКА №9

ПРО ДЕТСТВО

Священная война

21-го июня 1941 года меня привезли в Москву из какого-то детского санатория из-под Львова. На 22-е число уже были взяты заранее билеты для меня и моей бабушки на теплоход, отплывавший в Самару, тогдашний Куйбышев. Нас посылали отдохнуть на Волге у родственников – там жило несколько бабушкиных сестер, которые все очень нас звали к себе в гости.

Раннее утро 22-го... Я отчетливо помню это напряженное выражение какого-то ужаса на лицах взрослых, когда знаменитый диктор московского радио Юрий Левитан объявил о вероломном нападении гитлеровской Германии на нашу страну. Я этот голос запомнил на всю жизнь. Всю войну, когда я слышал Левитановское «От Советского Информбюро...», у меня бежали мурашки по спине и вспоминался тот день 22-го июня при гробовом молчании взрослых и бабушкином восклицании: «Господи, беда-то какая!..»

Я, чуть-чуть повзрослев, понял, почему то ли Гитлер, то ли Геббельс заявляли, что они в первый же день захвата Москвы повесят на уличных фонарях двух «жидов»: Левитана и Эренбурга⁸. Голос одного и слово другого были сильным оружием против фашистов.

Около полудня мы были уже у причала на Москве-реке. Никто еще не знал, что будет дальше. Родителям моим было только понятно, что там, в Самаре, старым да малым будет всяко лучше, чем в столице. Правда, вскоре и сама Самара стала «второй столицей» – туда переехало правительство.

В шесть лет трудно было осознать всю трагичность происходившего. Я помню только то чувство тревоги, которое буквально излучалось всеми взрослыми...

⁸ Именно Илья Эренбург первый произнес: «Убей немца!» До этого было размазано много пролетарско-интернационалистских соплей, к пленным немцам относились, как к «рабоче-крестьянским братьям», пытались отделить «хорошего» немца от фашиста тогда, когда делать этого уже было просто нельзя.

ПРО ШКОЛУ

Первый сексуальный опыт

Когда я учился в седьмом классе, мы с мамой были вынуждены покинуть мой любимый московский дом, полный моими школьными друзьями. Дело в том, что моего отца перевели из академии Жуковского в Ригу, в Авиационное училище, а Мама с ним поехать не захотела.

Поскольку дом наш был ведомственный, то вскоре нам при-слали постановление о том, что мы должны освободить квартиру... Для меня это была настоящая трагедия: бросить всех своих друзей, в том числе и девочку, в которую я был влюблен с самого появления в Москве после эвакуации. Правда, девочка это узнала, как я страдал, только спустя лет пятнадцать... Но это совсем другая история.

Так вот, впервые почувствовав себя ответственным за семью, я записался на прием к начальнику академии, генерал-лейтенанту, фамилия которого была Волков. Почему я запомнил фамилию? Да потому, что в моей школе учился Толя Волкоедов, отец которого преподавал в той же академии. Он рассказывал, как в академию назначили нового начальника, и тот у себя в кабинете знакомился с офицерским составом. Он каждому пожимал руку и представлялся, в ответ слыша фамилию офицера. И вот дошла очередь до Толиного отца.

- Волков, – представился новый начальник.

- Волкоедов, – последовал ответ.

Наступила неловкая пауза, но генерал рассмеялся:

- Вот Волкогонова встречал, а с Волкоедовым встречаюсь впервые.

После этого рассмеялись и осмелевшие офицеры.

Говорили, что Волков нормальный мужик, и все мое решение пойти к нему на прием одобрили.

В назначенный час я был в проходной. Паспорта у меня еще не было – мне только-только стукнуло 14 лет. Дежурный на посту позвонил в секретариат начальника академии, после чего со снисходительной улыбкой пропустил меня.

ЗАПИСКИ НЕИНТЕРЕСНОГО ЧЕЛОВЕКА

Дежурный офицер проводил меня до кабинета начальника академии. Вскоре меня впустили в кабинет.

- Здравствуйте, товарищ генерал. Меня зовут Игорь Ушаков.

- Здравствуй, Игорь. Можно мне тебя так называть? А меня зовут...

И он назвал какое-то простое имя отчество типа Владимир Владимирович или Дмитрий Анатольевич. (Это теперь эти имена звучали «вождеобразно»). ☺)

Он встал из-за стола, поздоровался со мной за руку. Посадил меня за «ножку» длинного Т-образного стола, а сам сел напротив.

Он порасспрашивал меня про моего отца, которого он знал. Спросил, как он. Спросил, а почему моя мама не хочет ехать в Ригу – ведь у отца там отличная трехкомнатная квартира, которую ему дали на всю семью.

Я сказал, что не очень понимаю взаимоотношения взрослых людей. Потом взял быка за рога: сейчас прошла уже первая четверть, если нас выселят и лишат московской прописки, то я не смогу закончить учебный год в своей школе, которую очень люблю.

Генерал пообещал, что постарается мне помочь. Вежливо проводил меня в приемную и сдал на руки ожидавшему меня дежурному.

Но генерал сдержал свое слово только частично: уже ранней весной, всего месяца через три-четыре мы оказались на улице...

Поехали мы жить к маминой сестре, которая снимала половину дачного дома в Загорянке по Ярославской железной дороге. Дом был на отшибе, до станции нужно было пилить минут 25 быстрым шагом, а по весне, когда все развозило, стало еще дольше. Электричка шла до Москвы чуть меньше часа. Потом минут пятьдесят я ехал в метро с пересадкой, потом от «Динамо» до Стрельни, где была моя школа, на троллейбусе. Приходил я всегда по уши грязный, а к тому же часто опаздывал, поскольку где-нибудь да не везло: то электричка опоздает, то на переходе в метро затор...

Меня часто вызывали к завучу и «мылили шею» за опоздания, потом и вовсе погрозилась исключить из школы, если я буду опаздывать. Пришлось мне ездить на предыдущей электричке, которая шла минут на сорок раньше. Образовалась куча времени: я даже успевал до уроков в уборной вымыть калоши, почистить брюки.

ЗАПИСКИ НЕИНТЕРЕСНОГО ЧЕЛОВЕКА

Но собственно, что я все не о том! Я же собрался написать что-нибудь пронзительно-откровенное, что-нибудь в духе «Исповеди» Жан-Жака Руссо, а вот «растекся мыслию по древу»...

Так вот, в соседнем доме жила Валька, которая тоже ездила в Москву – она училась в каком-то техникуме. Были мы с ней почти одногодки.

Девушка она была бойкая, шустрая. Как-то оказалось, что и она ездит той же электричкой, что и я. Мы договорились ездить вместе – все веселее!

Тот, кто помнит тогдашние утренние электрички, тот знает, что народу было всегда битком набито, а где-то в Мытицах не все могли даже в поезд сесть.

Мы с Валькой заходили в достаточно свободную электричку, которая на каждой новой остановке набивалась, набивалась и набивалась... Обычно мы вставали в тамбуре в уголок у той двери, которая не открывалась на станции.

Где-то после Болшево бывало уже хорошо утрамбовано. Валька стояла у стены, а я старался сопротивляться давлению толпы, оберегая ее. Но иногда бывала такая давка, что меня плотно прижимало к ее телу. Я чувствовал ее теплый живот и особенно жгли ее груди, которые при каждом ее вдохе буквально обволакивали меня. (Девушка она была уже вполне созревшая.) А уж что чувствовала она, я не знаю, хотя и догадываюсь. Во всяком случае, мы оба сходили с поезда раскрасневшиеся и немного смущенные.

Потом я научился «халтурить»: я перестал сопротивляться, когда на мою спину давила толпа. Получалось, что я буквально лежал на ней, чувствуя уже не только ее грудь, но и ее упругие натренированные ноги. Это что-то напоминало современный танец ламбаду. Я даже не видел Валькиного лица, поскольку она упиралась своим подбородком мне в плечо.

Так мы ежедневно ловили кайф, и, по-моему, каждый из нас в выходные ждал наступления понедельника.

Но уже восьмой класс я начал учиться в школе в Перловке, где мы летом сняли с мамой комнатку. На этом и завершился мой первый сексуальный опыт.

Я часто вспоминал те удивительные ощущения электрических разрядов, исходивших от девичьего тела. Но это не помешало мне сохраниться «девственником»: я и поцеловался-то с девушкой

первый раз в жизни уже на втором курсе института. (Кстати это произошло с моей будущей женой.)

Извините, что этот эпизод я начал так издали. Но ведь я не Жан-Жак Руссо, мне нужно было разогнаться», чтобы решиться написать про все это...

ПРО ИНСТИТУТ

Пуговица от ширинки

Оплеуха была отменная! Очки слетели с моего носа на каменный пол цеха, но, к счастью, упали удачно и не разбились... Потом я услышал тираду:

- Будешь знать, как отбивать чужих невест!

Дело было в Вильнюсе, где мы на четвертом курсе проходили производственную практику на радиозаводе. Группа у нас была исключительная. Почему? Вернее, по **чему?** По числу образовавшихся устойчивых пар: когда мы кончили институт, то внутри нашей группы из двадцати с небольшим человек было шесть супружеских пар: Архангельские, Бобровы, Гребневы, Лукашovy, Мосоловы и Ушаковы.

Теперь вам стало понятно, что схлопотал я по морде от своей будущей жены по поводу одной из других чьей-то будущей жены?

Это моя будущая жена в припадке полуистерического гнева, не разобравшись в сути рассказа своей подруги по студенческому общежитию, влепила мне пощечину...

А все, на самом деле, было очень просто. Как-то вечером, вернувшись в мужское общежитие, мы сели за традиционный преф, а Саша Бобров решил пойти на свидание со своей девушкой. Нарядясь в «выходной костюм», он обнаружил, что у него на брюках на самом деликатном месте отсутствует пуговица (зипперов для ширинок тогда еще не изобрели). Это была катастрофа! При каждом шаге на брюках, сидевших на Саше в обтяжку, как кукушка из стальных часов, показывались красные спортивные трусы... (И хорошо, что всего только трусы! 😊)

- Ребята, кто даст займы на вечер пуговку от своих брюк? Обещаю сегодня же вернуть.

ЗАПИСКИ НЕИНТЕРЕСНОГО ЧЕЛОВЕКА

Я встал из-за карточного стола, взял свои брюки, отпорол одну пуговку, но перед тем, как отдать ее Сапе, рассказал смешную историю, случившуюся в аналогичной ситуации в группе у моих студенческих друзей-физтехов.

А история была такая. Один из парней попросил вот так же в займы пуговицу для брюк, второй согласился, но поставил условие, не объясняя его. Первый согласился «в темную», а тогда второй сказал:

- Пуговицу-то я тебе дам, ну а сам без пуговицы пойду на свидание с твоей девушкой!

Все заржали, новому обладателю злополучной пуговицы ничего не оставалось, как «подарить» свое свидание... Ну, как иначе? Ведь вопрос мужской чести!

Дело кончилось тем, что ушедший на свидание с чужой девушкой «увел» ее, а вскоре они поженились.

Моя история вызвала общий смех, ребята стали подбивать меня поступить также, на что я ответил, что, во-первых, я никакого условия не ставил, а во-вторых, мне такая карта прет, что грех уходить от стола.

Сапа с пришитой пуговицей, т.е. во вполне благопристойном виде, пошел на свидание со своей будущей женой...

Его девушка после свидания, вернувшись в общежитие, рассказала про всю эту историю подружкам. Все поохотали, а моя будущая жена, видимо, ничего не поняв, затаила, как говорится, «в душе некоторое хамство».

Бедняжка! Она, наверное, ночь не спала, негодуя на меня.

О, чего только не простишь любимой? Как вы поняли из перечисления супружеских пар в нашей студенческой группе, время все вылечило, как ему и положено.

ПРО РАБОТУ

Летающий гроб

На полигоне в Сарышагане работали мы зачастую без выходных (зарабатывали отгулы для будущего!), командировка длилась непрерывно от квартала до полугода, в зависимости от текущей напряженки. Как это могло быть, спросите вы. Опять, наверное, очередной поклеп на советскую власть! Ведь по закону (был такой –

КЗОТ, Кодекс законов о труде) нельзя посылать сотрудника в обычную командировку больше, чем на месяц! И вы будете правы, но закон, как известно, что дышло!

К моменту окончания очередного месяца командировки прилетал один из «кадровиков», привозил всем новые командировочные удостоверения, а старые забирал, чтобы на них проставить дату прибытия задним числом. Так что комар носа не подточит: на бумаге все соответствовало букве закона.

Я вот однажды, просидев четыре месяца на полигоне, улетел домой с большим трудом да и то только из-за того, что у меня было страшное воспаление локтевого сустава. Было что-то вроде бурсита, местный вечно нетрезвый коновал что-то мне прокалывал, что-то резал, в результате занес какую-то заразу, локоть стал, как у слона... Впрочем, у слона локтей нет... Ну, одним словом распух донельзя. Нужно было срочно лететь в Москву спасти руку.

А самолет, доставивший очередное инженерное подкрепление на научно-военный фронт, лететь обратно не мог: при посадке во время сильного ветра, его винты были продырявлены камушками, которые носились в воздухе – ведь ветер достигал десятков метров в секунду. Новые винты должны были доставить из Ташкента, это требовало времени.

Но я отвлекся от своей распухшей руки. Итак, вылета нет, а следовательно, нет и выхода из положения. А руку-то жалко!

Однако подвернулся «благоприятный случай»: в Москву направлялся транспортный самолет с цинковым гробом... На этот-то самолет и пристроили меня и еще одного начальника соседнего отдела, которого зачем-то срочно вызывал Лавочкин.

А с гробом тем была связана следующая трагическая история. На одной из дальних точек... Можете себе представить, что даже ближний к нам вонючий городишко Сарыпаган – не ближний свет, от него наш полигон – день добираться по «выебоинам и колдоёбинам». А тут еще «дальняя точка» по отношению к нашему полигону!

Словом, служили на точке лейтенантик из молодых и несколько солдат – тоже молодо-зелено. Нас-то на полигоне хоть много было – и в картишки можно было перекинуться, и выпить вечерком в хорошей компании, а там – кругом ни души, общение ограничено, работа тупая – разве что Страну Советов от запуганных варанов защищать...

И вот в один из дней, лейтенантик дает одному из солдат – наряд на кухню картошь чистить. А тот из рядов советской интеллигенции – не понравился тон начальника. Послал он того, куда посылают в России интеллигентные люди. Лейтенант: «Приказываю!» А солдат: «Пошел ты на хутор бабочек ловить!» Слово за слово, офицер за наган. А солдат посмеивается ехидненько, что ты мне сделаешь. Лейтенант пальнул раз в потолок, никакого эффекта. У него уже истерика начинается – пальнул второй раз, а солдатик и ухом не ведет, только насмехается. Третья пуля засела в солдатском черепе...

Лейтенанта того судили военно-полевым судом. Спасло то, что две пули были выпущены в потолок... А неповиновение приказу да еще в присутствии других солдат – это нарушение всех уставных правил.

Оправдали офицера и послали дослуживать куда-то на Камчатку.

Вот в такой компании – труп и большой начальник – я и прибыл в Москву.

ВСТРЕЧИ С ТИТАНАМИ

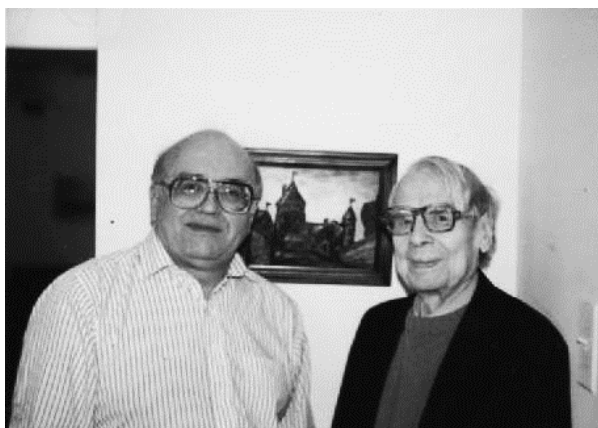
«Гуманитарные» встречи с Борисом Владимировичем

Нужно сказать, что Борис Владимирович Гнеденко учил больше, чем профессиональным знаниям. Он учил нас, тогда молодых, как нужно жить, как нужно относиться к людям, как нужно «держаться удар». И, конечно же, он был и великим просветителем для всех нас.

Благодаря Борису Владимировичу, я погрузился в мир искусства. Сколько раз, придя вроде бы по пустяковому делу (подписать журнал в свет, согласовать план лекций в Политехническом Музее и т.п.), я засиживался у него до позднего вечера. Сначала Борис Владимирович «угощал» либо какой-нибудь новой пластинкой с классикой, либо показывал новый альбом с репродукциями. Моцарт, по-моему, у него был весь. Бах, Вивальди, Рахманинов, Чайковский, Григ... А сколько у него было альбомов с репродукциями картин из

многих музеев мира! Помню его огромную коллекцию книг, выпущенных итальянским издательством «Риццоли». Там было все от классики Возрождения до современного модернизма (хотя превалировало, конечно, первое).

Художественных альбомов у Бориса Владимировича было два высоченных книжных шкафа аж до потолка (а потолки в жилых башнях МГУ – высоченные!). Я каждый вечер, проведенный у Бориса Владимировича, воспринимал как огромный праздник: сначала просмотр художественных альбомов под приглушенную музыку, потом чай – не спеша, с разговорами, с воспоминаниями, а уж в конце – дела, которые занимали буквально 15-20 минут. Сколько раз, особенно если было поздно, они с женой, Наталией Константиновной, отвозили меня домой на Сокол. На все мои категорические отказы внимания не обращали: «Нам тоже нужно немного прогуляться», – говорила Наталия Константиновна, садясь за руль. (Сам Борис Владимирович машины не водил.)

Б.В.Гнеденко и автор в Вашингтоне

Во время визита Гнеденко в Америку в 1991 году, мы с ним много гуляли по Вашингтону, ходили в Национальную Галерею, Музей Хиршхорна (современного искусства), в Сад скульптур. Ходили мы медленно (я был после операции на сердце), но подолгу.

Много говорили обо всем. Многое мне тогда удалось записать или сохранить в памяти.

Говорили о художниках. Больше всех из наших художников он любил Левитана, называя его лучшим художником русской природы: «Березовая роща», «Омут», «Мостики»... А кто из зарубежных художников? В первую очередь, французские импрессионисты. «Впервые, когда я увидел импрессионистов в Музее Западного Ис-

куства⁹, я понял, что это то самое, чего мне недоставало...» – говорил мне Борис Владимирович.

А музыка? «Воспитан я был на Шопене... А сейчас очень люблю Моцарта. Это непревзойденный композитор. Очень люблю Бетховена, Вивальди, Альбиниони. С годами мне все ближе и ближе становится Чайковский. Он поразительно понял русскую душу...»

А в поэзии? «Больше всех я люблю Пушкина. Это все такое русское... Современные поэты? Не очень меня трогают. Из писателей я люблю русскую классику, пожалуй, больше всех Тургенева за его дивный язык... Очень люблю Гоголя...»

Как-то, гуляючи по Вашингтонскому Молу, мы заговорили о музыке. То, что он был большим любителем и знатоком классической музыки, я уже писал. Я спросил:

- Борис Владимирович, а почему так мало известен Телеманн? Я его послушал и он мне очень понравился!

- Он мне тоже нравится. Знаете, ему просто не повезло: он жил в одно время с Бахом.

Лучше не скажешь!

Однажды мы там же в Вашингтоне заговорили о любимых композиторах. Он поставил на первое место Моцарта. Я метался между Бетховеном и Рахманиновым. Но, во всяком случае, «первая пятерка» получилась совпадающей (конечно же, еще, Бах и Чайковский).

Я заметил, что кроме скрипичного концерта, мне не очень нравится Мендельсон: не могу найти его «почерка». Борис Владимирович сказал мне:

- Послушайте его побольше...

Вот так, без объяснений, без упреков, без нравочений. Нужно сказать, что Борис Владимирович, будучи исключительно широко образованным человеком, никогда никому не показывал своего превосходства. Его тактичность и уважение чужого мнения, если оно даже абсолютно не совпадало с его собственным, меня всегда восхищало (и, признаюсь, даже удивляло).

⁹ Позднее этот музей был назван Музеем им. А.С. Пушкина.

Да, кстати, Мендельсона я после совета Бориса Владимировича слушал, действительно, много, и он стал одним из моих любимейших композиторов...

Ух ты! Ах ты! Все мы космонавты

Однажды я был удостоен прямо-таки огромной чести: меня включили в состав экзаменационной комиссии, собранной для кандидатского экзамена самого Берегового! Да-да, того самого Георгия Тимофеевича, который начальник «Звездного городка». А сподобился я, поскольку мы в НИИ АА делали кое-какую космическую аппаратуру, а докторов наук по этой тематике в институте было раз-два – и обчелся (вернее, было только «раз», а «два» уже не было).

В назначенный день, когда я даже уже и шею вымыл, соискатель не смог покинуть своего боевого поста. Потом еще раз. На третий раз все было совсем просто: уже меня пригласили в «Звездный городок». Встретили меня по-королевски. Пара полковников развлекала меня, как могла: сводили в зал с тренажером для космической стыковки, где я залез в кабину космического корабля и делал все соответствующие манипуляции. Стыковка была успешной!

Потом я был сопровожден в «космическую Березку», где сильно пожалел, что не прихватил с собой пары сотен простых «деревянных» рублей – цены были, как в валютном магазине, но на простые рубли. Наконец, мы пообедали в космической же столовке, где кормили неплохо, но все же с родным ЦК КПСС не сравнить: все же себя власть любила больше, чем даже самых славных сыновей и дочерей Родины.

Потом мне сказали, что Георгий Тимофееч ужасно заняты и меня принять не могут, но были бы признательны, если бы я оставил письменные вопросы, поставил оценку в экзаменационную ведомость, а соответствующие ответы будут мне впоследствии присланы в письменном же виде.

Намек я понял. Пятерку Береговой получил...

А вы вот всё говорите «принципиальность!» «принципиальность!» А хотел бы я спросить, что бы вы сделали на моем месте, а? Неужто плетть обухом?..

* * * * *

Еще одна встреча с живым космонавтом у меня состоялась в нашем институте, куда приехал САМ Алексей Леонов. Был он такой же, как на всех памятных фотографиях: розовощекий, как герой передачи «Спокойной ночи, малыши», волосенки жиденькие (как у меня), глаза, слегка заплывшие, да и общая форма была уже далеко не спортивная. Был он на совещании, которое созвали специально для него: приехал он просить ненужную нам уже к тому времени аппаратуру для того, чтобы оборудовать очередной тренировочный стенд в «Звездном городке».

«На Леонова» позвали всех ведущих разработчиков, и я попал. У двери кабинета директора стоял первоотдельский страж. И не зря стоял: внутри намечалась грандиозная пьянка.

Совещание длилось минут пять. Все просьбы космонавта были удовлетворены, после чего участники перешли к «водочным» процедурам. Не знаю уж откуда проведали, что Леонов здоров выпить – стол ломился от водок-коньяков.

К концу «импровизированного банкета» пошел уже настоящий кураж. Герой этого повествования спросил, а не найдется ли стаканчика чистого спирта? Конечно, спиртягу нашли. Маханув пол граненого стакана и буквально занюхав рукавом кителя, летчик-космонавт откланялся, сказав, что ему еще ехать в Центральный Театр Советской Армии для встречи с какими-то представителями то ли рабочей интеллигенции, то ли интеллигентных рабочих.

Вот и говорите после этого «Ух ты! Ах ты!» А героям у нас все позволено, на то они и герои.

Операции бывают не только хирургические

А действительно, все ли знают, какие бывают операции? Совершенно точно, что не все! Когда у нас в конце 50-х годов вышел перевод книги «Методы исследования операций», то он очутился, естественно, в книжных магазинах в отделе «Медицина»...

Исследование операций – это сейчас мощное направление прикладных математических исследований в самых различных сферах человеческой деятельности. Откуда такое название? История вкратце такова. Где-то в самом начале войны была сформирована группа специалистов, которые занимались решением практических задач для армии союзников: Как распределить силы во время планируемой боевой операции? Как целесообразнее доставлять в вой-

ска военное снаряжение и запасные части? Какие нужно выбрать цели для авиационных ударов?

Так вот с одним из отцов исследования операций – Филиппом Морзом, мне удалось встретиться во время командировки в США.

Морз заведовал в то время вычислительным центром во всемирно известном Массачусетском Технологическом Институте в Бостоне. Вычислительные центры тогда вообще были довольно редким явлением, а ВЦ Морза и вообще был исключением: это был один из первых (во всяком случае, гражданских) центров коллективного пользования и к тому же, мне кажется, первым центром, работавшим в режиме «разделения времени». В этом центре было около сотни пользователей, причем большая часть – удаленных.

Конференция, на которую я приехал, была по исследованию операций, поэтому открывал ее сам Филипп Морз. Не помню как, но я был представлен Морзу, а поскольку «русские медведи» были тогда в диковинку, то Морз после моего – почему-то пленарного – доклада пригласил меня к себе в ВЦ.

Было ему, наверное, лет шестьдесят. Это был подтянутый, если не сказать – спортивного вида – человек, на лице которого совмещались грустные глаза и постоянная искренняя (не стандартная американская!) улыбка. Двигался он буквально, как метеор – я едва поспевал за ним. Когда мы шли с ним куда-то на четвертый или пятый этаж, он поднимался, шагая через две ступени.

Мне почему-то это сразу напомнило, как в МГУ после семинара, посвященного, кажется, пятидесятилетию Гнеденко мы пошли к лифту – как никак, а этаж был, по-моему, шестнадцатый. Я помог Борису Владимировичу нести дарственные папки и книги, которые он получил на чествовании. Возглавлял всю процессию Андрей Николаевич Колмогоров. Мы стояли в ожидании лифта очень долго, Андрей Николаевич, всегда отличавшийся определенной импульсивностью, сказал: «Да идемте, спустимся по лестнице!»

Филипп Морз

Вы представляете, что такое спуститься с шестнадцатого этажа! (А тем более в МГУ, что ни этаж – это добрых три метра.) Мы едва успевали за Колмогоровым, а ведь ему тогда тоже было под шестьдесят!

Так что Морз мне напомнил тогда еще относительно недавний эпизод с лестницей в МГУ. Когда мы вошли в зал, уставленный десятком мониторов (я тогда нигде не видел такого количества экранов одновременно!), то увидели в зале за рабочими столами молодых людей, из которых многие сидели, забросив по-американски ноги на стол. На приход Морза они отреагировали вялым «Хай!», даже не подумав убрать ноги со стола.

«Невоспитанные щенки!» – подумал я. Мне и представить было невозможно, что кто-то смог себе позволить подобное при входе, например, Колмогорова или Гнеденко!

Морз подошел к свободному монитору и начал бодро щелкать клавишами, демонстрируя мне какую-то программу. Вдруг что-то не сработало... Он вслух произнес что-то вроде «Кажется, мой терминал завис...» В сей же момент, чьи-то ноги соскочили со стола, один из «щенков» метнулся к двери и исчез за ней. Через пару минут все опять заработало, появился тот же юноша, сел за свой стол, опять ловко забросив на него ноги и взяв в руки книгу, которую штудировал до этого.

Тогда я осознал, что уважение не в подобострастных кивках, а в готовности выполнить любую просьбу или желание уважаемого человека без специального на то «приглашения».

Именно после этого посещения ВЦ у меня появилось страстное желание поработать, ну хоть чуть-чуть, в каком-нибудь институте в Америке...

После визита в свой ВЦ Морз повел меня в китайский ресторан, который был для меня диковинкой. Может, с тех пор я полюбил «чайниз» – китайскую кухню? У меня ведь в крови сидит это инстинктивное чувство уважения старших. И даже слепое и неосознанное подражание тем, кем я восхищаюсь.

Мы много говорили (тогда мне казалось, что я знаю английский язык ☺). Морз расспрашивал меня про Советский Союз, про организацию работ по исследованию операций. Под конец он проводил меня до студенческого общежития, в котором разместили иностранных участников.

* * *

Потом мне рассказали, что на заседании совета ИФОРС там же в Бостоне возник вопрос: как быть с Советским Союзом? Ведь в СССР нет общественных неправительственных организаций, а ИФОРС объединяет именно таковые. Филип Морз, который закладывал фундамент этой Международной организации, сказал примерно следующее:

- Игорь Ушаков – председатель какой-то секции по исследованию операций в каком-то там государственном обществе. Давайте, примем его с его секцией. Да, это не общественная организация в нашем понимании, но без Советского Союза – ИФОРС не может быть полноценной международной организацией.

Я, конечно, был польщен, когда мне об этом рассказали, но ответил, что я не могу решить этот вопрос сам... Однако с тех пор меня в ИФОРСе все равно стали величать «представитель СССР». (А бывал я потом почти на всех конференциях ИФОРС, которые проводились раз в три года.)

* * *

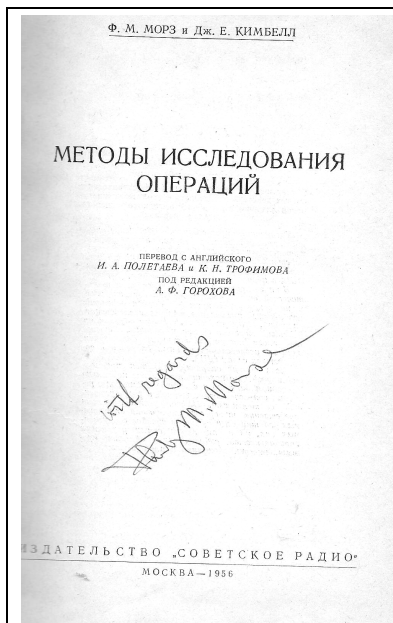
У меня накопилась целая библиотека дорогих мне книг – книг с автографами авторов. Это книги подаренные мне моими учителями, моими коллегами и моими учениками. Есть книги с автографами А.Н. Колмогорова, Б.В. Гнеденко, А.Д. Соловьева, Ю.К. Беляева, И.Н. Коваленко, А.М. Половко, Б.Р. Левина, И.А. Рябинина, И.Б. Герцбаха, Я.М. Сорина, Стаффорда Бира, Рассела Акоффа, Тома Саати, Тэда Андерсена, Боба Макола... Не удержался я и на этот раз. В следующий свой приезд в Америку я специально захватил две книги Морза и Кимбелла: одну подарил автору, а на второй Филипп Морз начертил незатейливое: «С уважением. Филип М. Морз» (With regards. Philip M. Morse)...

Очень дорожу я и книгами молодой поросли – моих учеников: Г.Б. Рубальского, И.В. Павлова. В.А. Гадасина... А недавно мне прислали книгу Гриппа Левитин и Толя Лиснянский из Израиля с трогательной надписью: «Дорогому учителю от признательных учеников и последователей»...

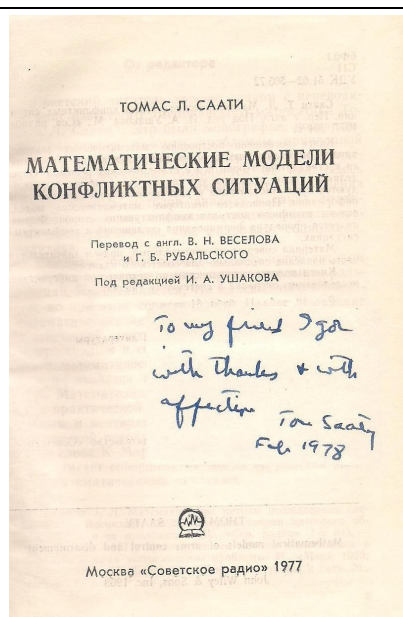
ЗАПИСКИ НЕИНТЕРЕСНОГО ЧЕЛОВЕКА

<p>ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА ИНЖЕНЕРА</p> <p>Б. В. ГНЕДЕНКО, Ю. К. БЕЛЯЕВ, А. Д. СОЛОВЬЕВ</p> <h2>МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В ТЕОРИИ НАДЕЖНОСТИ</h2> <p><i>Дорогой Игорь Ульямову автору и друзьям 17.11.65 Б. Гнеденко</i></p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ МОСКВА 1966</p>	<p>Я. Б. ШОР</p> <h2>СТАТИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА И КОНТРОЛЯ КАЧЕСТВА И НАДЕЖНОСТИ</h2> <p><i>Губо сочувствую Игорю Алексеевичу Ульямову на добрую память 13.11.1963</i></p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКОЕ РАДИО» МОСКВА 1962</p>
<p>Б. ГНЕДЕНКО, Ю. БЕЖАЕВ, А. СОЛОВЬЕВ</p>	<p>Я. ШОР</p>
<p>Н. П. БУСЛЕНКО</p> <h2>Моделирование сложных систем</h2> <p><i>Дорогой Игорю Алексеевичу Ульямову от автора Н. Бусленко</i></p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ МОСКВА 1968</p>	<p>Н. Моисеев</p> <h2>ЛЮДИ И КИБЕРНЕТИКА</h2> <p><i>Игорю Алексеевичу на добрую память от автора Н. Моисеев</i></p> <p>МОСКВА «МОЛОДАЯ ГВАДИЯ» 1984</p>
<p>Н. БУСЛЕНКО</p>	<p>Н. МОИСЕЕВ</p>

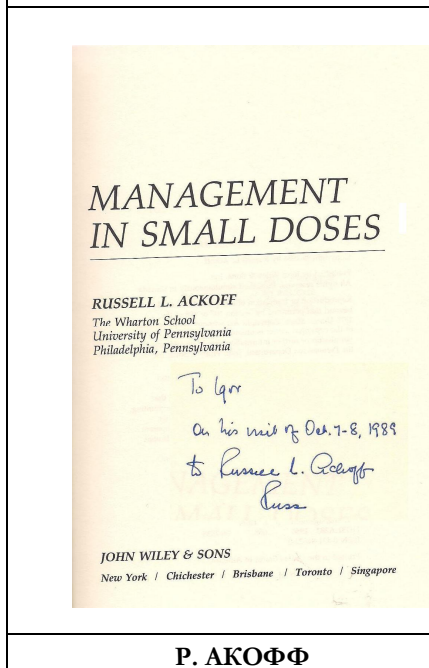
ЗАПИСКИ НЕИНТЕРЕСНОГО ЧЕЛОВЕКА

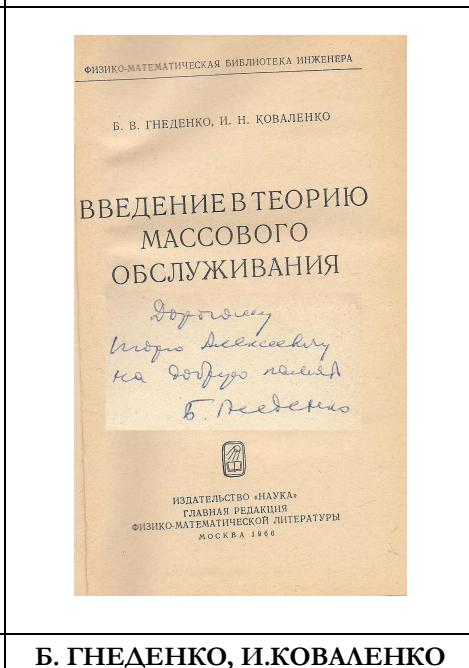
Ф. МОРЗ

Т.СААТИ

Р. АКОФФ

Б. ГНЕДЕНКО, И. КОВАЛЕНКО

ИНТЕРЕСНЫЕ ЭПИЗОДЫ

Нет повести печальнее на свете...

Кем он мне приходится, не могу сказать: не то, чтобы родственник, а так седьмая вода на киселе. Точнее, он был муж сестры бывшего мужа моей двоюродной бабушки. Усекаете?

Но главное, что человек он был очень интересный и по судьбе и по своим связям с окружающими. Звали его Гурий Владимирович Ласточкин.

Между прочим, вы все его видели на экране телевизора и даже наверняка помните. Был такой весьма популярный телебоевик «17 мгновений весны» с незабываемыми Штирлицем-Тихоновым, Шелленбергом-Табаковым, Мюллером-Броневым и прочими гигантами советского черно-белого экрана. Помните сценку свидания Штирлица-Исаева-Тихонова со своей женой в милой германской кафешке, где вдали сцены «лабал на фоне» симпатичный полустаричок-пианист? Так вот тем пианистом и был Гурий Ласточкин.

Работал он тогда аккомпаниатором в Училище Московского театра оперетты имени Станиславского и Немировича-Данченко. (Кстати, говорят, что этот театр имеет самое длинное название среди театров мира, особенно если раскрыть инициалы Константина Сергеевича и Владимира Ивановича. ☺)

Исполнял Гурий на всех репетициях на фортепьяно партии за весь отсутствующий оркестр. Был я на многих выпускных спектаклях, но особенно запомнил один, когда давали «Порги и Бесс» Джорджа Гершвина. Помню, как обмазанный черной сажей чертов бес так кинул бедняжку Бесс, что та, споткнувшись, со всего размаху звезданулась об дощатую сцену, проехав по ней несколько метров и содрав до крови кожу на своей молодой и пышущей здоровьем ляжке... Однако выпускница мужественно дотанцевала свою партию. Что делать – диплом есть диплом: либо загремишь в Урюпинск, либо к самому «Немирович-минус-Данченко» попадешь!

Публика визжала и плакала, кто от восторга, а кто от сочувствия. (В основном присутствовали родственники дипломантов.)

Но Гурий был интересен не только этим. Он учился в Московской Консерватории вместе со Святославом Рихтером, с коим они состояли в весьма дружеских отношениях. И жену его, Нину Дорлиак, он знал хорошо. Гурий мне и сказал, что блуждавшие слухи о личной жизни Рихтера – вранье: несмотря на то, что тот был

учеником Константина Игумнова, известного пианиста и педофила, воспитанного лично Петром Ильичем Чайковским. Святослав Теофилович не был «голубым». Возможно, здесь сыграло своя роль отчество, означающее буквально «боголюбцев». А сам Гурий говорил в подтверждение: «Ведь я-то тоже не “голубой”, а учился у того же Игумнова!»

Был я однажды удостоен чести кланяться фортепьянному гению, когда мы с Гурием после концерта в Консерватории зашли к Рихтеру в его артистическую уборную. (Почему это так называется, – ума не приложу: в этих уборных даже унитаза не бывает!) Помню его короткий и резкий кивок головой типа «Честь имею!» Руки он не подал, поскольку пианисты свои руки берегут: а то вдруг попадетсЯ какой-нибудь придурок и сожмет твою кисть аж до хруста? Он приветливо мне улыбнулся, спросив что-то для приличия, а потом ни с Гурием начали о чем-то увлеченно говорить.

Когда аккомпаниатора Александра Вертинского – Брехеса (имени не помню, кажется, Михаил) посадили якобы за педерастию, а скорее всего за то, что он был по национальности «сионист», Гурий Владимирович аккомпанировал несколько лет этому «упадническому декаденту» и бывшему эмигранту.

Ах, как я любил Вертинского! Мне посчастливилось побывать на его последнем концерте в Концертном зале гостиницы «Советская» перед его гастролями в Ленинграде, на которых он и умер... Я уже писал, что, ходя в американскую сауну, я люблю петь. Среди песен, «исполняемых мною», всегда - «В синем и далеком океане...» и «Матросы мне пели про остров...». Еще я пою кое-что из репертуара Петра Лещенко, например, «Госку по Родине» и «Журавлей». Об этом я вспомнил в связи с тем, что на том упомянутом мною последнем московском концерте Вертинского кто-то с галерки крикнул: «Журавлей!», на что получил вежливый ответ: «Извините, я чужих песен не пою».

Но я отвлекся: я ведь не про Рихтера, не про Вертинского и даже не про себя ☺, а про Гурия Владимировича Ласточкина рассказываю.

Жену Гурия Владимировича звали Мария Федоровна. Собственно, звали-то ее Мария Ивановна, но она переименовала себя в Марию Федоровну, поскольку, как она сама говорила, «Марья-Ванной в наших самарских деревнях каждую вторую козу кличут».

А вот в Марии Федоровне и взаправду звучит что-то воистину «императрицкое». (Так звали, по крайней мере, жен Павла I и Александра III)

Была эта «императрица» в молодости актрисой-неудачницей, верхом ее достижений было чтение по радио русских сказок с таким дремучим вОлОгОдским ОкцентОм. Была она старше Гурия лет на 15, а то и 18. Округлила его, когда тому было 18-19 лет, отбив его у девушки, с которой тот был обручен. Девушка та горько плакала, сам Гурий тоже очень переживал, но чары и гипнотическая сила матёрой Марь-Фёдны возобладали...

Вот в этом браке-то я его и застал. Поскольку мы были дальние «почти-родственники», а жили рядом, то мы с мамой и отчимом частенько ходили играть в картишки, в джокера, по символически маленькой ставке.

Все вы знаете, что мужчины – это психологические хамелеоны: с молодыми женами они хорохорятся, как петушки, с погодками – по всякому бывает, а с женами значительно старше себя становятся старообразными и вялыми козлами. Гурия было жалко: в свои сорок с небольшим он тянул на все шестьдесят... Правда, он был сухощав и быстр в движениях, но уж жена его была сущая квашня: она неумеренно ела, почти не двигалась и, даже играя в карты, возлежала на высокой кровати обложенная подушками, как восточная одалиска на пенсии. Гонору у нее было столько, что можно было подумать, что с вами находится не больше и не меньше, чем Алла Константиновна Тарасова или Вера Николаевна Пашенная в роли барыни из пьесы Островского.

Чтобы молодого мужа удержать, Мария Федоровна решила его зазомбировать. Она (будучи сама, насколько я знаю, неверующей) приучила Гурия Владимировича к регулярным посещениям церкви. Чуть что, Мария Федоровна говорила своему мужу: «Смотри, Гурка! Боженька накажет!» Даже я это слышал неоднократно. Опасалась она за своего мужа не напрасно: Гурий, будучи симпатичным и галантным мужчиной, варился в опасном «бабьем» коллективе молодых артисточек, где на него могли и «глаз положить», а то и что-нибудь потяжелее...

Когда Гурию было уже за пятьдесят, жена его умерла. Проведя в праведной скорби положенный по христианским обычаям срок, Гурий каким-то образом разыскал свою юношескую любовь.

Думаю даже, что он поддерживал тайную телефонно-почтовую связь.

Жила его юношеская любовь в Ленинграде, со взрослой дочерью, вдовая. Гурий съездил в Ленинград, встретился со своей Любовью. (Что-то припоминается мне, что ее именно Любовью величали.) Вернулся он окрыленный, счастливый, помолодевший: глаза излучали какой-то необыкновенный по-юношески теплый свет, расправил он свои вечно согбенные сутулые плечи, даже походка изменилась – стала почти танцующей... Он мог без конца рассказывать про свою Любоньку.

Быстренько он нашел вариант обмена Москвы на Ленинград, чтобы Любина совершенно взрослая дочка могла бы жить отдельно, по соседству со своей матерью и Гурием. Собрал все бумаги и поехал в Ленинград возбужденный, радостный, чтобы жениться, наконец, на своей суженой.

... До Ленинграда он не доехал... Ночью его не стало... Соседи по купе только утром обратили внимание, что их сосед не подает признаков жизни...

Так оборвалась в этом мире еще одна прекрасная любовь...

* * * * *

Мне этот человек был дорог не только тем, что он виртуозно исполнял на пианино всего Гершвина, не только тем, что он водил меня на молодежные репетиции спектаклей, что всегда интереснее самих спектаклей. Был один эпизод, который сроднил меня с этим человеком больше всего.

Был я в длительной командировке в Ленинграде, когда получил телеграмму: «Срочно приезжай. Умерла Елена Степановна». Это моя бабушка – человек, которого я любил больше всех на свете. Я даже звал ее «Мама». А не бабушка. Я тут же купил билет на полночную «Стрелу», а сам тем же вечером пошел в Филармонию – у меня давно уже был куплен билет на Моцартовский «Реквием».

Я сидел в полумраке зала и беззвучно плакал. Слезы стекали по моим щекам. Руки были сцеплены в болезненный узел... Из Филармонии я по Невскому пошел на вокзал. Время еще было. Был теплый июльский вечер, который своим ветром ласкал и пытался меня утешить... В голове звучали пронзающие душу Моцартовы звуки...

Когда я приехал домой, дверь мне открыл Гурий Владимирович. Он меня уже ждал, зная, когда я появлюсь. Он, молча, меня обнял и повел в плотно зашторенную комнату, где на столе стоял гроб. Откуда-то лилась тихая всепроникающая музыка: Гурий, оказывается, непрерывно к моему приходу ставил пластинку с «Реквиемом». Что за сверхъестественное совпадение?.. Не знаю...

Было лето. Моя жена, Лида, была беременна первым ребенком. Была она одна в квартире с моей бабушкой. Когда бабушке стало плохо, она пометалась-пометалась, но нашла только телефон Ласточкиных. (Телефоны тогда в Москве были далеко не у всех.) Гурий отозвался сразу же, бросив все, примчался. Он послал Лиду пожить эти дни к ее маме. Сам помчался на ближайшую почту посылать телеграммы, моей маме, мне и маминой сестре. Мама моя была с мужем и моим младшим единоутробным братом где-то на Юге и получала почту до востребования, а вторая бабушкина дочка жила в Чкаловской без телефона.

Когда я приехал, то узнал, что Гурий уже организовал похороны на завтра: было лето, была жара, тело держать больше суток не в морге было невозможно. На следующий день должна была приехать моя тетья с мужем прямо на кладбище.

Прошел день. Наступил вечер. Настала и ночь. Гурий зажег свечи и сказал, что он не ляжет спать, поскольку покойную нельзя оставлять одну. А мне было не до сна и без христианских обычаев. Так мы и просидели с ним всю ночь напролет, он рассказал мне много интересного про свою жизнь, про Рихтера, про Вертинского. Мне-то еще нечего было рассказывать – я только начинал жить.

... А Моцарта Гурий Владимирович, оказывается, очень любил...

Когда мы с похорон вернулись на поминки, то не помню кто, может, Мария Федоровна, приготовил стол с непременной кутьей и какими-то еще ритуальными блюдами. Меня от еды воротило. Я налил себе граненый стакан водки и выпил без закуски. Водку я не пил с того злополучного дня, когда впервые «надрался» в свои 15 лет, как козёл... (Спирт на полигоне не в счет, конечно.) Несмотря на бессонную ночь и пустой желудок, водка меня не брала, а хотелось забыться. Я почти сразу же налил второй стакан и так же без колебаний и без закуски опустошил и его. Через какое-то время я почувствовал, что земля уходит у меня из-под ног, вернее, стул ухо-

дит из-под меня. Я быстро встал, пока еще мог. Ушел в другую комнату, рухнул прямо одетый на диван и мертвецки заснул...

Вечно живые трупы...

Тот, кто подумал, что это будет рассказ о Мавзолее Ленина, не ошибся. Добавлю, что не забуду я и другого «вечно живого» – Георгия Димитрова.

То, что я в детстве был пионером, надеюсь, никого не удивит. Да что там я! Уверен, что такие борцы за светлые идеалы антикоммунизма, как Сахаров и Солженицын – тоже были пионерами. А куда деться? Убежден, что даже Натан Щаранский тоже был пионерчиком. (Кстати, был он моим студентом, когда я преподавал в Физтехе. Но об этом рассказ дальше.)

Ритуал посвящения в пионеры был разработан в московских школах до деталей. Детишек собирали, везли в Мавзолей Вечно Живого, а потом повязывали галстуки и заставляли читать какую-то клятву, от которой в голове осталось только «Я пионер Советского Союза, торжественно клянусь...». Да и то, наверное, застряла, потому что эта фраза частенько звучала с экранов кинотеатров.

Впрочем, может, я и запомнил: сначала мы в школе клялись, а потом нас везли в Мавзолей. Или наоборот?..

Словом, как и все, я хотел быть пионером (не быть же белой вороной, правда?). Но вот к Мавзолею у меня сызмальства была какая-то брезгливость. Даже страх. Мне казалось, что и часовые у входа в Мавзолей стоят для того, чтобы – если что – старенького Ленина, попытавшегося убежать из своего склепа, поймать, скрутить и вновь водворить на положенное место, где он был положен.

Когда настало время приема в ряды юных ленинцев, я заболел... Конечно, это была симуляция: я обо всех своих чувствах поведал своей маме, и она меня поддержала и даже написала записку классному руководителю, что я себя ужасно плохо чувствовал и, к сожалению, не смог тра-та-та... (или, как говорят американцы, «бла-бла-бла».)

Потом нас – кое-кто тоже не смог быть в школе в торжественный день визита к Ильичу – без особой помпы заставили пробормотать клятву в школьной пионерской комнате и приняли в пионеры.

* * *

Уж и не помню, по какому случаю я про эту историю рассказал своим болгарским друзьям – у меня было несколько болгарских аспирантов, когда я преподавал в МЭИ. Они мне сказали, что в Софии процедура приема в пионеры абсолютно такая же с обязательным посещением Мавзолея Дмитрова.

И вот случилось так, что по приглашению аж ЦК Дмитровского Союза Молодежи я оказался в Софии.

Ничего странного в этом приглашении нет – обычный блат! Просто мой аспирант Николай Николов был одним из секретарей ЦК. Как ни странно, мне почему-то хотелось побывать именно в Болгарии – до того я мотался в загранкомандировки только по «валютным странам».

Прилетел я, была королевская встреча – только что без черного лимузина. Правда, от шикарной гостиницы я отказался, а жил у своего друга. И вообще, к счастью, встречей в аэропорту вся амбициозно-официозная часть была закончена.

Но вот однажды те мои болгарские друзья, которым я в Москве поведал о своих детских эмоциях, связанных с приемом в пионеры, сказали, что у них есть маленький сюрпризик для меня.

Меня привезли в центр Софии, и мы оказались на какой-то площади. (Как оказалось, это была площадь имени Александра Натенберга, болгарского князя-завоевателя.) Мы прогуливались, не спеша, и вдруг один из них спросил меня:

- Можешь мне пообещать, что не откроешь глаза в течение трех минут?

Я, конечно, дал честное слово – уж очень был заинтригован.

Меня взяли «под белые руки», на всякий случай завязали глаза носовым платком, хотя и клялся и божился, что не буду подглядывать, а потом куда-то повели. Вскоре я почувствовал, что мы вошли в какое-то помещение. Похоже было на овощехранилище – прохладно и влажновато, только что не пахло гнилой картошкой. Откуда-то сверху лилась тихая музыка...

- Открывай глаза!

Я открыл глаза и увидел перед собой спящего человека, но почему-то лежащего в гробу! У меня был, видимо, такой вид, что

мои друзья невольно прыснули от смеха. Я понял, что меня обманым путем привели в Мавзолей Димитрова.

Стараясь не глядеть на это омерзительное зрелище – труп, напшигованный всяческими специями – я быстренько ретировался на свежий воздух. Вне Мавзолея, мои болгарские друзья дали волю своему веселью!

- Ну, как тебе понравилось? – просил один из них?

- Бр-р-р... Все время казалось, что Димитров приоткроет глаза, сядет в гробу, подняв стеклянную крышку, и спросит меня: «Ну, как дела, Игорь?»

* * *

Нет, мертвецов все же надо по-человечески хоронить! (Кстати, менее упертые болгары Димитрова перезахоронили, а мавзолей «похоронили».)

А для «фана» хватит и музея Мадам Тюссо! Там и не такое можно увидеть!

СТУДЕНТЫ-АСПИРАНТЫ

Один из лучших моих аспирантов

Признаюсь – живет во мне некий комплекс: страсть уважаю математиков. Видимо, потому что Бог не догадал меня ей научить в свое время. Мне неудобно, когда меня называют математиком – это все равно, что называть меня футболистом за то, что я люблю футбол и, говорят, что в юности даже играл неплохо.

Кто я? Да хрен его знает! Во всяком случае, ни одной теоремы в жизни я не доказал, хотя бывали курьезные случаи. Несколько раз я показывал свои формулы, написанные просто на базе здравого смысла такому прекрасному математику, каким был Александр Дмитриевич Соловьев. Однажды он сказал мне:

- Молодец! Это интересный результат. Сам догадался?

Я ответил с гордостью:

- Конечно!

- Вот только жаль, что это уже известно лет сто...

Однажды я принес ему на проверку очередное свое «открытие». Соловьев сразу заявлял мне:

- Нет, это неверно, потому что... – И начал придумывать контрпример. После нескольких неудачных попыток, он сказал:

- Хорошо, я вечером подумаю и утром принесу опровержение.

Он работал на нашей фирме консультантом, а находились мы рядом с МГУ, так что виделись очень часто. На следующий день он приносил строгое доказательство моего результата...

Потом мы написали с ним вместе статью на эту тему. Я был страшно горд, что у меня соавтор – *сам* Соловьев. Так было не однажды (правда, лет за двадцать работы бок о бок).

Так к чему все эти лирические отступления про себя, если речь должна идти о моем аспиранте? А это, чтобы было понятнее.

Однажды звонит мне на работу Юрий Васильевич Прохоров (да-да, тот самый: академик, заведующий отделом в Стекловке и кафедрой в МГУ) и говорит, что у него есть отличный парень. Не могу ли я взять его к себе на работу. Дело в том, что он дал ему тему кандидатской работы, а совсем недавно буквально по той же теме кто-то защитился, поэтому вопрос защиты его аспиранта отпал. Я, конечно же, ответил Прохорову, что его просьба для меня – это закон, и я приложу все усилия и пробью ставку для его ученика. Пусть присылает своего протеже.

Встречаюсь я с приятным молодым человеком, стеснительным, но в то же время уверенным в себе, с приятной «тихой» улыбкой на лице. Разговорились, он мне рассказал вкратце о своей диссертационной работе. Потом спросил, а будут ли у нас интересные задачи. Я ему тут же рассказал об одной идее, которая меня давно мучила, но я никак не мог к ней подступиться – я чувствовал, что мне не хватает математической базы.

Женя Гордиенко – так звали молодого человека – сказал, что тема интересная, и он подумает. Я ему дал кое-какие свои наброски, которые, я думаю, ему вовсе не пригодились.

**Юрий Васильевич
Прохоров**

Меньше, чем через год, работа была сделана и представлена в Ученый Совет факультета Вычислительной математики и кибернетики МГУ. Защита прошла блестяще: отметили и высокий профессиональный уровень исследования, и оригинальность решения и новизну задачи.

Но самое смешное произошло во время выступления соруководителей диссертанта, коими были Прохоров и я. Юрий Васильевич отдав должное мастерству Гордиенко, стал попутно петь дифирамбы и мне, говоря, что именно поставленная мною задача позволила сделать такую блестящую работу. После него выступал я, повторив структуру его отзыва: сначала в деталях о подзащитном, а последние слова о том, что Гордиенко – воспитанник школы Прохорова, поэтому он смог решить такую трудную задачу. Сразу же после моего выступления, Председатель Ученого Совета, Лев Николаевич Королев, заметил:

- Ну, Игорь Алексеевич, вы с Юрием Васильевичем выступаете на пару, как Шуруп и Рыкунин¹⁰!

Аудитория и Ученый Совет изрядно повеселились над этой шуткой!

Нужно сказать, что этот высокопрестижный Ученый Совет всегда отличался большой доброжелательностью. Меня много раз приглашали туда оппонировать, когда математические работы имели прикладной характер или были нацелены на возможные приложения.

После защиты Женя остался работать в моем отделе. Мы и до сих пор сохраняем самые теплые дружеские отношения: относительно недавно мы с Таней были у него в гостях в Мехико-Сити, где он работает профессором математики, а он приезжал к нам в Сан-Диего.

Вот как устроена жизнь: не будь я знаком с Прохоровым, или защитись Гордиенко по своей теме – наши жизненные пути разошлись бы, и я никогда бы не встретил этого умного и интеллигентного человека!

¹⁰ Шуруп и Рыкунин – известнейшие в то время эстрадные конферансье.

Сколько у меня их было?

Приближаясь к концу своих воспоминаний, я вдруг подумал, а сколько же у меня было аспирантов? Ведь каждый из них оставил свой след в моей душе, в моем сердце и по-своему повлиял на мою жизнь. Ведь у меня было столько аспирантов, у которых я просто-напросто учился. Практически все бывали у меня дома. Со многими я и сейчас поддерживаю связи. Многие стали моими настоящими друзьями на всю жизнь.

Меня часто упрекали, что я «запанибратствую» со своими учениками. Нет, я просто всегда ставил их вровень с собой. Да, некоторые (но крайне малая часть!) вели себя не совсем корректно, но зато это с лихвой окупалось дружескими отношениями с остальными.

Не все мои аспиранты защитились: где была моя вина – не был достаточно настойчивым, где их – не были достаточно работоспособными, а где не было ничьей вины¹¹. У меня было, например, два прекрасных программиста, которым, видимо, защита казалась ненужной мишурой. И они были правы! Жизнь не определяется титулами. Личность всегда остается личностью, если она личность. Дело не «в одежке»: ведь генерала в бане отличает только, возможно, большой живот – лампасы не видны.

Но все же аспирантура – для того, чтобы люди защищались. И я доволен, что помог многим из тех, кто хотел защититься, а некоторым открыл дорогу к докторским диссертациям. (В списокке внизу звездочками отмечены те, о ком я знаю достоверно, что они стали докторами наук. Возможно, кого-то я упустил – пусть извинят меня за это.)

К сожалению, некоторых уже нет... Для меня каждый уход из жизни моих учеников – огромная утрата. Ведь сколько бы не было у тебя детей, какими бы они разными не были, а все они – твои дети...

Я решил поместить список в алфавитном порядке, хотя есть люди, защитившиеся еще в 1965, когда я сам был лишь кандидатом, а есть защитившиеся и в 1989 году перед самым моим отъездом в

¹¹ Всего не защитилось семеро.

Америку... В списке, видимо, все – шестьдесят семь. Защитилось из них 61. Звездочкой помечены доктора наук.

Вячеслав Абрамов: Душанбе, Киргизия
Эльшан Алигулиев: Баку, Азербайджан
Зинаида Бочкова: Москва (НИИ АА)
Сергей Баландин: Москва (НИИ АА)
Виктор Бреднев: Москва (МФТИ)
Николай Васильев (ВЦ АН СССР)
Виталий Веселов: Москва (МГУ)
Вадим Гадасин*: Москва (ВНИИПОУ)
Ашот Геворкян: Ереван, Армения
Ара Геокчян: Ереван, Армения
Игорь Голдовский: Москва (МФТИ)
Евгений Гордиенко*: Москва (МГУ)
Гурам Гоцеридзе: Москва (НИИ АА)
Билал Гуссейнов: Баку, Азербайджан
Валерий Демин*: Москва (МФТИ)
Ованес Джигарджян: Москва (ВЦ АН)
Юрий Душин: Москва (МФТИ)
Валерий Жериков: Москва (НИИ АА)
Игорь Земсков: Москва (НИИ АА)
Герман Иванов: Москва (ВНИИПОУ)
Иван Иванов: Варна, Болгария
Валерий Ивлев*, Москва («ящичку»)
Валерий Карулин: Москва («ящичку»)
Сергей Киеня: Москва (МФТИ)
Борислав Кириллов: София, Болгария
Алексей Климов: Москва (НИИ АА)
Олег Кравцов: Москва («ящичку»)
Людмила Колчанова: Москва («ящичку»)
Анатолий Конин: Москва («ящичку»)
Борис Кононов: Москва («ящичку»)
Сергей Кузьмин: Москва (МФТИ)
Анатолий Лакаев: Москва (ВНИИПОУ)
Юрий Лещенко: Москва (НИИ АА)
Евгений Литвак*: Киев, Украина
Виктор Морозов: Москва (НИИ АА)
Людмила Мырова: Москва («ящичку»)
Валентина Нагоненко: Кишинев, Молдавия
Владимир Насыров: Алма-Ата, Казахстан
Илья Нейштадт: Москва (ЦНИИ КА)
Виктор Немчиков (НИИ АА)
Николай Николов: София, Болгария
Эмил Николов: София, Болгария
Василий Огарь: Москва (МФТИ)
Александр Осадченко: Москва (МФТИ)
Игорь Павлов*: Москва (МФТИ)

Борис Панюков: Москва (НИИ АА)
Вячеслав Пеннин*: Москва («ящичю»)
Юрий Перлов: Москва (МФТИ)
Владимир Пурьжинский: Москва («ящичю»)
Григорий Рубальский*: Москва (МФТИ)
Александр Рубцов: Москва («ящичю»)
Татьяна Северина: Москва (МФТИ)
Игорь Сеницин: Москва (ВЦ АН)
Анатолий Смирнов: Москва (МФТИ)
Александр Таташев: Москва (МФТИ)
Михаил Топольский: Москва (НИИ АА)
Акмаль Усманов: Ташкент, Узбекистан
Александр Федоров: Москва (МГУ)
Вячеслав Фитиалов: Москва (МФТИ)
Феликс Фишбейн: Москва (НИИ АА)
Рубик Хачикян: Ереван, Армения
Чеслов Христуаскас: Каунас, Литва
Александр Чеботарев: Москва (МФТИ)
Владимир Чернышев: Москва (МФТИ)
Влада Чудновская: Москва (НИИ АА)
Виктор Шатько: Москва (МФТИ)
Сергей Шибанов: Москва (МФТИ)
Александр Ясеновец: Москва (МФТИ)

Может, среди них есть и ваши знакомые, читатель?

ГАЛОПОМ ПО ЕВРОПАМ

ТОКИО → ТОкиюТО → КИОТО

Конференция в Японии была на редкость интересной. Ну, конечно же, не только докладами, а говоря честно, то не столько докладами. Страна фантастически интересная, необычная. К тому же после конференции по исследованию операций, которая проходила в Токио, следующая – почти без – перерыва проходила в Киото, древней столице Японии. А ехали мы туда и обратно на диковинном тогда (впрочем, как и сейчас) монорельсовом поезде.

На этой двоянной конференции было двое моих знакомых из одного академического института. Я, хоть был и из своего «ящичка», но ехал под академическим камуфляжем: я же был носителем «немеряных секретов». Главой делегации был Юра Ванин, завотделом, доктор – все, как положено. Второй был мой старый знакомец – Миша Брехман, с которым я учился еще в институте. Он был все-

гда жуликоватым шустрилой. (Фамилии, естественно, изменены, поскольку, я надеюсь, оба здравствуют и процветают – зачем им жизнь портить?)

Прилетели, пошли регистрироваться: они – на «А, Б, В», а я – на «У, Ф, Х» (естественно, на соответствующие латинские буквы).

Я был к тому времени уже «номенклатурой» в ИФОРСе, нося титул «представителя Советского Союза при ИФОРС». И вот на следующий день после регистрации подходит ко мне мой японский знакомый, который был в то время Президентом ИФОРСа и говорит, что мои друзья не заплатили вступительный взнос, и просит меня с ними поговорить. Я пришел к Юре с Мишей, рассказал, что со мной говорил Президент ИФОРСа. Юра мне и говорит: «Ты знаешь, нам денег дали только на вторую конференцию...» Ну, он глава делегации, ему виднее, пусть сами утрясают: мне мое министерство дало деньги сполна. Кончилось тем, что им не выдали туры конференции и не пустили на банкет. Не велика потеря!

Я на эти фортели посмотрел с усмешкой: странная форма патриотизма – экономия государственных денег! Я был уверен, что деньги им выдали сполна.

Прошло время, и вторая конференция тоже закончилась, мы вернулись в Токио. Был предпоследний день нашего пребывания в Японии. Пользуясь редкой свободой: нас было всего трое – без недремлющего глаза КГБ, хотя кто знает! Мы болтались по городу, где только нашей душеньке было уютно. Ближе к вечеру мы пришли в гостиницу и разошлись по номерам. Перед ужином я зашел к Юре, у которого застал и Мишу. Мой приход застал их врасплох. У Миши воровато заалели ушки, а Юра начал нести какую-то чушь. На столике лежали какие-то странные бланки.

Я спросил, что они делают, и уж не знаю почему, они стали мне рассказывать, что делают они ... деньги! Оказывается они купили в каком-то японском магазине канцтоваров бланки, похожие на те, что выдавались в виде квитанции за уплату вступительных взносов. Так вот они сидели и формировали фальшивку!

Сами понимаете, что вступительный взнос на такую спаренную конференцию был достаточно высок: если мне память не изменяет, под тысячу долларов. В то время это были бешеные деньги! Представляете, если тогда давали суточных 11 долларов 40 центов и все командировочные привозили столько барахла, что одевали за

недельную командировку всю семью в импортные одежды, а тут ТЫСЯЧА долларов! Соблазн велик, не правда ли?

Я посмеялся, попросил показать, как у них получается. Я увидел, что мало того, что они даже числительные написали «русскими» цифрами: цифру 1 никто не пишет с хвостиком – это просто палочка, цифра 7 никогда не перечеркивается да и пишется без острого уголка, цифра 9 похожа больше на ноту, чем на русский «бублик»... Да и подпись Президента Матсуды написали с заглавной русской буквы «М», в то время, как сам Матсуда (а уж это-то я знал, будучи с ним хорошо знакомым лично) писал по-американски: его заглавная «М» напоминала нашу прописную маленькую букву «т». Зато они для пущей вычности поставили печать с фамилией Матсуды, купив штампик в том же магазине канцпринадлежностей.

Я сказал:

- Эх вы, фальшивомонетчики! Вы же даже писать правильно не умеете!

Юра подсунул мне чистый бланк и попросил показать, как же надо писать все правильно. Я уверенно написал и расписался за Матсуду. И мы все втроем пошли ужинать.

Когда мы прилетели в Москву, я быстренько сдал свой финансовый отчет в Министерство, а совместный научный отчет мы готовили через Академию наук. Я созвонился с академическим иностранным отделом и договорился, чтобы подъехать подписать отчет и взять себе копию.

Когда я приехал в Академию и быстренько кончил формальности, ко мне подошла какая-то милая пожилая женщина и попросила меня зайти к ней в кабинет. Она спросила меня, сдал ли я финансовый отчет у себя в министерстве, на что я ответил утвердительно. Она сказала мне:

- Вы извините, я спрашиваю об этом, поскольку меня удивил отчет Ванина и Брехмана. Дело в том, что я немножечко знаю японский язык. Квитанция уплаты вступительного взноса подписана «Матсуда», а печатка рядом читается, как «Мацуда». К тому же печатка поставлена «вверх ногами!» Этого никогда не позволит себе ни один японец – они же славятся своей аккуратностью. При этом я вообще никогда не видела на документах одновременно и подписи и факсимильной печати. Когда я спросила Ванина и Брехмана объ-

яснить все, они ответили, что ничего не знают, поскольку они деньги отдали вам, а вы потом принесли им расписку...

Признаюсь, я был близок к обмороку... До меня сразу дошел весь ужас положения: эти гады использовали мой «образец заполнения» да еще сказали, что деньги передали через меня. Значит, получается, что я их обманул, взял деньги себе, а им подсунул филькину грамоту! И любая графологическая экспертиза неминуемо подтвердила бы, что это я сделал фальшивку – не отвертишься! Вот гады! Ведь доказать я бы ничего не смог...

Я был в панике. Я не знал, что делать, как спастись... Я спросил, а где эти документы сейчас, на что получил ответ, что только что заезжал Брехман и взял документы, чтобы по ее просьбе сделать копию в институте. Он обещал на следующий день привезти документы.

Я растерянный вышел и пошел к выходу с территории Президиума Академии наук. И вдруг... Раздается гудочек, меня сзади догоняет машина, из которой высовывается лоснящаяся мордочка Брехмана:

- Ты откуда? Давай подвезу!

Я согласился – мне нужно было время собраться с мыслями, что же мне делать.

Я сказал, что приезжал подписать отчет.

- А я вот взял документы по командировке – просили представить в двух экземплярах. – Сказал мне Брехман. – Может, заедешь ко мне чайку попить?

Я подумал: Ага, документы при нем! Что-нибудь придумаю! Я согласился и вот мы уже в его квартире. Мы прошли в его кабинет, где он положил папочку на письменный стол, а мы расположились на диванчике напротив. Миша крикнул жене, чтобы та приготовила чай. У меня мелькнула мысль, что надо сделать так, чтобы он вышел из кабинета: тогда я схвачу бумаги и – ищи ветра в поле. Но Миша удобно расположился и уходить не собирался, развлекая меня какими-то пустыми разговорами.

По комнате по-сумасшедшему носился сиамский кот, который только разве что по потолку не бегал.

Вдруг я крикнул, как от боли и сказал:

- Миша... Валидол... Быстрее...

Миша рванулся из кабинета, а я рванулся к письменному столу, раскрыл папку, нашел злополучную расписку, сунул ее в карман, подошел к двери. В это время прибежал Миша с валидолом. Я сказал, что мне полегчало, но чая я пить не буду, а пойду, поймаю такси и поеду домой...

Сидя в такси, я достал расписку. Да, это было то, что написал тогда я. Добавлена была зачем-то красная печать размером с копейку. Перестарались! Она то их и подвела! Впрочем, их-то подвела, а меня выручила!

Я открыл окно и с наслаждением отрывал от расписки маленьенькие буквально миллиметрового размера кусочки и выбрасывал их в теплый вечерний август. Я испытывал огромнейшую радость, что спасся от суда, от увольнения с работы, тюрьмы и прочее, и прочее... Ведь спасая свою шкуру, Юра с Мишей продали бы меня, за здорово живешь. И я был бы хорош в глазах всех: подставил коллег и присвоил себе две тысячи долларов!

На следующий день часов в восемь вечера у меня появились неожиданные гости: Юра с Мишей. Они начали в лучших манерах полицейских-криминалистов:

- Игорь, верни нам нашу квитанцию!

- Какую квитанцию?

- Ту, что ты вчера выкрал у Миши. – Говорил Юра.

- Какую квитанцию? Как это «выкрал»? Да вы и чем?

- Не валяй дурака. Ты был вчера у Миши? После тебя пропала квитанция об уплате нами вступительных взносов.

- А-а-а... Вчера? Был-был... Там еще кот сямский, как угорелый носился. Я все боялся, что он в открытую форточку выпрыгнет... Может, бумаги в форточку вылетели?..

- Нет, я проверял во дворе... – Ответил Миша.

Тут я даже возрадовался – «мои друзья» толком не знают, что было на самом деле, иначе зачем бы проверять, нет ли бумаг во дворе.

Через пару дней, когда я опять пришел в иностранный отдел Академии, чтобы взять копию подписанного всеми отчета для своего министерства, мне встретилась та самая женщина:

- Вы знаете, у нас неприятность. Вчера вечером у Брехмана в машине разбили стекло и вытащили все документы из «бардачка»,

включая и финансовый отчет. Но какое-то у меня ощущение, что что-то там не чисто...

Я поохал вместе с ней, а у самого опять радостно застучало сердце: пусть подержаются те, кто все это заварил!

ПРО МОИХ ДЕТЕЙ

Начинающий Диофант

Школа рядом с домом, куда должен был пойти учиться Слава, была «спец», поэтому все дети должны были пройти собеседование на проверку «общего развития» (хотя я убежден, что развитие может быть только индивидуальным).

Собеседовательша (а как ее еще назвать?) задает Славе вопросы:

- Как тебя зовут?

- Слава...

- А полностью?

- Вячеслав...

А отчество?

Я, конечно, вздрогнул, но тут же подумал: а молодец, отвечает, как и положено на собеседованиях, без колебаний. Подумаешь Вячеслав – Святослав! Близко же. Ну, а то, что «Алексеич», так тоже близко – ведь я-то Алексеевич.

- Ну, а сколько будет если три курицы разделить пополам?

Настушило гнетущее молчание, Слава даже заерзал. Я удивился: он и не такое может решить! В чем же дело?!

- А они живые или вареные?.. – Задает Слава неожиданный вопрос.

- Если живые, то тогда будет два и один...

Я был в восторге, а училка, по-моему, и не поняла, сколь здрав этот Диофантов¹² подход в гуманном детском умшшке!

* * * * *

¹² Для читающих не-математиков: Диофантовы уравнения – это уравнения, решениями которых могут быть только целые числа.

Я в этой связи вспомнил сейчас рассказ одной знакомой редакторши – Аси Львовны Черняк про свою дочку, которая сдавала аналогичный тест в аналогичной школе. Девочку спросили, какая разница между автобусом и троллейбусом. Она рассказывала маме о своих мгновенных размышлениях, которые пронесли у нее в голове:

- Если я скажу, что автобус ездит на бензине, а троллейбус на электричестве, то мне не поверят, что я это знаю сама, подумают, что меня специально подучили так отвечать. Если я скажу, что билет в автобусе стоит 5 копеек, а в троллейбусе – 4, то подумают, что ребенка с детства приучают к деньгам. Я быстро сообразила и ответила: «Троллейбус с усами, а автобус – без!» Им это только и нужно было! Все остались довольны моим ответом...

Хорошо этот ребенок «обыграл» взрослых долдонов и долдонщ, а?

* * * * *

Когда проходили спектральное разложение белого цвета, я рассказал Славе про то, как мы запоминали в школе порядок цветов: «Каждый Охотник Желает Знать, Где Сидит Фазан». А уж там все просто: Красный, Оранжевый, Желтый, Голубой, Синий, Фиолетовый!

Но не так-то все просто! У Славы получалось то «Охотник Желает Знать, Где Сидит Каждый Фазан», то «Каждый Охотник Знать Желает, Где Фазан Сидит». Проза легко дает возможность варьировать порядок слов!

Тогда я придумал стишок, который Славе помог: «Кошка Очень Жадный Зверь – Гложет Синюю Форель». Это прошло на ура: не зря говорят, что из песни слова не выкинешь, а ведь песня – тот же стих, но под музыку. Слава запомнил этот стишок и воспроизводил порядок цветов без ошибки.

Я понимал, что слабое место в моей мнемонической частушке – цвет форели: почему синяя? Но Славе помогло художественное воображение, а мне ответ на это дал Булат Окуджава в одной из своих прекрасных песен, где упомянул «форель голубую».

Я и Биллу Клинтону писал... А фиг ли ж?

Кто когда-либо оформлял визу в США, знает, насколько унизительна и противна эта процедура. Что там «не повернув головы кочан и чувств никаких не изведав!» Нет, все наоборот, кочан по-

ворачивают, но уж лучше бы и не поворачивали вовсе! Встречает тебя презрительным взглядом этакий американский супермен (или супервуменша) и начинает над тобой измываться!

Таня, моя дочка, уже ездила к нам в гости в Арлингтон, по моему, дважды, когда я пригласил ее в очередной раз. Сомнений относительно визы ни у кого не возникало: для наших – она дважды ездила и оба раза вернулась, для американцев – она дважды ездила и ни разу не осталась. Так она спокойная и уверенная в правоте своего бюрократического дела, которое лежало в Американском Консульстве, направила свои стопы в означенное консульство. Вот и собеседование:

- Приглашение от отца?

- Пожалуйста!

- Справка о наличии работы?

- Пожалуйста!

- Справка с работы о хорошей зарплате?

- Пожалуйста!

- Справка о наличии квартиры?

- Пожалуйста!

- Справка о наличии счета в банке?

- Пожалуйста!

- Справка об остающихся детях-заложниках?

- Пожалуйста!

Чего еще изволите, ваше демократчество?

Повертев в руках паспорт с уже имевшими место там быть американскими визами от прошлых поездок, перебрав еще пару раз все требуемые документы и справки, консульский чиновник ... отказал Тане в визе!

- Нет-нет, документы у вас в порядке, но мы вас не пустим в Соединенные Штаты Всяя Америки... Кто может гарантировать, что вы у нас не останетесь?!..

- Но у меня здесь, в Москве дети!!!

- Русской женщине, которая захочет остаться в Америке, дети нипочем!..

Моя дочь – вся в меня, забыв о «здравом смысле», о тщетности борьбы, она бросается в бой.

- Да мне ваша вонючая Америка и даром не нужна! Я еду навестить своего отца!

Но драка даже русского витязя с огнедышащим змеем оказывается не в пользу змея только в сказках... В жизни змей всегда сильней.

Знай она, что этот «сэр моржовый», извините за выражение, в Америке за подобные слова не только бы потерял работу, но еще и заплатил бы по суду за оскорбление не один десяток тысяч долларов, то она, может, и покачала бы права в правильном направлении и в правильной инстанции...

Но русская «менталити», как говорят здесь, на родине западной демократии, взяла свое. Нас же давно приучили, что качать права с власть предержащими, все равно, что плевать против ветра.

Таня в слезах звонит мне. Я негодуя, – вот тоже придурок! – не нахожу ничего лучшего, чем написать письмо президенту Клинтону. Он тогда еще не был замечен за оральным сексом в Оральном ... пардон, Овальном Кабинете. Почему бы не написать? Написал я письмо и даже получил ответ, который найти не могу, но конверт от коего сохранился.

Написал я Биллу Клинтону письмо примерно такого содержания:

«Дорогой Мистер Президент! Так и так, не пускают мою дочь навестить своего отца в вашу благословенную вотчину. А можете ли вы представить, дорогой Президент, что вашу дочь Челси, названную так в честь неплохой английской футбольной команды, которая бы училась в России, кто-то не пустил бы повидаться с папочкой Биллом и мамочкой Хиллари?»

Нехорошо это, Билльчик!»

В ответ я получаю письмо от Пресс-секретаря Президента США, где выражается глубокая симпатия мне и моей дочери. Даже говорится о том, что, мол, сам Президент выражает мне глубокую признательность за то высокое доверие, которое я оказал ему, написав такое душевное письмо. Письмо, мол, ваше направлено в Госдеп для дальнейшего разбирательства.

Я на седьмом небе!.. «... Я знаю – саду цвесть, когда такие люди в стране вот этой есть!» Это ж надо подумать: *сам* Президент США!.. Я такого удостоен... Да я это письмо в рамочку... Хушь плачь навзрыд от умиления! Прямо-те, страсти по Матфею...

Спустя совсем немного времени, получаю я письмо из Госдепа: мол, так и так, переслали мы ваше письмо на имя Президента и ответ его канцелярии с нашей сопроводилочкой в наше Консульство в Москве. Ждите ответа! Ждите ответа! Ждите ответа!..

Я и жду-пожду... И вот приходит ответ в Госдеп, а копия мне.

«А не пойти ли всем вам к такой-то матери?! Американские консульства во всем мире не подотчетны никому, ни Президенту США, ни черту лысому, ни дьяволу волосатому. Что хотим, то и воротим. И по американским законам консульства не обязаны никому давать отчет о причинах отклонения запроса на визу. Привет!»

Но мы не лыком шиты. Мы не Моника Левинская, нам рот не заткнешь, даже если есть чем! Я настроился на борьбу с окаянными, хотя и опечалился зело и даже впал в некую ипохондрию...

По случаю, был у нас друг в Вашингтоне, не больше и не меньше – Консул Расеи при сем непотребном государстве. Пожалился я как-то ему, совсем между прочим, не надеясь ни на что, просто жилетка у него была удобна для плача – из промокательной бумаги... А он мне на мой бесстрастно-беспристрастный рассказ и заявляет: ты что, мол, совсем сбрендил? Письма Президенту пишешь? Чиновничий народ раздражаешь? Пошто мне сначала о своем деле не пожалился?

Жди, говорит, и не рыпайся. Сам позвонил какой-то важной мадам в Восточном отделе Госдепа, высказал ей все свое глубокое к ней уважение и попросил о малом деле. Мужик он был видный, обходительный, бабы до него были очень падки. Словом, через день та мадам отзвонила ему взад и сказала, чтобы он сообщил своему другу (то-бишь, мне), что дочь евоная должна в очередной четверг придти в Американское консульство в Москве к 10 утра, имея в руках документы, вложенные в свернутую вчетверо газету. Ее там найдет, кто надо. Но упаси ее господь задавать лишние вопросы или что-то комментировать!

Позвонил я дочке в Москву, проинструктировал. Пришла она в четверг как положено. Вошла в приемный зал и притаилась, как мышка. Подошел ровнехонько в десять-нуль-нуль какой-то мо-

лодой человек, отвел к себе в офис. Не было ни одного вопроса – выдал ей визу...

Ну, а вы говорите: «Америка!.. Америка!..» Хренотень все это собачья! Везде все одно и то же говно – хоть в России, хоть в Америке!

ПРО СЕБЯ

Голосование в карман

Никаким диссидентом я никогда не был, хотя в то же время ни к каким «мандатам» почтения не имел. Более того, делал вещи, за которые мог сильно получить по шее, если бы кто-нибудь захотел сделать мне гадость. Бог, в которого я не верю, не выдал, а посемеру и свинья не съела...

Начну с большого своего греха.

Начиная где-то с поздних институтских времен, я всегда голосовал в кабинке для голосования: ведь я же имел на то право? Ведь не зря же пелось едва ли не ежедневно, что «я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек»?

Я исправно приходил на избирательный пункт, расписывался в списке, брал бюллетень для голосования и удалялся в кабинку. Там в зашторенном кубике я аккуратно складывал бюллетень и клал его... себе во внутренний карман пиджака. После этого я выходил, пожимал руку дежурившему члену избиркома с красной повязкой на рукаве и преспокойненько направлялся в буфет выпить заслуженную мною бутылочку пивка...

В результате у меня накопилась изрядная коллекция бюллетеней. К сожалению, ни одного бюллетеня с именем корифея всех времен и народов у меня не было – слишком поздно у меня родилось мое странное хобби...

Об этой моей слабости не знали даже близкие друзья: у меня хватало ума не бахвалиться своей преступной страстью. Ну, да чем бахвалиться? Ведь не хвалятся же клептоманы своими трофеями? А я ведь тоже воровал – воровал голоса у наших любимых народных избранников (хотя сколько ни воруй, ниже 99,7% за них никогда не бывало!).

Но, слава Богу (все тому же), что с техникой надзора было тогда слабовато, вот и не застукали... А то, кто бы вам об этом сейчас рассказывал?

* * *

Другая, правда, почти диаметрально противоположная ситуация случилась с моим школьным другом Леней Мурзой. Его родители (а были они «на особом положении» – мама у Лени была еврейкой) вырезали из «Правды» все портреты горячо любимого вождя и все его речи. Все вырезки, начиная с середины тридцатых, сохранялись в толщенной папке (а может, даже и не в одной). Кое-что из довоенных вырезок мы с интересом с Леней просматривали.

Странное увлечение – собирать газетные вырезки, не правда ли? Но не торопитесь с заключениями: в сталинские времена получали немалые сроки те, кто по недосмотру или глубочайшей политической близорукости купленную, по случаю, селедку заворачивал в газетку с портретом корифея всех времен и народов. Так сказать, «тыкали ейную морду ему в харю», как сказал бы Ванька Жуков.

А не дай Бог, кто удумает, пардон, задницу свою утереть портретиком вождя... Это был верный десятерик без права переписки. (Все тогда шепотком поговаривали, что это такой псевдоним обыкновенной «вышки»)

И вот, когда вождь почил в бозе, а Хрущев обличил изверга и тирана в кровавых преступлениях (к которым – увы! – был и сам причастен), обрадованные Лёнины родители выбросили все свои вырезки, как говорится, к Бениной матери (бедный Бенья!).

А узнал я об этом так. Прибегает ко мне возбужденный Леня и говорит: «Ты представляешь? Мои родители выбросили все вырезки со Сталиным! Представляешь, какую ценность они бы имели лет через 10?»

* * *

К сожалению, свои избирательные бюллетени я тоже утерю: этот нечаянный-негаданный переезд в Америку, продажа московской квартиры... Ищи-свищи ветра в поле!

ТЕТРАДКА №10

ПРО ДЕТСТВО

Что может быть вкуснее печеной картошки?..

Странно все же устроена память: плохие или даже постыдные воспоминания все равно выплывают из памяти в каком-то ореоле мечты о прошлом.

Первые послевоенные голодные годы. Жили мы в бывшем общежитии Военно-Воздушной Академии, что на Стрельне. Корпус был шестиэтажный, с двумя огромным крыльями по бокам и двумя перпендикулярными «ножками», пристроенными сзади к центральной части. Система была коридорная, этажи соединялись такой квадратно винтовой лестницей, расположенной вокруг колодца недостроенного еще до войны лифта.

Словом, было где порезвиться! И мы это с успехом делали.

Игра в казаки-разбойники была обыденным занятием. Мы носились с гиканьем по коридорам с этажа на этаж – благо, что все взрослые были на работе, а старые бабки были нам не указ.

В тех же коридорах играли в футбол теннисным или тряпочным мячом – настоящих мячей у нас не было. Да и неудобно было бы ими играть: попробуй, протолкни его в узком коридорчике мимо противника, который занимал практически все пространство между стенками!

Были и другие, менее невинные развлечения. Как интересно, например, связать проводом две двери расположенные напротив, а потом постучать в обе и убежать за угол. Подошедшие на стук жильцы пытаются открыть дверь, а она, проклятая, не открывается, хоть ты тресни! (Двери, как и всегда, открывались вовнутрь.) Приходилось им, бедолагам, ждать, пока кто-нибудь случайно не пойдет по тому же коридору и не освободит их из «заключения».

Правда, вскоре мы эту «игру» усовершенствовали: проволока бралась чуть длиннее, чем надо. Тогда первый подошедший к двери открывал ее чуть-чуть, после чего «партнер по перетягиванию каната» открывал свою дверь, естественно, резко захлопывая первую дверь. История повторялась. Начинался дикий ор на кого-то, кто хулиганит, стоя за дверью и не давая ее открыть. Это было так по-

тешно: мы хохотали в отдалении около угла, слушая перебранку и наблюдая за судорожно дергающимися дверьми. Это был такой цирк!

А еще было очень интересно из коридорного окна с шестого этажа «обстреливать» прохожих гнилой картошкой. Ее у всех дома было полно: создавалось даже впечатление, что она так и выросла сразу гнилой – ведь, наверное, сгноить столько в магазине было даже невозможно!

Попадали мы редко, но сама по себе шутка была дурацкая, безусловно: при попадании с шестого этажа можно было ударить больно, если картошка была недостаточно сгнившей, а если она была очень гнилая, то наносился серьезный ущерб одежде...

Если бы мы тогда хоть немного думали!

Впрочем кто-то изобрел смешное и безвредное нововведение: вода наливалась в презерватив и бросалась с того же шестого этажа. Эффект был потрясающий даже в случае промаха! Однако здесь были свои сложности: презервативы приходилось воровать у родителей, а они были на счету (как презервативы, так и родители). Самим же нам – по причине понятной – в аптеке их не продавали.

По вечерам мы любили посидеть у костерка во дворе дома. Это то, что сейчас никто даже и представить себе не может. Да-да! Приносили от ближнего овощного магазина старые разбитые ящики и разводили костер перед окнами нашего шестиэтажного дома. Но костерок этот мы разводили не зря, он не был самоцелью: сидеть и смотреть на улетающие в небо искорки будущие романтики, ставшие впоследствии удивительным поколением «шестидесятников», еще не умели.

Проходило все так. Рядом с домом находился Петровский парк – сейчас такой ухоженный и красивый, а в наше время – огромное поле, усыпанное малюсенькими деляночками, на которых москвичи (кому повезет) выращивали картофель в ту голодную пору. Так вот, один из пацанов вставал на углу «на шухере», другой руками выкапывал несколько картофелин, передавая их поочередно третьему, который был обычно самым быстроногим. При появлении опасности, подавался сигнал, тот кто копал, исчезал в огородах, а «носитель добычи», сломя голову, неся окружным путем к нам, ждавшим его у костра.

До чего же вкусна печеная картошка! Пахнет дымом, обжигает руки и губы... Что может быть лучше печеной картошки?

Кстати, сейчас, живя в Сан-Диего, я частенько совершаю своеобразное путешествие в те сладостные годы детства: жена запекает мне картошку в микроволновке. Конечно, эта картошка не та: нет запаха костра, нет приставших к ней угольков... Но есть и определенное преимущество: под нее хорошо идет водочка с маринованным огурчиком... (К сожалению, в Америке нет соленых огурцов!)

«Бычки» в моей жизни

Помните эту старую хохму? «Пить, курить и ходить я начал почти одновременно...». У меня вышло немного не так: курить я начал намного позже: лет в 7... (Как я уже писал, пить я начал в пять лет...)

Начало войны наша семья провела в Свердловске, куда эвакуировали Академию Жуковского, в которой преподавал мой отец. (Я уже писал, что он до того воевал с японцами на Халхин-Голе, рвался и на войну с фашистами, но ему сказали «здесь вы нужнее» и послали учить будущих летчиков.)

Жили мы в корпuse какого-то бывшего общежития. Система была коридорная, с общей кухней в конце коридора. Мы, дети войны, почти все были фактически беспризорниками. А кому за нами было следить? У меня даже бабушка (впрочем, она была молодой – по моим теперешним меркам – ей было всего около пятидесяти) работала в госпитале: и гражданский долг, и рабочая карточка.

Единственный взрослый человек, с которым мне приходилось общаться каждый день, была наша соседка. Она была очень красивой, как мне тогда казалось. Собственно, это была первая «взрослая девочка» в моей жизни. Значит, она была красива по определению. Сейчас бы я ее сравнил с Ботичеллиевой Афродитой, выходящей, правда, не из морской пены, а из немецкого концлагеря: худоба даже на и без того тонком лице. А лицо – мраморно-бледное, хотя и с румянцем на щеках. Было ей лет 17-18. Я был в нее по-ребячьи влюблен, часто к ней заходил после школы – дверь у нее всегда была открыта. Обычно она лежала на своей кровати в полудреме. Я подсаживался на край кровати, и она мне что-нибудь интересное рассказывала. Помню, что звали ту девушку Люся.

На подоконнике стоял горшочек с геранью, которая пахла какой-то горечью. Иногда Люся просила меня полить цветок. Вот так мы и дружили втроем: Люся, я и герань.

Когда с работы приходила Люсины мама, она обычно стогнала меня с Люсиной кровати и пересаживала на стул у кровати. Потом она усаживала Люсю, подложив ей подушку за спину, и начинала ее кормить. Я уходил.

Мое счастье общения с Люсей оборвалось неожиданно. Я пришел из школы и мне сказали, что Люся умерла... Моя бабушка, которая работала почти всегда в вечернюю смену, а днем хлопотала по хозяйству: стирка-готовка, да длинные очереди за продуктами, помогала заплаканной Люсиной маме. Бабушка объяснила мне, что Люся умерла от скоротечной чахотки...

... Люся лежала на той же кровати. Она была, как всегда, красива, может, даже красивее, чем всегда: лицо ее стало еще более тонким, еще более мраморным. Мне чудилось, что она вот-вот встанет на локоть и улыбнется мне, как всегда...

Это была первая смерть в моей жизни...

Люсины мама отдала мне горшочек с геранью – сказала, что так ее попросила сделать Люся. Герань долго стояла на подоконнике около моей кровати, источая свой горьковато-приторный аромат, пока ее не сгрыз заяц. Да-да, натуральный зайчонок, которого моей бабушке подарил ее «ухажер»: он на охоте подстрелил зайчиху, а зайчонка принес моей бабушке в подарок. Хотя времена и были голодными, мы сделали из зайчонка не рагу, а обычного домашнего зверька.

Вот этот зайчонок и обгрыз герань, после чего умер, отравившись... Я не могу написать «сдох», потому что, хоть был он и зверьком, но он был моим большим другом...

Это была вторая смерть в моей жизни.

С тех пор я не люблю герань.

С этого момента я стал полностью «дитя природы»: после школы, сделав на скорую руку уроки, я мчался на улицу... Дело в том, что мне трудно давались только пропись и чистописание. Еще до школы я прочитал много серьезных книжек, включая, как я уже где-то писал, даже «Хитроумного идадьго Дон Кихота Ламанчского». Писал я тоже бегло, практически без ошибок и даже знал латинский алфавит – мама и ее сестра учились в мединституте. На

улице, в противоположность школе, было много нового и интересного.

Одной из самых интересных вещей оказалось... курение. Мы с ребятами подбирали на ближайшей трамвайной остановке «бычки» (для необразованных скажу, что так называются окурки), потрошили их, делали наивные самокрутки и с наслаждением курили (вернее, делали вид, что курим).

Однажды меня за этим занятием застукала моя мама. Она не стала меня пороть, не потащила домой за ухо, как делали мамыши моих друзей. Она привела меня спокойно домой, сказала, чтобы я ее ждал, а сама пошла зачем-то к соседям. Вернулась она с пачкой каких-то дешевых сигарет и сказала: «Ты знаешь, что твой папа и твоя бабушка курят. Давай и мы с тобой начнем курить». Говорила она это вполне серьезно, и я даже подумал, какая же у меня остроумная и смешная мама!

Но тут она открыла пачку, взяла одну сигарету, а другую дала мне. Заггла спичку, прикурила сама и дала мне. Я начал пускать дым в потолок, и мне было страшно весело: вот бы ребята увидели, как я сижу и курю с мамой!

Но тут мама сказала: «Ты неправильно куришь. Давай я тебе покажу, как надо. Бери сигарету в рот. — Тут она зажала мне нос. — А теперь вдыхай через сигарету».

Я закашлялся, на глазах моих выступили невольные слезы... Но она заставила меня выкурить таким образом сигарету до конца...

Сами понимаете, что хилый и вечно недокормленный организм семилетнего пацана не вынес такой огромной порции яда: я был отравлен, меня рвало, у меня разламывалась голова. Я в каком-то бреду лег и мертвецки заснул.

Как мне потом рассказывала моя бабушка, мама страшно перепугалась, сбегала за каким-то знакомым врачом, который сказал, как меня надо отпаивать. Напоследок он, говорят, добавил, что так недолго и на тот свет ребенка отправить.

Но мамин урок пошел мне впрок: с тех пор я не только не курю, но и сам запах табачного дыма вызывает у меня приступы неудержимого кашля.

Правда, замечу, с тех пор у меня очень часто спонтанно возникают приступы дичайшей «мерцающей» мигрени, во время которой на 10-20 минут выпадает центральное поле зрения...

ПРО ШКОЛУ

Мои первые десять «лигрыл»¹³

Чтобы совсем лишиться себя ореола положительного героя, коий неизбежно выпячивается во всех мемуарообразных писаниях, я должен рассказать еще об одном позорном случае в моей жизни.

Как я уже писал, в восьмом классе я учился в смешанной школе в Перловке, что по Ярославской железной дороге. Моим другом был отпетый хулиган – Толя Филатов. Он и курил, и пил, и матом ругался, вот только к девочкам не «клеился». Эта последняя черта, видимо, и сблизила нас.

Сказать, что я был жено- или девоненавистником было бы наглай ложью с моей стороны. Все было наоборот. Сидел я в школе тогда на одной парте с девочкой, Ниной Урецкой, у которой были огромные, по-еврейски умные и грустные глаза. Нина была отличница, как и я (хотя, впрочем, это к делу не относится). Она сидела справа от меня, и я иногда своим правым локтем, доходя до конца строчки, касался ее, как мне казалось, обжигающего локтя... А уж когда я ненароком касался ее бедра – я едва ли не терял сознание... Она, по-моему, тоже млела. Но, тем не менее, отношения наши были весьма «официальные». Хотя я помню, как она бросала на меня вроде бы случайные взгляды, и если я перехватывал их, то она рдела, потупив глаза. Теперь, старый уже козел, я понимаю, что она была в меня влюблена! Или же это просто игра еще не угасшего юношеского воображения?..

Вернусь, однако, к Толяну. Оба мы до безумия любили играть в футбол. Он был нападающий, а я вратарь в объединенной команде восьмых классов, поэтому мы проводили много времени в «спарринг тренировках»: он бил пенальти, а я их старался брать. Мы быстро нашли способ сделать эти наши с ним парные соревнования чисто спортивными: мы нашли такое расстояние (метров,

¹³ Лигрыл – это единица измерения, введенная – или по крайней мере впервые использованная в литературе – Ириной Грековой (она же Е.С. Вентцель). Это означает ЛИтр-Градус-на РЫЛло. Одно пол-литра равно $0.5 \times 40 = 20$ лигрыл, а пол-литра на двоих равно как раз 10 лигрыл.

наверное, пятнадцать-восемнадцать), что шансы забить гол были «фифти-фифти». Так что любая серия из 10 ударов могла закончиться с равной вероятностью победой любого из нас. Это было ужасно увлекательно и азартно.

Семья у Толи была очень необыкновенная. Он был пятым сыном, два его старших брата были «урками», а два другие – «мурками», т.е. служили в МУРе. Своеобразное семейное «самообслуживание»: прямо какая-то семейная игра в казаки-разбойники! Толян к тому времени еще не определился, к кому из своих братьев прикнуть.

Однажды, в весенний выходной, он и еще один мальчиكتихоня, наш одноклассник, который жил с Толей рядом, заехали на велосипедах за мной, и мы поехали все вместе покататься по тропинкам местных лесочков. Катался я лихо, прямо как каскадер: умел и на заднем колесе ездить, и сидя задом наперед, и рулить ногами, и делать поворот на 180⁰ на пыльной дороге за счет резкого торможения... Так что все мы выхвалялись друг перед другом, какие мы велосипедные асы.

Устали. Настало время и отдохнуть. Толян достал припрятанную поллитровку водки и скудную для троих закусь. Я в жизни еще не пил водку. Правда, классе в седьмом, когда я учился в Москве, мы пробовали хорошие грузинские вина, типа хванчкары, мукузани или кинзмараули, но до крепкого дело не доходило. Толян же был взращен в семье, где пили все, всё, всегда и везде...

Поначалу решили утолить жажду и попить березового соку. Я в одной из попыток вместо ствола березы со всего размаха рубанул ножом себе по левой руке, которой придерживал ствол. Рана была страшная: я просадил указательный палец, едва не попав по фаланге так, что кусок мяса болтался, как картофельный очисток на недочищенной картофелине. Полилась кровяца. Толян квалифицированно, будто он этим занимался всю жизнь, продезинфицировал мою рану водкой и туго замотал мой палец носовым платком. У меня и до сих пор виден двухсантиметровый шрам «с»-образной формы на второй фаланге.

Оставалось только начать пить из уже открытой бутылки. стакан был один на троих. Мальчик-тихоня наотрез отказался от питья. Я же не мог позволить себе низко пасть в глазах друга, а к

тому же пребывал в шоке от пореза. Посему, выпили мы с Толяном пол-литра по-братски.

С голодухи и с непривычки, я быстро вырубился. Как мы ехали обратно, не помню. Помню только, как я очнулся, упав с велосипеда через руль, поскольку передо мной каким-то чудом вырос пень. «Восьмерка» на переднем колесе сделала невозможным дальнейшее передвижение на велосипеде. Да я бы и не смог на него залезть! К счастью, до дома оставалось всего метров двести.

Я с трудом дошел до дома, отворил калитку, бросил велосипед во дворе, шатаясь, поднялся на крыльцо, позвонил в дверь, мама открыла, и я рухнул...

Дальше я ничего не помню. Оказывается, в тот день приехал отец специально навестить меня. Жил он тогда в Риге и приехал на пару дней в командировку в Москву. Меня разбудить так и не удалось...

Отца я так и не повидал. Проспал я до утра, в школу не пошел, так как меня шатало еще полдня.

После этого я водку не пил долго – лет, наверное, десять. От одного ее вида мурашки бегали по спине. Бр-р-р!.. Правда, теперь я от этого недостатка излечился.

ПРО ИНСТИТУТ

Неравенства в марксизме

Это было еще в далекие достославные сталинские времена (чур меня! чур меня!): поступил я в институт осенью 1952. Время было, как тогда говорили, «то еще»: во всю продолжала бушевать охота за анти-сталинскими ведьмами.

Теперь, спустя полсотни лет, могу чистосердечно сознаться, что оглядываясь назад, я замечаю много всякого юношеского эпатажа в своем поведении: ну как же – из мужской школы мальчик попадает в «смешанное» общество! И тут у павлина (или глухаря?) невольно веером распускается хвост...

Дело было на семинаре по «Основам марксизма-ленинизма». Вела его этакая карикатурная худая, как щепка пожилая женщина. (Такими обычно бывают эсерки в советских фильмах про революцию – экзальтированная, убежденная и непременно с семитской внешностью ... А как же иначе?)

И тут во время ее объяснения нам, неразумным, все величие великого всепобеждающего учения, я возьми да и спроси:

- Матрена Растудыковна (настоящее имя не помню), а что больше, марксизм или ленинизм?

- Вопрос не совсем верно поставлен. – Она что-то бормотала про диалектику, про единство и противоположности, но потом завершила: - Если ответить коротко, то конечно ленинизм больше!

Тут я пробормотал довольно громко:

- Ага... Значит марксизм минус ленинизм величина отрицательная...

Слышавшие меня прыснули, а марксистка-ленинистка, слава Богу, ничего не поняв, продолжала изливать на нас свое великое учение.

Был конец 1952-го... До смерти «отца родного» оставалось еще полгода...

Все же я очень везучий! Иногда я удивляюсь, как мне удалось выжить с моим языком?

ПРО РАБОТУ

Благонадежность электронной аппаратуры

Как я уже писал, я был одним из первых сотрудников в первом отделе надежности нашего родного военно-промышленного комплекса. В мои обязанности входили проектные расчеты надежности, сбор и статистическая обработка результатов испытаний и написание технических отчетов об этом.

Однажды я написал один из таких отчетов. А писать надо было в таком специальном персональном секретном блокноте, у которого каждый листочек был пронумерован и имел гриф «сов. секретно», а потом исписанные листочки в секретном машбюро отрывали в для перепечатки рукописного текста, а в блокноте на корешке каждого листочка ставили роспись.

Получаю я перепечатанный текст моего отчета и, как всегда, не читая, несу его Главному инженеру. Оставляю отчет у секретарши через сопутствовавшего сотрудника первого отдела.

Через несколько часов звонок от секретарши с просьбой явиться пред светлая очи. Я – молодой специалист, и к самому Главному!

- Ты что, все шуткуешь?

(Обращение «на ты» – обычный «производственный» язык номенклатуры, сдабриваемый иногда матерными междометиями.)

- По-моему, я все правильно сделал...

Он бросает на стол передо мной мой отчет, исчерканный красным карандашом. Я смотрю и вижу: во всем тексте вместо слова «надежность» напечатано «благонадежность»!

- Полагается после машбюро текст считывать! Мало ли, какую они чушь напечатают?

Тут он сменил гнев на милость и пояснил мне, уже смеясь, суть произошедшего. Оказывается, начальник Первого отдела, в чьем ведении находилось машбюро, считал себя почти ученым и частенько вносил свою корректуру в тексты. А поскольку он был отставной кэгебешник, то естественно, слово «благонадежность» для него звучало куда как убедительнее, чем слово «надежность».

Этот эпизод стал известен многим. Потом начальник отдела, в котором я работал, всякий раз, вызывая меня, говорил: «Игорь, надо бы срочно подготовить отчет о благонадежности такой-то системы!»

ВСТРЕЧИ С ТИТАНАМИ

Как хорошо отдавать долги вовремя!

Когда у меня умер отец, я был в полной растерянности. Жил он в Ногинском Академгородке со своей второй женой, которая была женщиной совершенно неприспособленной. На меня обрушились все связанные с этим печальным событием заботы. Нужна была к тому же куча денег, которых у меня не было...

Так уж получилось в моей жизни, что в трудную минуту я искал совета или даже защиты у Бориса Владимировича Гнеденко. И в этот раз я поехал к нему. Как и всегда, он внимательно меня выслушал, потом спросил:

- А деньги у вас есть?

ЗАПИСКИ НЕИНТЕРЕСНОГО ЧЕЛОВЕКА

- Да, рублей пятьсот...

- Этого может оказаться мало. — Он вышел из кабинета и вскоре вернулся, неся пачечку денег. — Вот вам еще полторы тысячи.

- А на каком кладбище вы собираетесь хоронить своего отца?

- Пока не знаю... Дело в том, что он умер в Подольском Академгородке...

- Но у вас же будет еще масса дел в самом Подольске в связи с похоронами! Как же вы все это осилите?

Тут вдруг он позвал своего младшего сына:

-Алик, у Игоря Алексеевича умер отец, надо ему помочь Бери мою машину и будь в полном его распоряжении.

Тут нужно сказать, что с Аликом нас связывали не только взаимные симпатии, но и деловые отношения: одно время он работал у меня. Почему, спросите вы? Просто Алик, придя из армии, начал вести разгульную жизнь, поигрывал в картишки (умудрился даже заложить папину машину!). И тогда Борис Владимирович попросил меня взять Алика к себе на работу: за парнем нужен глаз.

Алик был очень симпатичным юношей (оставшись таким же и когда повзрослел). Однажды на дне рождения Бориса Владимировича, куда я был зван всегда, Андрей Николаевич Колмогоров один из гостей предложил за Алика, как за настоящего мужчину. Дело было в том, что окончив службу в армии, Алик со своей женой однажды поехал за город в гости к своему армейскому другу. Они возвращались домой уже в сумерках. Впереди в отдалении ехал городской автобус. Вдруг из-за автобуса выскакивает человек прямо под колеса машины, за рулем которой сидел Алик. Этот человек был сбит, хотя Алик и пытался безуспешно затормозить — машину несло по тонкому слою снежка, как по льду...

Автобус, водитель которого всё, безусловно, видел, преспокойненько отчалил. Алик с женой остались одни со сбитым ими человеком. Ну, какой же идиот обходит на трассе (а дело было за городом) автобус спереди!

На машине практически не осталось следов от столкновения...

Сбитого человека втащили в машину, жена Алика положила его окровавленную голову к себе на колени, и они поехали до ближайшего поста ГАИ. Там дежурный осмотрел машину, не найдя ка-

ких-либо заметных повреждений, а потом посоветовал отвезти пострадавшего в ближайшую неотложку... Там, кстати, сделали анализ крови и установили, что содержание алкоголя такое, что тот человек выпил не менее двух поллитров!

Спасти того человека не удалось: он очень сильно ударился головой об асфальт.

Был суд, на котором Алика не только оправдали, но и отметили, что они с женой вели себя очень благородно: ведь можно было преспокойненько смыться с места ДТП. Помню, Алик на это мне сказал:

- Не понимаю, а что же мы могли сделать другое, кроме того, что сделали?

Впрочем, как всегда, я сильно отошел от основной линии повествования.

Алик мне необычайно помог: мы с утра до вечера весь следующий день металась между Академгородком, Подольском и кладбищем, оформляя одну формальность за другой. На следующий день были все эти кладбищенские дела с циничными мздоимцами. И тут Алик мне помог: он решительно пресекал все попытки вымогателей, пользовавшихся моим положением. Наверно, без его помощи я бы в две тысячи не уложился...

* * *

Прошло какое-то время после того, как я одолжил деньги у Гнеденко, боюсь, что месяца два, если не три... Вдруг меня, когда я был на работе, бросило в холодный пот: я до сих пор не вернул Борису Владимировичу деньги, которые брал займы! Я бросился по друзьям, насобирал по десятке-тридцатке всю сумму, после работы зашел в сберкассу и поменял собранные деньки на сторублевки. Еще через полчаса я уже звонил в квартиру Гнеденко. Открыл мне дверь сам Борис Владимирович и, как всегда, приветливо проводил меня к себе в кабинет.

- Борис Владимирович, простите меня, я забыл вам отдать свой долг вовремя... — Я протянул Гнеденко пачку денег.

- Какой долг?

- Помните, вы давали мне месяца два назад... На похороны моего отца...

- Но вы мне все уже давно вернули! По-моему на третий или четвертый день!

- Не может быть!

-Игорь Алексеевич, я не такой богатый человек, чтобы забывать про такие деньги. Это было вот на этом самом месте, вы принесли новенькие сторублевые купюры.

* * *

Я до сих пор не помню, как я возвращал свой долг. Остается верить Борису Владимировичу, как я делал всегда. Однако от самой мысли, что такое могло случиться, у меня возникает чувство глубокого неудобства...

Корабль в обмен на пару омулей

В Иркутске однажды меня познакомили с интересной женщиной – художником аж Всесоюзного масштаба – Галей Новиковой, которая была хорошей приятельницей моей жены.

Дело происходило на даче под Иркутском, куда она пригласила нас с Таней и с Таниной подругой. Домик – конечно, не нынешние хоромы «новых русских» – стоял на берегу Ангары. Вид открывался умопомрачительный. Сибирь есть Сибирь!

Недолго мы топтались у порога: следующий наш шаг в избу-дачу, где на столе уже красовались две бутылки «Московской» (с водкой в те годы были перебои!) и на газете несколько свеженьких омулей. Ну, а много ли нужно русским интеллигентам? Бутылка водки да закусь!

Таня с подругой начали готовить на стол. Мы с Галей разговаривались, и она рассказала мне, как она собиралась нарисовать нечто типа «трех граций» в современно ключе, и одной из граций должна была быть Таня. У Тани были шикарные длинные волосы необычного, почти неестественного пепельного цвета, каких, я думаю, не было ни у одной граций до нее ☺. Стараясь выглядеть современнее, Таня сделала себе короткую стрижку...

Разгневанная Галя, отказавшись от идеи трех граций, сделала монохромный одиночный портрет Тани темно-синей пастелью... (Кстати, портрет этот и сейчас висит у нас дома в Сан-Диего. Честно говоря, он мне не нравится: Таня на себя не похожа. Но художник – на то он и художник, чтобы видеть все через хрусталик собственного глаза: возьмите, к примеру, портреты, написанные Пикассо ☺.)

Я рассказал в ответ свою историю, как я на спор со своим сыном нарисовал по памяти Тракайский замок, когда мы с ним отдыхали в Литве: он учился в художественной школе, и поэтому я вывез его порисовать «на пленэре».

- За сколько, говоришь, ты нарисовал замок?

- Ровно за 18 минут. Мы поспорили, что я нарисую за 20. Я следил за временем и даже «перевыполнил план», ухмыльнулся я.

- А нарисуй мне что-нибудь на память минут за тридцать, а?

Я попытался увильнуть, сославшись, что нет холста и красок, но она отвела меня в свою мастерскую – малюсенькую комнатку, дала мне небольшой холст, уже натянутый на рамку, и массу тюбиков с масляными красками.

- Что будешь рисовать?

- Ну, может, омулей?..

Галя вышла и, вернувшись, принесла мне омулей на той же газете, на которой они лежали на столе. Заодно она принесла мне водку в граненом стакане и сказала: ты рисуй, а мы мешать тебе не будем, пойдем пока на стол готовить: картошечку надо сварить... Через полчаса – к столу!

Я понимал, что времени у меня было в обрез. Но именно это заставило меня рисовать смело и размашисто. Минут через 20-25 (во всяком случае, до истечения отведенного мне времени) рыбины были нарисованы (извините, «написаны»). Рисунок был почти монохромный: серебряные рыбины на сероватой газете, серовато-сепиевый фон.

Когда я вышел «с докладом» на порог мастерской, Галя с улыбочкой вошла за мной в свою мастерскую. Она довольно долго смотрела на мой экспромт, будто оценивая его. Я представил, что она так же каждый раз рассматривает работы своих учеников (а она преподавала в художественном училище).

- И ты ни у кого не учился?

- Только у своего сына, – сострил я.

- Подари мне это.

- С удовольствием!

- А в обмен выбирай то, что тебе нравится.

Я стал отказываться, говоря, что моя картинка ничего не стоит.

- Считай, что я тебе проспорила. Я ведь думала, что у тебя ничего не получится...

Я выбрал небольшую картину, на которой был изображен стоящий уже на вечном приколе какой-то небольшой байкальский пароходик, будто выхваченный глазом из вечернего полумрака...

- Ну что ж... Ты выбрал хорошую картину. Она мне тоже нравится.

* * *

Кончая писать этот эпизод, я решил найти в Интернете что-нибудь о Гале. ...Оказалось, что в 2004 году в Иркутском Изобразительном музее была ее посмертная выставка...

Иван-Филипп

Мой старинный друг, Володя Багдасарян, работал в одном закрытом конструкторском бюро, учась одновременно в аспирантуре в МАИ у академика Ивана Филипповича Образцова, которого все звали между собой «Иван-Филипп».

Начальником Володи был Наум, фамилию которого я ни разу не слышал, но которого так и завали заглазно, а когда обращались к нему, то добавляли отчество, которое я тоже позабыл.

Пришло время, Володя вышел на защиту, прекрасно защитил диссертацию и, как положено, сообразил небольшой банкетик. Банкет этот происходил у него дома, в дачном домике в удивительном Поселке Сокол. Поселок этот, построенный где-то в середине 30-х, состоял из дач московских художников на окраине Москвы. Там и улицы назывались: улица Левитана, улица Сурикова...

К тому времени, о котором идет речь в этом рассказике, город «проглотил» бывшую окраину, отчего и оказалось, что среди оштетинившихся каменных построек сохранился в своем первоначанном облике этаких райский оазис... Не знаю, как изуродовали это место сейчас нынешние разгульные новорусские «нуворишки» и «нуворы». Друзья мои оттуда переехали, продав свой деревянный уже сильно поношенный терем за большие деньги и купив кварти-

ры себе и двум дочерям. Боюсь, что теперь на месте их уютенького дома возвышается какой-нибудь безвкусный замок-дворец в стиле «вампир»...

Но во время описываемого мною банкета, все было еще спокойно-патриархально.

Володя пригласил своих ближайших друзей, а также и своего начальника – Наума. Приглашен был и Иван-Филипп, но все были уверены, что такая крупная птица не залетит на скромный огонек банкета – Образцов был ко всем прочим своим обязанностям в МАИ и в Академии наук еще и Министром Высшего образования РСФСР.

Мы уже хорошо подпили, когда в дверях выросла фигура Ивана-Филиппа!

Нужно сразу сказать, что это был человек весьма солидный – ростом под 180 и весом, наверное, далеко за 100 килограммов. Когда он вошел, то пространства в комнате как бы значительно поубавилось. Раздался зычный голос:

- Смотрю, дверь открыта и веселые голоса раздаются!..

Мы все вскочили со стульев, здороваясь с ним, не из какого-то подобострастия – хотя все его глубоко уважали и за профессионализм и за его человеческие качества – а скорее, от неожиданности произошедшего.

Тут Иван-Филипп замечает среди нас Наума, подходит к нему, обнимает по-мужски, почти отрывая его от пола – а был Наум, как говорится, «метр с кепкой», так что это, в принципе, было несложно. Они начинают о чем-то оживленно говорить, вспоминать, когда они виделись в последний раз... Заметив, видимо, наше недоумение, Иван-Филипп говорит:

- Вот этому человеку я обязан своей жизнью. На фронте меня контузило во время отступления после неудачной атаки. Я упал и больше ничего не помню.

**Иван Филиппович
Образцов**

Когда я очнулся где-то в наших окопах, то первый, кого я увидел, был солдат моего взвода – Наум. Он мне сразу сказал что-то вроде: «Ну, слава Богу, очухался! Не зря я тебя на себе волок!»

Можете себе представить, как 18-летнему мальчишке с такой вот комплекцией было тащить такого бугая, как я? – Тут Иван-Филипп еще раз крепко прижал Наума к себе, держа его за плечо.

Потом он налил себе большой фужер водки, сказал пару теплых слов Володе и залпом выпил.

- Ну, ребятки, извините, мне пора, меня шофер ждет...

Мы высыпали на улицу, проводить Образцова. Он подошел к машине, открыл дверь, обернулся к нам:

- До свидания! – потом сделав паузу, сказал, – Смотрите мне! Наума не обижать! Кто тронет – голову оторву! – Он широко улыбнулся, помахал нам рукой и сел в свой правительственный ЗИЛ.

ИНТЕРЕСНЫЕ ЭПИЗОДЫ

Умеете ли вы покупать на армянском рынке?

Загульба... Красиво звучит, не правда ли? Так и пышет от этого слова удалью молодецкой да питьем беспорядным!

Так что не зря, подписывая мне командировку на конференцию в Загульбу, директор ВЦ Академии наук академик Доронницын ехидненько ухмыльнулся и предостерег быть поосторожнее.

Действительно, Загульба оказалась прелестным местечком на Апшеронском полуострове: море, фрукты и ... немного науки.

Эту поездку я совместил с другой – та уже была по делу, в Ереванский НИИ математических машин. Поехали мы из Баку в Ереван на машине. Поездка была удивительная!

Одно было неудобство: мои армянские друзья-аспиранты не давали мне даже руку в карман засунуть за деньгами – все всегда, оказывается, было оплачено заранее. Так было в попутных ресторанах, так было и в одной гостинице, где мы заночевали в пути.

Но вот мы въехали в Армению и остановились в какой-то славной аккуратненькой деревушке около небольшого рыночка, и тут я решил отыграться. Под предлогом размяться и подышать – а то ноги аж затекли – я вышел из машины и быстрым шагом напра-

вился на рынок. Рыночек был небольшой, но... Кто не видел восточного рынка, тот ничего не понимает в рынках вообще! Я был на рынках и в Ташкенте, и в Тбилиси, и в Ереване... Это вам не скучное деловое место купли-продажи – это праздник! Звонкие голоса, а то и музыка наполняют воздух... Аромат свежих фруктов и зелени щекочет ноздри... Помидорно-красные и дынно-желтые цвета, оттененные укропно-кинзовым изумрудом, ласкают глаз...

Мне буквально моментально бросились в глаза огромные, нежные, как поцелуй любимой, персики... Я спрашиваю:

- Сколько?

- Десят...

- А с корзиной?

- Двэнацэт.

Я беру корзину красавцев-персиков и гордый иду к машине: наконец-то я смогу хоть как-то отблагодарить своих друзей!

Меня встречает недоуменным взглядом Араик Геокчян:

- Зачем купил?

- Хочу всех вас угостить...

- Пойдем, покажешь, у кого купил...

Я думаю, что Араику понравились персики, и он хочет докупить еще. Мы подходим к тому самому продавцу, и вдруг Араик высыпает все персики к тому на прилавок с вопросом:

- Ты что продаешь? Разве это персик? – Он зачем-то начинает пальцем давить персики, а потом спрашивает: - И ты эти мандарины продаешь за десять рублей? Они же и трех не стоят! А ты знаешь, кому ты продал эти свои персики-мерсики? Это мой учитель – профессор из Москвы!

Я был всего лет на пять старше Араика, но он и на самом деле был моим аспирантом, хотя были мы с ним «на ты».

- Пагади, пагади, дарагой! Зачем шумишь? – Тут продавец лезет под прилавок, и вот уже появляются три маленьких граненых стаканчика и бутылка «тутовки». Продавец разливает самогонку по самым краям и говорит:

- За твоего учителя! За дружбу!

Мы все втроем залпом выпиваем. Он тут же разворачивает полотенце, в которое что-то было завернуто – оказывается, это

нарезанная уже бастурма, толстые кусочки белоснежного армянского сыра и какая-то зелень. Видать, он за рабочий день не раз прикладывался для поддержки сил!

Мы выпили еще по одной, о чем-то поговорили. Наконец, продавец делает этакий типичный жест рукой и произносит:

- Забирайте всё! Дару! – И протягивает при этом мне полученный от меня червонец. Тут вступает Араик:

- Нет, друг, ты нас обижаешь! Деньги твои! И спасибо за гостеприимство!

Расстаемся мы с продавцом, как братья, пообнимавшись прямо-таки на американский манер. Мы возвращаемся к машине. Пятидесяти- или даже шестидесятиградусная «тутовка» сладко-обжигающе разливается по желудку...

Араик читает мне познавательную этнографическую лекцию:

- Ты его почти обидел, не поторговавшись, не поговорив с ним. Ты был простой покупатель-потребитель, а ему нужен был объект общения. Вот теперь он будет вспоминать тебя с благодарностью!

Холодная война на человеческом уровне

Я уже писал про своего американского друга Джона Кеттелла, который узнав, что я после операции на сердце вынужден задержаться, оставаясь под контролем хирурга, принял меня в свою компанию. Я даже был назначен Директором Советско-американского института, который состоял из двух человек – меня директора и меня же – единственного сотрудника ☺. Целью моей работы в этом «институте» было поддержать в трудные девяностые годы моих друзей-сотрудников в бывшем Советском Союзе, которые в основном были моими прежними аспирантами. А у Джона, по-видимому, была цель поддержать друга, попавшего в глубокую американскую задницу...

Сам Джон очень интересный человек. Во время Второй мировой он служил матросом на амфибии, во время Вьетнамской войны был офицером на американской подлодке. После он много занимался прикладной математикой, изобрел удобный для использования на компьютере алгоритм дискретной оптимизации. Я пере-

вел в свое время эту его статью, назвав его метод «методом Кеттеля», и это название закрепилось в советской литературе по теории надежности.

Потом Джон основал фирму, занимавшуюся различными прикладными разработками. В этой фирме я и начал работать.

Когда я показал ему несколько статей, упоминавших «метод Кеттеля» он залиvisto хохотал: оказывается в Советском Союзе он был более популярен, чем у себя на родине...

С Джоном мы продолжаем поддерживать контакты по телефону и Интернету. Недавно он прислал мне интересную историю времен «холодной войны». Я даю прямой перевод его текста.

«Как ты, наверное, помнишь, я служил подводником во время Вьетнамской войны. Где-то в начале этого столетия я был приглашен на встречу по поводу пятидесятилетия базы подводных лодок в Нью-Лондоне, в штате Коннектикут.

Одним из выступавших на открытии встречи был мой давнишний знакомый, вице-адмирал Британских ВМС. Вот, что он рассказал.

В годы «холодной войны» он служил командиром британской подлодки, которая отслеживала в Атлантике у берегов Франции маневры русских подводных лодок, вооруженных ядерным оружием. Миссия эта была совершенно секретной: в случае, если бы русские поднялись на поверхность для запуска своих ракет с ядерными боеголовками, был приказ немедленно их торпедировать. Британская подлодка перемещалась в паре миль от русской.

Внезапно на британской подлодке случилась авария, по команде капитана был сброшен балласт и лодка всплыла на поверхность, чтобы зафиксировать неисправность.

Джон Кеттель и автор в офисе

ЗАПИСКИ НЕИНТЕРЕСНОГО ЧЕЛОВЕКА

Буквально через несколько минут в пределах прямой видимости всплыла русская лодка. К тому времени британцы устранили неполадки и стали экстренно погружаться в воду. Одновременно с ними стали погружаться и русские.

На этом история благополучно закончилась.

И вот спустя много лет, когда «холодная война» уже ушла в прошлое, бывший командир британской подлодки, ставший уже вице-адмиралом, приехал в Москву на какую-то встречу с «коллегам по противостоюнию».

Когда он в кулуарах рассказал об упомянутом эпизоде, к нему подошел русский офицер и, улыбаясь, сказал, что командиром той русской подлодки был он. Произошел интересный разговор:

- А зачем же вы всплыли буквально под нашим носом? – Спросил британец.

- Специально, чтобы вы поняли, что мы обо всех ваших действиях все знаем. Это должно было отвести от нас подозрение в злоумышленных действиях. Так и произошло!

- Ну, а зачем же вы все-таки поднялись на поверхность?

- Понимаете ли, мы поняли, что раз вы экстренно поднимаетесь на поверхность, то у вас что-то произошло аварийное...

- Ну, и что?

- Мы подумали, что вам, может быть, нужна какая-нибудь помощь...

- ... ?

- Дело в том, что под вашим надзором нам было очень спокойно, мы знали, что никто, с дури, не потопит нашу лодку. Поэтому мы были заинтересованы в том, чтобы у вас все было хорошо.

* * *

Свое письмо Джон закончил словами: «Знаешь, это моя любимая история!»

СТУДЕНТЫ-АСПИРАНТЫ

И некруглые даты иногда запоминаются

Я никогда не афишировал свой «юбилей» да и просто дни рождения не люблю: видимо, с детства не приучен.

Но вот сотрудники моего отдела, в который я набрал в основном своих уже защитившихся или еще не успевших защититься физтеховских аспирантов, откуда-то узнали о моем «квадратном» (то бишь, некруглом) юбилее – мне исполнилось 45 лет.

В конце работы ко мне подошел один из них и доверительно сказал, что все собираются у Гали Ерохиной – моей секретарши, у нее какое-то событие, и меня все очень хотели бы видеть там.

Жил я тогда уже один, обитал у своей мамы, ни о каких днях рождения и мыслей не было. Я на всякий случай позвонил домой, сказал что приду попозже. Я еще немного задержался на работе, меня в это время ждал один из сотрудников, который знал адрес Гали. Честно говоря, я догадывался, в чем дело: у Гали был крепко закрученный роман с одним из моих сотрудников (потом они и поженились), наверное, должна быть какая-нибудь «общественная помолвка».

Вот мы приехали, поднялись по лестнице – дом был хрущевский, без лифта, Звоним. Открывается дверь. Нас встречает раскрасневшаяся хозяйка дома. В квартире тишина и даже темновато. Странно...

Когда мы входим в комнату, вдруг зажигается свет и толпа гостей начинает громогласно поздравлять меня с днем рождения.

Честно говоря, я растерялся и растрогался. Кто-то, видимо, насмотревшись американских фильмов с этими традиционными «сюрпризами», решил сыграть в эту игру. Должен сказать, что сюрприз удался на славу! Но я скоро взял себя в руки.

Когда меня посадили во главе стола, я встал и объявил:

- Тамадой сегодня буду я! Нет возражений?

- Нет! – Раздался громогласный ответ.

Я предложил сходу первый тост: «За именинника!» Все весело заржали и дружно выпили. Слегка закусили. Сострив по-военному, что интервал между первой и второй не должен превышать тридцати секунд, я начал с первого же сидевшего по правую руку от меня. Я сказал, какой он умный, как он хорошо играет в футбол, какую прекрасную статью написал недавно, и так далее. Выпили за него.

ЗАПИСКИ НЕИНТЕРЕСНОГО ЧЕЛОВЕКА

Вскоре опять же без особой задержки, я предложил за соседа первого «гостюемого». Наговорил опять кучу очень личных и очень в точку комплиментов. Выпили.

Не прошло, наверное, и двух часов, все были «обтостованы», все крепкое и не очень крепкое было выпито. Пара уже довольно сильно подвыпивших «активистов» решила сгонять в магазин. (Дело действительно шло к закрытию).

Прошло минут десять, их нет. Я начал волноваться, и мы с хозяйкиным ухажером и с парочкой еще более или менее трезвых ребят пошли в магазин. Магазин был уже закрыт... Мы начали стучать, вышла какая-то обозленная баба, я, как наиболее солидный и менее всех пьяный, объяснил ей в чем дело. (На самом деле, я неплохо «держу удар», а к тому же в экстремальных ситуациях хмель с меня слетает мгновенно.)

Баба сообщила, что «дружки наши» в милиции, которую вызвали, поскольку они буянили и требовали слишком много водки, «а мы пьяным не продаем».

Пошли в милицию. Дело начало обретать плохой оборот. В отделение милиции я взял с собой только самого трезвого (им оказался хозяйкин друг). В милицейском «приемном покое» на лавочке сидели два понурых физтеха, виновато опустившие свои головы (А может, уже просто задремавшие с перепоею?)

Я представился дежурному, показал свой профессорский пропуск в Физтех. (До сих пор не понимаю, как он оказался у меня в кармане!) Я объяснил с юмором ситуацию, дежурный искренне ржал. Я взял на себя всю вину, попросил дежурного отпустить ребят под мое честное слово.

Обошлось!

Ну, разве можно забыть такой день рождения?

* * *

Сейчас «юбилеи» и вообще потеряли смысл: Радоваться, что дожил? Печалиться, что еще год прошел?

Вспоминается эпизод, рассказанный мне моим отцом. Когда ему всего-навсего исполнилось пятьдесят лет, его научный руководитель по кандидатской, академик Александр Александрович Харкевич, живший тогда во Львове, прислал телеграмму такого содержания:

«Дорогой Алексей Андреевич ВСКЛ ЗНК Поздравляю и соболезную ЗПТ Еще раз поздравляю и еще раз соболезную ТЧК Ваш Александр Харкевич».

ГАЛОПОМ ПО ЕВРОПАМ

Белорусская виза

У нас с Таней случилась неувязочка с нашим советским, а затем и с российским гражданством. Наши советские загранпаспорта просрочились, когда мы жили в Вашингтоне, нам обменяли их на документы, выданные Консульством России. Потом мы стали гражданами США и, захотев съездить в Москву, подали на российскую визу.

В Консульстве России нам объяснили: выдать вам визы не можем, так как вы зарегистрированы у нас как российские граждане, вам виза для въезда в Россию не нужна. Но вернуться в США вы можете только по гражданскому паспорту с отметкой ПМЖ в Америке. Я стал узнавать судьбу наших паспортов в Иностранном отделе Академии наук, через который мы оформляли выезд в Штаты. Оказалось, что они, естественно потеряны... Да и не мудрено – при перестройке с последующей «прихватизацией» пропадали вещи и по крупней!

В ответ на это Консульский отдел посоветовал мне написать заявление в специальную Президентскую комиссию, которая это заявление рассмотрит, сдерет с меня около тысячи долларов с человека, лишит нас российского гражданства, после чего мы будем получать преспокойненько визы, как американские граждане.

Как говаривал один мой хороший знакомый: «Спасибо вам в шляпу!»

Но я-то знаю, что безвыходных положений нет. Даже попав в пасть крокодилу, вы имеете выход, правда, единственный и не очень приятный...

И тут мне пришла в голову идея! Я попросил своих белорусских друзей прислать мне приглашение, а Белорусское консульство, в списках которого я не состоял, выдало мне визу как американскому гражданину!

ЗАПИСКИ НЕИНТЕРЕСНОГО ЧЕЛОВЕКА

Летел я через Москву да из задержался в «кипучей и могучей», а к тому же еще и «никем непобедимой», пока срок моего «пребывания в Беларуси» не подошел к концу.

Слетал я в Москву, повидал друзей. Прохожу паспортный контроль в Шереметьево. Пограничник внимательно разглядывает мою визу и мой паспорт – ну прямо «глядит, как в афишу коза – к мандатам почтения нету»...

- А где вы были в Белоруссии?

- В Беларуси,- поправляю я его. – В институте Академии наук, читал лекции.

- А как вы это подтвердите?

- А вот у меня приглашение, – и достаю приглашение на официальном бланке института.

- А где отметка, что вы там были?

- Какая еще отметка? Она мне не нужна.

- А есть ли у вас какие-нибудь подтверждающие вашу поездку в Минск проездные документы?

- А зачем мне они? Они мне не нужны.

- А как же вы приехали в Москву из Минска?

- На машине, - быстро нахожу я ответ.

- А какая марка машины?

- Вы что, издеваетесь надо мной?! Я математик, а не авторемонтный техник! Правда, могу вам сказать, что машина была черного цвета.

Видимо, пограничник и сам устал от собственных нелепых вопросов. Он «прокомпостиrowал» мой паспорт и вернул его мне со словами:

- Все же в следующий раз просите ставить на приглашении печать организации, которую вы посетили...

Не зря когда-то Илья Ильф в своих «Записных книжках» сделал запись: «Край непуганых идиотов». Какое глубокое предвидение! Прогноз на 70 лет вперед!

* * *

Хорошо, что нет предела прогрессу (особенно в частном бизнесе). В Вашингтоне позднее была организована частная посредническая фирма с премиальным названием «Russians Escape»,

что в переводе означает «Русские сбегают». Эти лохи «играли на лапу» с Консульским отделом Посольства России в США: получить визу в Консульстве можно было за 150 долларов, но ее можно было и не получить, как, например, в моем случае. Получить визу через «Сбегающих русских» стоило уже 300 долларов, но не получить визу уже было нельзя: через них получали все, у кого был американский паспорт. Да здравствует Великая Россия – родина казнокрадов и конокрадов!

Первое в жизни суши на японской суши

Мы встретились с Тахекико Матсудой на конференции ИФОРСа в Токио. Был он тогда Президентом этого международного общества, а я ему был передан «с рук на руки» предыдущим Президентом, как выставочный экземпляр «странного русского».

В один из вечеров Билл (так Тахекико представлялся своим западным коллегам) пригласил меня в ресторан. Ресторан был очень необычный – на плоской, как вертолетная площадка, крыше какого-то огромного универсама, отгороженный от улицы огромными аквариумами, в которых плавали какие-то казавшиеся громадными рыбыны. Между столиками гордо и грациозно прохаживалась парочка ланей, не обращающих внимания на жующую публику.

Подошедший официант спросил Тахекико что-то по-японски. Тот перевел мне, что спрашивают, какую рыбу я предпочитаю. Решив, подтвердить свою репутацию экстравагантного остряка, я ткнул, шутя, пальцем в одну из рыбин в аквариуме.

Тахекико что-то сказал официанту. Тот ушел, но вскоре вернулся, подошел к аквариуму, в руках у него откуда-то оказался сачок и, к моему ужасу... в сачке тут же затрепетала бедная рыбина. Но это, естественно, было не все: вскоре на разделочном столике прямо у нас на глазах, у рыбы отлетела в сторону голова, потом хвост, потом несколькими неуловимыми движениями официант разделал рыбину, «художественно оформил» ее и подал к столу.

Есть того, которого ты только что видел живым и невредимым – очень трудно, почти невозможно... Благо, у меня был опыт: когда-то во время похода на плотях по рекам Приполярного Урала мы ловили хариусов, солили их и ели «малосольными» буквально через час. А однажды, утопив рюкзак с мукой и солью, вынуждены были несколько дней питаться и вовсе сырой только что пойманной

рыбой, пока не добрались до очередного поселения и не купили соли.

Сырая рыба и теплое саке – казалось бы, что может быть омерзительнее? Я вспомнил один из подобных эпизодов на предыдущей конференции, когда знакомый ирландец угощал меня молочным супом с устрицами (у-у-уфф какая гадость!). Тогда я действительно едва сдерживал рвотные позывы... Так что, все познается в сравнении!

После позднего обеда Тахекико повел меня в небольшую пивную, хозяином которой был его друг. Представляете: Президент Токийского Университета дружит с хозяином пивного ларька!

Там произошел весьма забавный эпизод. Выпив вдоволь пива, сдобренного несколькими маленькими пиалочками саке, японцы стали петь. Вдруг один из них затянул: «Не слижни в саду даже шороки...». Мне пришлось, естественно, подпевать. Даже второй куплет я как-то с трудом, сбиваясь, все же осилил, а допевал песню уже японец соло... Мой «словарный запас» был исчерпан. Певший песню японец очень хвалил мелодию. Я был поражен, стал спрашивать:

- А, правда, слова тоже хорошие?

- Я не знаю, – ответил японец, – я по-русски не понимаю...

ПРО МОИХ ДЕТЕЙ

Самые страшные случаи в моей жизни

Иногда, когда я оглядываюсь на прожитую жизнь, меня берет оторопь: какие ужасные глупости я делал! Аж мурашки по коже бегут...

В далеком 1959 году, когда у меня только-только родилась дочка, я, убираясь в квартире (а жили мы у родителей жены), выдвинул нижний ящик шкафа, чтобы протереть под ним пыль. Ящик почему-то не хотел стоять на полу по-человечески – все время накренился. Я обнаружил, что что-то привязано снизу, и вскоре в моих руках оказался... дамский пистолетик!

Жена в это время сидела на кровати у противоположной стенки и кормила дочку грудью. Я, как радостный идиот, закричал: «Смотри, что я нашел!» Я попробовал – курок не нажимался, тогда я,

не задумываясь, направил пистолет в сторону жены с дочкой и произнес «бах-бах!», все же нажав зачем-то курок...

После этого я повертел-повертел наганчик, открыл магазин и обнаружил... что он полон патронов! Слава богу, что курок стоял на предохранителе!

Меня бросило в холодный пот, руки задрожали. Я представил себе весь ужас возможных последствий, сработай нечаянно курок!

Когда домой с работы вернулась теща, мы рассказали ей о находке. Она рассказала, что это ее муж привез это наган из Испании.

До войны он работал на авиационном заводе Илюшина, и их отправили «в секретную командировку» – это все, что было им сказано. В Одессе их погрузили на корабль, отвезли от берега и объявили, что им предстоит поехать в Испанию, где в то время шла гражданская война, чтобы помочь борющейся с фашистами Республике: им предстояло прямо на месте организовать сборку военных самолетов. Им объявили, что желающие могут сойти на берег и не ехать. Дело было после злославного 37-го года, все понимали, что сойти на берег можно только в качестве «врага народа»... Но один недоумок все же нашелся, сошел... Судьба его так и осталась неизвестной.

Мой будущий тесть вернулся орденосцем – он был награжден весьма весомым орденом – орденом Красной Звезды (тем более весомым, поскольку это было еще до войны). Вскоре многих его друзей по Испании, таких же, как и он, орденосцев, стали таскать на проверки, после которых некоторые и не возвращались. Видимо, и он прошел «проверку боем». Что с ним было – он никому не рассказывал: за одно это могли посадить и уже надолго...

Когда его жена спросила однажды, зачем он сохранил наган, он ответил: «Больше я им живым не дамся». После этого можно было и не спрашивать, как он провел время в НКВД...

Тесть мой свинтил свой орден, на всякий случай (как будто это могло спасти от НКВД). Одел он его впервые только после смерти Сталина...

Еще он привез из Испании несколько сотенных долларовых купюр. Парочка из них была даже конца 1890-х годов, по-моему, с изображением каких-то колумбовских фрегатов, т.е. совсем не таких,

как сейчас. Я взял их в свою первую заграникомандировку, спрятав в кармашек, пришитый к трусам... (Да простят меня славные советские таможенники за такое страшное прегрешение!). Помню, в Канаде, куда я поехал, я еще спросил, берут ли они доллары почти столетней давности, на что получил, естественно, положительный ответ: «Доллар – он всегда доллар!»

Вот такая история нагана, едва не сделавшего меня преступником или даже самоубийцей (разве такое можно пережить?).

Кончил свое путешествие наган на дне омута, рядом с садовым участком, который тесть получил все от того же авиационного завода в конце пятидесятых...

* * *

Второй страшный случай произошел, когда моему сыну было уже около пяти, а Таня и вовсе была «девицей на выданье» – как-никак почти пятнадцать! Мы поехали всем семейством отдыхать в Эстонию. Жили мы в доме у симпатичной пары – он инвалид войны, она – милая приветливая женщина, знание русского языка у которой ограничивалось «спасибо-пожалуйста».

Помню однажды принес я бутылку «столичной», и мы с хозяином сели во дворе под яблонькой, он принес нехитрую закуску, и мы подняли стаканы с водочкой. Я очень уважаю бывших фронтовиков, поэтому я произнес: «За тех, кто прошел войну!» Мы залпом выпили, после чего мой хозяин с виноватой улыбкой произнес: «Я, правда, воевал на другой стороне...»

Ходили мы обычно загорать на большую поляну на берегу огромного пруда. Детский пляжик, где дно было относительно пологим, был небольшой. В остальных местах было очень глубоко да и берег был обрывистый.

Слава из воды не вылезал. Был у него детский надувной спасательный круг, который мы надевали ему подмышки, и он смело плавал, частенько выплывая из разрешенной зоны. Мы с женой сидели метрах в пятнадцати от берега, читали по очереди – один все время был «на вахте». Настала моя очередь читать, а жена стала о чем-то увлеченно болтать с соседкой по пляжу. Совершенно случайно я повернул голову к пруду и ... не увидел белобрысой головы сына там, где она только что мелькала.

Я бросился к озеру и увидел метрах в десяти от берега что-то уже уходящее под воду... Я бросился в воду. Вынырнул, никого нет!

Я глубоко вдохнул и нырнул уже в глубину. Вскоре я увидел все еще сопротивляющееся тело... Я схватил сына за шею под затылком, как меня когда-то учили, стал выталкивать его вверх. Мне уже и самому не хватало воздуха, но для меня тогда это было не важно. Вот я уже выпихнул его на поверхность, а сам в полном соответствии с законами физики погрузился вниз. Я судорожно выплыл вверх, но Слава опять оказался под водой. Второй раз все было намного легче – он не ушел и на полметра под воду.

Когда я вытаскивал его на берег, он был почти без сознания, скорее всего в шоке. Я незамедлительно положил его на свое колено и нажал ему на спину. Из него вылилось изрядно воды, но он при этом – слава богу! – закашлялся...

Я отнес его тоще и холодное тельце, которое уже подавало несомненные признаки жизни, на наше пляжное полотенце. Там я взял его на руки, он весь дрожал и был страшно бледен.

Жена бегала вокруг, что-то кудахча, сбежались «сопляжники», причитая и охая. Слава, спустя какое-то время, совсем отошел и даже начал как-то то ли виновато, то ли победно улыбаться. А одна женщина рассказывала всем: «А я-то вижу, что мальчик как-то странно ныряет: круг бросил, а сам ныряет...»

Вот дура!

Слава еще немного покашлял, его еще немножечко вырвало водой, но вскоре он уже носился по лугу с мальчишками.

О неистребимое детство! Уже на следующий день он опять полез в воду! Но на этот раз я был постоянно рядом с ним. Как впрочем, и впредь еще лет десять...

ПРО СЕБЯ

По ночам я бываю сладкий...

В этой быстротекущей жизни хоть что-нибудь должно быть вялотекущим... Только этого мне и не хватало – ко всему богатому букету всяческих моих недугов и болезней добавился еще один «цветок» – вялотекущий лейкоз... Господи милосердный, если Ты есть, что же ты делаешь со мной, мать твоя Богородица! Избави меня от своего милосердия!

Но, тем не менее, почему-то именно больничные проблемы по вполне серьезным поводам приводили у меня к предельно смешным ситуациям.

Вот и на этот раз, прихожу я на прием к гематологу, куда меня направил другой лечащий врач. Запускают меня в кабинет. Жду-пожду – никого нет как нет!

Вдруг после легкого стука распахивается дверь, и в комнату впархивает какое-то эфемерное создание (видимо, белый халат усиливает впечатление чего-то заоблачного). Создание это было совсем юное, возможно, моложе моей младшей дочери. А я, честно говоря, не люблю попадать в руки практикантов и стажеров...

Но она начинает очень уверенный опрос, и мои предрассудки начинают развенчиваться.

Признаюсь, что как старый «лесбиянец», я очень люблю потрепаться с молоденькими женщинами – застарелая привычка еще с молодости. Кстати, это никогда не носило донжуанских оттенков, просто мне женщины как животные интереснее мужиков, уж извините. (Хотя не хочу показаться ханжой – женщины для меня, в общем-то, не были просто источником только эстетического восторга.)

К сожалению, дальнейший разговор – неперевожимая игра слов, поэтому я буду давать английский диалог с русским «подстрочником». К тому же, речь идет даже не об «игре слов», а об уровне моего знания, а точнее – незнания английского языка.

- Do you smoke? (Курите?)
- Never. (Не курил никогда.)
- Good for you! (Это правильно!)
- Do you drink? (Пьете?)
- Sorry, I am Russian... (Ну, я же русский...)

Тут она улыбается и продолжает опрос.

- Are you sleeping well? (Сон у вас хороший?)
- Yes. But in the middle of the night I became sweet... (Да. Только вот среди ночи я вдруг становлюсь сладким...)
- What do you mean? (Что вы имеете в виду?)

Тут она заметно смущается, я это чувствую и стараюсь объяснить.

- Well, I forgot how it is in English... I became wet and salt... (Ну, я забыл, как это по-английски... Я становлюсь мокрым и соленым...)

Врачиха понимает, наконец, что я становлюсь не «сладеньким» среди ночи, а наоборот – мокрым и соленым!

- Do you have increased adenoma? (У вас увеличена аденома?)

Тут до меня доходит вся комичность разговора. Она решила, что я писаюсь по ночам! Я начинаю дико хохотать, а она недоумевает: большая аденома – не повод для бурного веселья. Я начинаю объяснять, что со мной происходит, используя массу слов не по назначению, но мне удается донести смысл до нее. Тут наступает ее очередь впасть в истерический смех:

- Oh! You meant not “sweet” but “sweat”! (О! Вы имели в виду не «сладкий», а «потный»!..)

Мы оба снова заливаемся смехом почти до слез. Потом она сажает меня на смотровой лежак и просит поднять руки. Я, как при всяком осмотре подобного рода, поднимаю руки и впериваю глаза в потолок. Вдруг я чувствую какой-то буквально электрический шок и соскакиваю с лежака! Не подумайте плохо ни обо мне не о молодой врачихе: я просто очень боюсь щекотки, а она попыталась пощупать, не увеличились ли у меня подмышечные железы!

Тут молодая гематологичка буквально рушится на стул у своего стола и начинает судорожно всхлипывать, обхвативши голову руками.

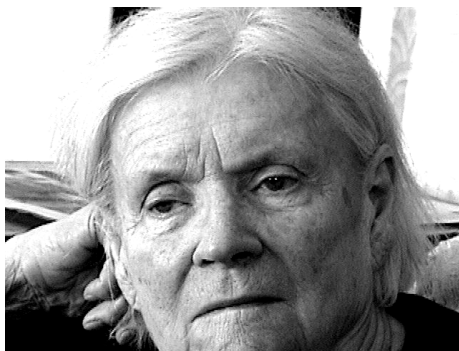
Успокоившись, она выходит из кабинета и просит меня подождать. Спустя какое-то время, входят двое: она и солидный мужчина, оказавшийся заведующим гематологического отделения. Он входит с широченной улыбкой, поблескивающей белоснежными явно искусственными зубами. Видимо, его ассистентша все ему рассказала. Он с едва сдерживаемой улыбкой говорит мне о серьезности моего заболевания, успокаивая, что лет двадцать-тридцать мне все же отпущено. И вообще от вялотекущей лейкемии не умирают – умирают от других болезней из-за ослабленного иммунитета.

Я быстро прикидываю, что по прогнозу врача мой возраст к тому времени превысит 90 лет и понимаю, что моя старая хохма и теперь может оказаться справедливой: «Умру я не от этого!» Ну, да что гадать: проживем – увидим.

Доктору же я отвечаю: «Спасибо, но мне последние десять-пятнадцать лет из тех, что вы мне отпустили, и не нужны вовсе!»

Вот такая у меня была Мама

То, что мне однажды рассказала моя бабушка, потрясло меня на всю жизнь. Когда мне было где-то около двух лет, она меня кормил чем-то. Я сидел в детском стульчике. Вдруг она с ужасом увидела, что я задыхаюсь, покраснел, и беззвучно пытаюсь прокашляться. Она в панике закричала: «Нина! Нина! Игорёк задыхается!»

Моя Мама прибежала на крики из кухни, увидела меня уже почти без сознания, буквально вываливавшегося из стульчика, моментально выхватила меня, перевернула вверх ногами и встряхнула за ноги!

То, что закупорило мне горло вылетело, как пробка, и раздался громкий неумолкающий вопль...

Первые воспоминания.

Когда мне было три года, нас с моей бабушкой отправили летом в деревню Озерки под Ленинградом, где мы тогда жили. Сейчас, как я узнал, Озерки стали одним из районов Большого Ленинграда.

Жили мы в крестьянской избе у какой-то доброй старушки (впрочем, тогда почти все женщины чуть постарше моей Мама казались мне старушками.)

Старушка та очень меня любила. Однажды подарила мне громадного жука-оленья, который был величиной с мою ладонь, на которую мне она его положила. Ощущение того детского страха я помню по сию пору!

А еще она водила меня с собой в хлев, где у нее была коровёнка. Именно тогда у меня появилось неприязненное отношение к

парному молоку: как-то было неприятно пить то, что только что было сцежено из живой (впрочем, какой же еще?) коровы.

И как ни странно может показаться, но я запомнил специфический запах хлева... Извините за каламбур, но с тех пор запах коровьего говна стал у меня ассоциироваться с матерью-Родиной...

Первое осознание себя лохом.

Это было уже в Москве, вернее, под Москвой в Мытищах, куда моего Папу перевели на службу. Вся семья, как тогда водилось, была при деле – кто учился, кто работал, поэтому меня определили в гарнизонный детсад.

Какие-то шкоды из старшей группы надували малышню: когда мы гуляли зимой, в хороший мороз, кто-то говорил: «Пойдем полизем сладкие ручки!» Инициатор подходил к металлической ручке какого-нибудь подъезда и, делал вид, что облизывает ее, сладко причмокивал губами. Одним из первых, попавшихся на этот лохотрон, был я. Как я отдирал язык, моментально примороженный к холоднящему металлу, я не помню, но состояние схваченного будто клещами за язык, запомнилось...

ТЕТРАДКА №11

ПРО ДЕТСТВО

Пленные немцы

Помню, как в конце войны по Ленинградскому шоссе гнали пленных немцев. Ну, это так называлось – «гнали». На самом деле, их не гнали, а брели они, хотя и строем, но понуро и устало. Конвоиры шли по бокам длиннющих шеренг. Что меня, десятилетнего, тогда поразило, а если по честному, то прямо возмутило, что русские женщины в то голодное время, когда досыта еще и сами-то не ели, подбегали к шеренгам «фрицев» и совали им, кто кусок хлеба, кто вареную картофелину...

Моя бабушка, человек добрый, с христианской душой, объяснила мне:

- Игоречек, ведь и для меня они дети других матерей. И мне их по-своему жалко: ведь это же солдаты, их не спрашивают, когда посылают на фронт. И нашим сыночкам досталась эта война, и немецким. А к врагу, сдавшемуся, нужно проявлять милосердие...

Этот урок христианской морали запал мне в душу, хотя со-знаюсь, что какая-то почти биологическая неприязнь к немцам осталась надолго. Уже много позже, у меня у взрослого появились друзья-немцы. И в Германию я съездил в командировку. А в последние годы и вовсе появилось глубокое уважение к этой стране, к этой нации. Ведь это в истории беспрецедентный случай, когда правительство страны от лица народа винится в преступлениях против человечества, совершенных при предыдущих правителях... Как не хватает такого же раскаяния другим великим державам, которые творили и продолжают творить зло... Жаль, что ковбоям даже с натальными крестиками этого не дано понять!

* * * * *

Пленные немцы работали в Москве на строительстве. В нашем шестизэтажном доме они вели капремонт. Делали, как говорили про их работу взрослые, все добротню.

И тут урок милосердия преподнесла мне – и не один раз – моя бабушка, которая приглашала двух рабочих, когда они работали на нашем этаже к небогатому столу. И я знаю, что не она одна.

Немцы научились немного говорить по-русски, несмотря на название своей нации (ведь слово «немец» в русском языке происходит от корня «немой»). Они любили играть с нами, с детьми, дарили нам разные самоделки, в основном выточенные или выпиленные деревянные и плексигласовые поделочки...

ПРО ШКОЛУ

Первая любовь не ржавеет

Хоть я был в детстве очень стеснительным, не обошла меня вниманием первая любовь. Вернее сказать, сама любовь, т.е. объект любви, обошел меня вниманием, но любовь – как чувство – горела ярким пламенем в моей груди несколько долгих мальчишеских лет.

В первый раз я увидел свою первую любовь, когда мне было всего лет восемь, мы только что вернулись из эвакуации. Назовем героиню рассказа ее истинным именем – Алла без указания фамилии: кто из моего детства, тот догадается, кто она, а кто не догадается – тому и дела нет. Да, собственно говоря, в фамилии и толка нет, поскольку она, как минимум, два раза была замужем, и ее последней фамилии я не знаю все равно.

Так вот, я, как сейчас, помню: спускаюсь я по лестнице, иду гулять. Лестница у нас была почти винтовая: будто хотели сделать лифт, шахту приготовили, а на лифт денег не хватило, и по краям шахты пустили лестницу: три пролета, площадка этажа; три пролета, площадка этажа, и т.д. Где-то на уровне между вторым и третьим этажами навстречу мне, весело прыгая через две ступеньки, мчится ... Нет, мне трудно выразить словами то, что я тогда почувствовал. Это была девочка из сказки... Это была сама сказка... У меня перехватило дыхание, почти подкосились ноги, а сердце сладко закололо...

Я помню до сих пор, что одета она была в белую юбочку и белую же кофточку с матросским воротничком, за спиной подпрыгивали две упругие золотистые косички. Она на меня посмотрела немного удивленно – видимо, видок у меня был сильно опарашенный – и я увидел ее серо-голубые глаза... Я замер и провожал ее глазами до самого четвертого этажа, где она исчезла.

Я влюбился! С первого взгляда и бесповоротно. В некотором смысле, на всю жизнь, потому что я и сейчас вспоминаю те

мгновенья с благодарностью: если бы их не было вся моя жизнь была бы намного беднее.

Потом я частенько, стоя на балконе, в отцовский армейский бинокль высматривал среди идущих из школы девчонок ЕЁ. Когда она входила в подъезд, я мчался на лестницу, чтобы невзначай спуститься вниз, когда она будет подниматься вверх. Часто это мне удавалось, и тогда я был счастлив целый день. Но иногда она поднималась по другой лестнице (дом был с коридорной системой). В такие дни настроение мое падало, я хандрил, и все буквально валилось из рук.

Так тянулось со второго по десятый класс... Конечно, во дворе мальчишки с девчонками как-то общались, хотя и не бурно. Иногда играли в волейбол в кружок, иногда в «ручеек». Когда Алла и я играли в эту игру вместе, я никогда не осмеливался выбрать ее и провести за руку под арками поднятых рук.

Можете верить, а можете не верить, но мы за эти долгие девять лет ни разу не перекинулись и парой слов, коснуться ее я не мог даже в своих самых смелых мыслях...

Только однажды шли мы с моим школьным соседом по парте, Юрой Малышевым, и на Петровской аллее встречаем идущую нам навстречу Аллу. Юра предложил ей «прошвырнуться» с нами до «Динамо» и обратно. Она согласилась и пошла между нами, взяв нас под руки. Я не знаю, как только мое сердце не выскочило из грудной клетки! Она шла справа от меня, ее рука лежала около моего локтя. Я нес эту руку, как нечто очень драгоценное и хрупкое, как пушинку, которую может сдуть с моей руки малейшим дуновением...

Это было уже весной десятого класса. Потом институт – и пути наши разошлись.

Спустя лет восемь, когда у меня уже дочке было года два, наши пути опять пересеклись. Я с Таней на руках пошел зачем-то к своему самому лучшему другу – Лене Мурзе, который продолжал жить с родителями в том же доме на Красноармейской улице. Поднимаясь по лестнице, я встретился с Аллой.

Вот тут-то я понял, что значит выражение «Первая любовь не ржавеет». Мое сердце опять бешено заколотилось, я даже застыл, как вкопанный. Алла же так, будто мы всю жизнь были самыми лучшими друзьями и не виделись каких-нибудь пару недель, подо-

шла со словами: «Здравствуй, Игорь! Какая у тебя прелестная дочка!» – и потрепала Таню по плечу.

Разговор не получился, я онемел. Не спросил, как она, что она. Распроцались, и она легко побежала по ступенькам вниз...

Следующая встреча произошла у того же ее дома, спустя несколько месяцев. Я опять шел к Лене и встретил Аллу, шедшую с намотанной на руку авоськой – наверное, за хлебом. Она шла, глубоко задумавшись, никого и ничего не замечая вокруг. Я не стал отрывать ее от ее мыслей своим здоровканьем.

Леню я не застал, поэтому опять вышел на улицу и стал прогуливаться вдоль дома. Вдруг я увидел Аллу опять, входящей в дом, действительно с парой батонов в авоське. Но я был далековато, да если бы был и близко, то все равно ничего бы не смог сделать. Она скрылась за дверью подъезда.

Вот тут-то во мне проснулась решимость: если она вдруг выйдет еще раз, то – поклялся я себе торжественно – тогда я подойду к ней и заговорю! (И все это происходило примерно через 18 лет после того, как я ее впервые увидел там, на лестнице!)

Я решил подождать 10 минут. Они истекли... Я продлил себе срок ожидания еще на 10 минут, потом еще на 10... И – о чудо! – она вышла! Я смело, как и обещал себе, подошел и сказал: «Здравствуй, Алла...» – «Здравствуй, Игорь...» Она как-то очень добро посмотрела на меня, будто и сама давным-давно ждала этой встречи. А может, мне и показалось... Ведь чего только не привидится, если этого очень сильно желать!

- Ты куда-нибудь по делу? – Спросил я.

- Да нет. Просто прогуляться...

- Может, пойдем в Петровский парк?

- С удовольствием!

Мы шли рядом, не касаясь друг друга, и говорили, говорили, в первый раз в жизни говорили! Она рассказала мне про свою жизнь, что она второй раз замужем, что у нее уже сын, старше моей дочки года на три, что живет она как раз в «генеральском» доме между Петровским парком и улицей восьмого Марта... Жизнь у нее, по ее словам, вроде бы и во второй раз не очень складывалась... Я рассказал про себя, про свою семью...

- А ты знаешь, Алла, ведь я был в тебя безумно влюблен, когда мы учились в школе!

- А что ж ты ни разу даже никакого знака не подал? Ведь ты мне тоже очень нравился. Но ты был такой закрытый и загадочный... Ты же помнишь, за все школьные годы у меня, не в пример остальным, не было мальчика, как, впрочем, и у тебя девочки. – Сказала она, посмотрев на меня и улыбнувшись одними глазами.

Вот так мы объяснились друг другу в любви... Я довел ее до ее дома, мы очень тепло распрощались, по-мужски пожав друг другу руки. Потом она вдруг резко приблизилась ко мне и поцеловала меня в щеку, после чего побежала в свой подъезд.

Я очень благодарен ей (да и себе тоже!), что мы не обменялись телефонами, не условились о следующей встрече. Так и сохранилась эта первая любовь чистым и незапятнанным цветком, о котором все еще можно грустить, вспоминая... Сохранилось, не омраченное пошлостью адюльтера.

Больше мы никогда не виделись...

ПРО ИНСТИТУТ

Зри в оба!

В нашем институте на потоке, на котором я учился, было несколько «служилых». Это были серьезные люди, участники войны. Конечно, они пользовались всеобщим уважением: мы, дети военных лет, всегда безоглядно читали тех, кто защищал нас, наши жизни.

Обычно деканат назначал бывших фронтовиков старостами групп и старостами потоков. И это было понятно: всем им учение давалось с трудом, они никогда не пропускали лекций, занимались упорно, а посему для нас они были не просто «командирами», но и «моделями поведения».

Была еще и должность «начальник курса», которого назначали из числа преподавателей, ну что-то вроде дядьки-надсмотрщика. Начальником нашего курса был тоже фронтовик, потерявший глаз на войне. Относился он к нам немножко, как к солдатам – был строг, категоричен и всегда прав. Но мы его по своему любили за прямоту и доброту, скрывавшуюся за командирской строгостью. Ну, возможно, «любили» это слишком сильно сказано, но уважали – это

точно, хотя иногда и подтрунивали над ним. Межу собой мы называли его «Фома», поскольку был он Алексей Васильевич Фомин.

Старостой нашего потока был отличный парень – Леня Рожковский, тоже фронтовик, который и повоевать-то с немцами толком не успел, а вот ногу потерял – после ранения ампутировали ему ее до колена.

Однажды собрал нас «Фома» на очередное общее собрание курса: то ли в колхоз надо было ехать «собирать картошь», то ли в «овощегноилище» уже собранную картошку перебирать – не помню.

И вот вещает нам что-то наш начальник курса. Понадобилась ему какая-то бумаженция из деканата, и он обращается к Лёне:

- Лёня, ну-ка сбегай в деканат принеси! Да побыстрее – одна нога здесь, другая – там!

Лёня был малый не промах, реакция его была мгновенна:

- Хорошо, Алексей Васильевич! Зри в оба!

С этими словами он похромал к двери из аудитории. Все заржали. «Фома», оторопел, побагровел, но тут же нашелся и захохотал вместе со всеми.

ПРО РАБОТУ

Политика в инженерном деле

Третья моя работа была в НИИ Автоматической аппаратуры. Институт был по московским масштабам небольшой – всего человек 400. Не прошло и года после моего прихода на работу, в институте появился новый директор – кандидат технических наук Владимир Сергеевич Семенихин. Во всех смыслах он был личностью экстраординарной – инженерная интуиция, умение схватывать идеи, идеальный муж своей Любочки, в то же время не пропускавший в институте ни одной юбочки... Одним словом, мы его очень любили и искренне им восхищались.

На наш институт готовили «спустить» ответственнейший и сверхсекретнейший проект – создание системы управления безлюдными пусками межконтинентальных баллистических ракет. Хотя гриф этого проекта, как остряли братья Стругацкие, был «Совершенно секретно. Перед прочтением сжечь», кое-какие детали были уже известны – ни шила, ни мыла в мешке не утаишь.

И вдруг мы узнаем, что проект этот достается какому-то мелкому ОКБ Ленинградского Политеха, руководителем которого был некий профессор Тарас Николаевич Соколов! Честно говоря, я никогда не верил да и до сих пор не верю в вузовскую науку. Да, это хорошая кормушка для профессуры, но не более того.

ОКБ ЛПИ славилось тем, что там делали «жесткие» ферритовые схемы, в которые «запаивали» логику. Понятно, что единожды созданная, подобная схема уже в дальнейшем не допускала никаких модернизаций или какого-либо развития. Мы же работали на плохонькой, но настоящей вычислительной технике, да и практический опыт создания больших систем у нас уже был.

Но как-то оказалось, что в «ОКБ Тараса», как мы его называли, уже успели даже что-то сварганить! Это при сверх-сверх-сверх секретном ТЗ!!!

Наш НИИ забурлил: как так, вашу мать?! И вот тогда «В.С.» (мы так звали Семенихина за глаза) собрал «расширенный» Научно-технический совет института, в который вошли все аж до уровня начальников групп и лабораторий.

Началось все с бурных и искренних патриотических выступлений: мы грозились работать по ночам, клялись, что проект наш будет лучом света в темном царстве советской автоматизации, что никто лучше нас не сделает этого проекта, тем более, какое-то занюханное ленинградское вузовское ОКБ в составе пары десятков придурочных профессоров и доцентов и полусотни студентов и вольнонаемных.

Все, как один искренне заявляли, что проект должен быть наш!

НТС длился с 9 утра до 6 вечера. В зал принесли из столовой стаканы с чаем и какие-то булочки – времени на обеденный перерыв всем было жалко. (Не Семенихин ли «изобрел» те самые хлявные ланчи, которые сейчас так в ходу во всех американских фирмах?)

Семенихин слушал и молчал, погруженный в думы. Где-то уже около шести, когда все мы выпустили пар, он медленно встал, обвел всех нас глазами, снял очки так что стали видны его покрасневшие от волнения глаза, тихонько, как в забытыи, стукнул сложенными очками несколько раз по столу и начал тихо, почти шепотом говорить...

О, Нероны и Станиславские! Снимите свои короны и шляпы! Эти паузы! Этот полупшепот! В зале можно бы было слышать пролетающую муху, если бы они все не попередохли за этот день в душном прокуренном зале.

- Когда меня направляли руководить этим институтом, я уже знал, что это уникальный коллектив... – Голос его наращивал мощь, в нем уже звенел металл. – Но только теперь я по-настоящему понял, какой это институт! Да, товарищи! Нам по плечу любые самые сложные задачи! Мы сможем решить их лучше всех и быстрее всех!..

Почти у каждого из нас перехватило дыхание, в горле застыл ком восторженной гордости. Семенихин сделал паузу – в меру длинную, в меру короткую, словом, такую, как надо.

- Но, дорогие мои друзья, – продолжал он, – на мне лежит бремя партийной ответственности... Я знаю то, чего не знаете вы, но чем я с вами не могу поделиться, по понятным причинам... Мой долг – просить вас единогласно проголосовать за передачу этого проекта в ОКБ Соколова...»

Вот-те хрен с морковкой! Получилось сразу как-то «по-антисоветски»: каждый порознь – «за», а все вместе – «против»... Обычно бывало наоборот! Коллектив проглотил горькую пилюлю, недоумевая.

После НТС группы расстроившихся сотрудников разбрелись по близлежащим пивным и шапльчным. Помню и я с Юрой Лещенко и Игорем Земсковым, бывшими моими аспирантами, зашли в ближайшую шапльчную, дёрнули по сто пятьдесят, и тут-то до нас дошло, какой ловкий трюк совершил Владимир Сергеевич! Отказались-то от проекта мы сами! А Семенихин, получается, вынужден был согласиться с мнением коллектива!

**Владимир Сергеевич
Семенихин**

Потом выяснилось, что какой-то родственничек Соколова был зам начальника Генштаба или вроде того. Он-то и «принес в клюве» секретное ТЗ Соколову на полгода раньше, что дало Тарасу большое преимущество. За это бы под суд, да «неприкасаемых» не судили.

«Мочиться против ветра» Владимир Сергеевич не любил, понимал, что победить в борьбе за проект в такой ситуации невозможно, а вот отказ от проекта оформил как «мнение общественности»!

Нужно сказать, что уже через полгода проект ленинградского ОКБ показал на испытаниях свою полную несостоятельность. Справедливость восторжествовала – проектанты попросили быть нас. Но урок актерского и политического мастерства мне запомнился на всю жизнь!

Тетрис

Все наверняка знают игру «Тетрис» – эти веселые разноцветные угловатые фигурки падающие, словно сказочный снег на экране компьютера. Многие знают, что сотворил эту игру Алексей Пажитнов, русский программист. Но мало кто знает – тут настало время и мне побахвалиться своей причастностью – что Алексей работал у меня в отделе в Вычислительном Центре Академии Наук СССР.

Собственно, кроме этого, я никакого отношения к «тетрису» не имею. Ну, а Алексей – это еще один интересный человек из моей жизненной коллекции.

Я, в действительности, совсем не при чем. Просто получилось так, что, когда я переходил из НИИ, принадлежащего Минпромсвязи, в Академию наук, мне дали около 20 хорошо оплачиваемых ставок, которые я не смог до конца использовать сам. Тогда я открыл у себя в отделе лабораторию, заведующим которой был назначен Юра Евтушенко...

Алексей Пажитнов

Работа в добрые застойные времена в академических научных институтах была, что называется, «не бей лежачего». Не зря острословы пронизировали «Кто такой ученый? Это человек, удовлетворяющий свою любознательность за государственный счет». В каждой шутке есть доля шутки, но не более: грех кидать камни в советскую науку. Да платили нам мало, да и условия работы были не блестящие, но человек не может жить, не творя, не создавая. И советская наука создала очень и очень много! А бездельники и иждивенцы – всегда были и всегда будут...

Работал Алексей в секторе у Юры Евтушенко. Пардон, у Юрия Гавриловича – ведь это было 30 лет назад, а сейчас Евтушенко – директор Вычислительного центра имени академика Дородницына и давно уже академик. А в то время на весь мой отдел «Исследования операций» было отведено две 20-25 метровых комнаты на разных этажах. Если учесть, что в каждой лаборатории было человек по 15, то можно понять, что работали в основном дома. К тому же на каждую лабораторию было всего два-три терминала, подсоединенных к ЭВМ БЭСМ-6, поэтому и работа на них велась, как на хорошем машиностроительном заводе – иногда в две, а то и в три смены. Но необходимым машинным временем никто не был обделен.

И вдруг... Все терминалы стали нарасхват! Выстраивались буквально очереди. Оказалось, что Алексей Пажитнов придумал удивительно увлекательную игру, которую назвал «Тетрис». Началась настоящая «тетрисомания». Сознаюсь, что однажды я даже пожурил Алексея: «И без того никто не работает, а теперь еще и мешать стали тем, кто работает – к экрану не пробиться!»

Спустя какое-то время по ВЦ проносится новость: пажитновский «Тетрис» Внешторг. продал какой-то американской компании за огромные деньги. Естественно, самому Пажитнову пообещали что-то около двух или трех тысяч долларов плюс персональный компьютер. По тем временам это была громадная сумма.

Время шло. Ни компьютер Алексею не подарили, ни обещанных денег не выдали. Прошло достаточно времени. Алексей поехал работать по приглашению в Микрософт, где успешно тру-

дится и поныне, надеюсь, вспоминая с улыбкой какие-то несчастные две тысячи долларов...

Но перед отъездом он сделал маленькую шуточку: он оставил доверенность на получение денег администрацией ВЦ, попросив разделить все деньги поровну между сотрудниками, которые проработали в ВЦ не менее десяти лет.

Я это уже не застал, но рассказывали, что «шкуру» аккуратненько делили, хотя убить «медведя» так и не удалось!

ВСТРЕЧИ С ТИТАНАМИ

Александр Александрович Харкевич

Однажды летом 1959 мой отец, приехавший из Харькова, где он работал в Политехе, пошел в гости к своему бывшему научному руководителю – академику Александру Александровичу Харкевичу. Он захватил и меня с собой.

Харкевича мы застали у него дома в шикарном «барском» халате – ну, прямо тебе гоголевско-тургеневский помещик. Нет, он, пожалуй, напоминал больше некоего аглицкого сэра. Подтянутый, даже молодцеватый. Почти незаметные усики. Благородная седина. Стоял он за токарным станочком, крутя его ножной педалью, как у допотопной бабушкиной швейной машинки, и обтачивал какую-то деревянную финтифлюшку. У него, оказывается, были золотые руки.

Приняты мы были весьма радушно. За вкусным чаем потекла беседа между Харкевичем и ... мной. Он расспрашивал о моей работе, о задачах, которые я решаю. Одна из задач была связана с теорией информации (оптимизация позиционных кодов). Там где-то я напутал, но найти сразу это не удалось. Позже, недели через две я получил письмо на работу, которое храню до сих пор:

Александр Александрович
Харкевич

«П/я 577. Директору. Ваш сотрудник И.А. Ушаков обращался ко мне за консультацией. Я рекомендую ему прочитать статью Калабы и Беллмана» (указывается, где).

Я был поражен: академик, а не забыл! Правда, позже я понял, что именно крупные личности ведут себя наиболее корректно.

Вторая задача касалась проблемы надежности. Александр Александрович попросил меня изложить все в письменном виде и прислать статью ему по почте. Я так и сделал, потом позвонил, уже один приехал к нему.

- Мне понравилось, но я не знаю, насколько это ново. Я бы рекомендовал вам обратиться к Михаилу Алексеевичу Синице, его статью по надежности я недавно читал в журнале «Радиотехника». В редакции журнала должен быть его телефон.

Так научным руководителем своего отца я был запущен в далекое плавание по безбрежным водам прикладной математики... Дальше мне везло со встречами с самыми неординарными людьми, от которых я многое получил.

О том, как была напечатана моя первая статья, я написал в одном из предыдущих рассказиков.

Дю Пан

Когда я пришел работать в НИИ Автоматической Аппаратуры, моим начальником стал Дмитрий Юрьевич Панов, которого за глаза все звали «Дю Пан». (Это, кстати, полностью соответствовало его каллиграфической подписи.) Личность это была исключительная: эрудит, полиглот, пианист-любитель, поэт, искусствовед, художник...

На самом деле жизнь столкнула меня с ним еще в моем детстве: он был оппонентом у моего отца на кандидатской диссертации. Таковую феерическую фигуру я запомнил даже будучи десятилетним ребенком. Но от того момента нас разделяли пятнадцать лет, да и я из головастика превратился в неузнаваемую лягушку. Панов и не догадывался, что я сын его бывшего подопечного. Мы с ним выяснили все только во время полета в Монреаль на конференцию, когда он как-то, между прочим, спросил отчество моего отца.

Так вот, взяли меня в НИИ АА руководителем группы, но как-то быстро продвинули в начальбы Теоретического отдела, кото-

ЗАПИСКИ НЕИНТЕРЕСНОГО ЧЕЛОВЕКА

рым руководил Дмитрий Юрьевич. Почему-то вскоре я стал замом начальника отдела, хотя всегда старался избегать административной работы.

Я любил работать дома по ночам, поэтому частенько приходил на работу в совершенно замученном виде. Однажды Дмитрий Юрьевич спросил меня, почему я так плохо выгляжу, не заболел ли. Я ему объяснил, что сидел допоздна, а работа начинается в 8 утра – просто не выспался.

- И часто вы так поздно засиживаетесь по ночам?

- Да почти каждый день...

- Ну, вот что: если я увижу вас на работе раньше 10:30, то лишу квартальной премии. Мне нужно, чтобы вы на работе были со свежей головой!

Вот такой это был начальник!

Визит в Канаду. 1964. Крайний слева – Д.Ю. Панов,
крайний справа – автор

Нужно сказать, что хороший администратор больше всего закабалает сотрудников именно свободой (если, конечно, у сотрудников есть хотя бы рудиментарная совесть).

Я помню, что позже в том же НИИ АА, руководя огромным «женским батальоном» программисток, я использовал опыт Панова. На вопрос:

- Игорь Алексеевич, можно я...

- Конечно, можно!- Отвечал я, не давая даже договорить до конца.

А женщинам с детьми и с вечными магазинными проблемами, ох, как надо было иногда прихватить два-три рабочих часа! Зато, когда бывал аврал, то я просто говорил: «Мне очень жаль, девочки, но эти выходные нам придется поработать...» И весь «много-сисечный коллектив» ложился, как Раймонда Дьен, под колесо истории.

Когда я защитил докторскую диссертацию в 67-м году, Дмитрий Юрьевич поздравил меня весьма своеобразно: «Поздравляю вас – вы заработали право умереть на работе за письменным столом». К сожалению, он ошибся: здесь в Америке я оказался в пенсионном возрасте никому не нужным... (Во многом, из-за спада американской экономики, «благодаря» исламскому джихаду, будь он не бен-ладен!).

Когда Дмитрию Юрьевичу исполнилось 70 лет, он прихватил зачем-то меня, и мы поехали к бывшему директору НИИ АА, ставшему замминистра Радиопрома академику Семенихину. Семенихин всегда рассматривал нас с Дмитрием Юрьевичем как своих «карманных» консультантов, частенько вызывал для подготовки различных справок, обзоров и т.п. На этот раз, после теплых приветствий в свой адрес со стороны Семенихина, юбиляр «взял быка за рога»:

- Владимир Сергеевич, я привел Ушакова, чтобы Вы благословили его на должность начальника Теоретического отдела. Мне уже 70 лет, пора сделать рокировку.

У меня от неожиданности отвалилась челюсть... Когда мы ехали обратно в институт, я пытался

Дмитрий Юрьевич Панов

сказать Дмитрию Юрьевичу, что я и так выполняю и буду фактически выполнять функции начальника отдела, но мне гораздо удобнее пробивать все, прикрываясь его именем. На это он ответил, что он не вечен, когда-то мне все равно придется все делать самому, так уж лучше начать под его присмотром...

Панов был очень интересным организатором науки. Он создавал организацию, но как только она вставала на ноги, он начинал уже искать новое поприще: поживать на лаврах он не любил и не хотел.

Так, он создал Всесоюзный институт научно-технической информации (ВИНИТИ) и стал первым директором, но вскоре покинул институт.

Он был деканом секретного Физико-технического факультета МГУ, который был создан – по разговорам – чуть ли не с личного разрешения Сталина. Потом по инициативе Дмитрия Юрьевича этот факультет перерос в МФТИ (Физтех), где он стал первым замом директора института (должность ректора Физтеха была учреждена позже).

Это был человек удивительной эрудиции и тонкой инженерной интуиции. Свободно читая на английском, немецком и французском языках, он всегда был в курсе всех технических новинок в самых различных областях инженерных знаний.

Так еще в начале 60-х он начал в своем отделе работы по разработке читающих автоматов и автоматов, распознающих речь.

А перед самой смертью он подготовил интереснейший труд о жизни и творчестве Джозефа Мэлорда Тёрнера – английского художника, фактического предтечи импрессионизма. Дмитрий Юрьевич дал мне прочесть эту рукопись в качестве одного из первых читателей. К сожалению, рукопись в печать так и не пошла, а после смерти автора была, видимо, потеряна...

Первые шаги нашего знаменитого диссидента

На моей базовой кафедре Физтеха в НИИ Автоматической Аппаратуры появился среди студентов Анатолий Щаранский. Он никакими особенными способностями не выделялся – это было трудно на Физтехе, где все, как минимум, стараются показать себя

какой-то экстраординарной личностью. Он был, как все, иногда у него проскакивал отношение некоторого отчуждения от остальных, которое было похоже даже на некоторую гордыню. Только позже я понял, в чем дело: Толя был уже мужчиной с четкими целями в жизни, а остальные все еще оставались детьми-переростками. Я это говорю не с целью кого-то обидеть – я и сам был таким даже далеко за тридцать.

Вскоре я узнал, что Толя собирается эмигрировать в Израиль, а кафедра моя была в «дремучем» почтовом ящике. Разговор с Толей был краток: узнав сферу его интересов, я связался заведующим параллельной физтеховской кафедры Станиславом Васильевичем Емельяновым, ныне известным российским академиком, который тогда был замом директора Института Проблем Управления АН СССР и договорился о возможном переводе Щаранского к ним в открытый институт. Все это было чрезвычайно сложно, Толя долго обивал пороги приемных и канцелярий Физтеха. Я говорил о нем с Олегом Михайловичем Белоцерковским, ректором МФТИ, с которым у нас были достаточно теплые отношения. В результате все благополучно завершилось с воистину соломоновым решением: Щаранский оставался студентом моей кафедры, откомандированным на время преддипломной практики и на диплом на кафедру в ИПУ. Думаю, что решающим в этом процессе было отношение к проблеме академика Белоцерковского, которого всегда отличала широта взглядов.

Щаранский сделал интересную дипломную работу. Он волился в команду, делавшую шахматную программу «Каисса», которая стала впоследствии «чемпионом мира среди роботов». Щаранский был автором подпрограммы «Ладейный эндшпиль». Защита проходила на открытой территории в помещении парткома. Прошла она блестяще, хотя в дальнейшем это мало помогло ее автору. Вскоре он был арестован и осужден, кажется, на 10 лет строгого режима за «шпионаж в

Анатолий (Натан) Щаранский

пользу иностранных разведок».

Нужно отдать должное его товарищам, многие из которых остались на моей кафедре в аспирантуре – они писали какие-то петиции и возмущались судебным процессом над Натаном Щаранским (он к тому времени сменил имя Анатолий на Натана).

И было, чему возмущаться. «Шпионаж» состоял в том, что Щаранский, был активистом группы при Московской синагоге, которая помогала оформлять документы на выезд в Израиль. Составляя списки желающих, Натан по какому-то глупому недосмотру или по безмыслию вносил в списки рабочие телефоны кандидатов на отъезд, а некоторые из них работали в секретных организациях. Этого оказалось достаточно для недремлющего ока с горячим сердцем и холодными ногами...

Дальнейшая судьба Натана Щаранского всем хорошо известна: общественное давление (в основном зарубежное) вынудило Советское правительство отпустить Щаранского после семи (!) лет содержания в лагерях в обмен на какого-то своего настоящего советского шпиона, Натан уехал в Израиль и стал видным общественным и государственным деятелем.

Так – в целом успешно – закончился затянувшийся «ладейный эндшпиль» Щаранского против советской репрессивной машины.

ИНТЕРЕСНЫЕ ЭПИЗОДЫ

«Ученых трудов не имею...»

Этот презабавнейший случай произошел при подготовке документов Семенихиным при баллотировке его в члены-корреспонденты АН СССР. Был я у Владимира Сергеевича кем-то вроде доверенного лица – возил разные научно-деликатные документы в разные заведения и учреждения. На этот раз я повез совершенно секретное личное дело Семенихина Ученому секретарю Президиума АН СССР Ноздрачёву Дмитрию Ивановичу. (Имя отчество запомнил благодаря отдаленному сходству этого благообразного старичка с Менделеевым.)

Все было, как полагается в соответствующих случаях: личная машина директора, охранник с «пушкой» и опечатанный конверт с секретными бумагами.–

На следующий день в самом начале рабочего дня звонит мне Ноздрачёв:

- Игорь Алексеевич, срочно приезжайте! С документами Семенихина вышел казус.

Беру опять директорскую машину и буквально через 10 минут я уже у Ноздрачева. Он встречает меня, заливаясь от смеха чуть ли не до слёз: «Прочитайте!..» – и тычет пальцем в одну из бумаг.

Это была анкета, где в графе «Научные труды» было отчетливо написано «Не имею». Ноздрачёв продолжает:

- Ну, ладно бы только написано это было в анкете! Но ведь к делу список трудов и не подшит! Отвезите это Семенихину срочно, пусть исправит и пришлет со списком трудов! Срочно!

Я мчусь к Семенихину. Наплевав на какое-то важное (а какое же еще?!) совещание, вхожу в кабинет, переполненный важными чинами, и шепчу Владимиру Сергеевичу на ухо новости. Он извиняется перед всеми и ведет меня в «бытовочку» – маленькую комнатку, находившуюся в торце просторного кабинета, где можно отдохнуть и даже покемарить.

(Между прочим, должен сказать, что Семенихин работал, как ломовая лошадь: во время одного ответственного проекта он не выходил с работы дней пять, ночуя у себя в кабинете.)

Владимир Сергеевич читает анкету и начинает ржать: дело в том, что заполняла анкету секретарша с его предыдущей анкеты. Быстренько перепечатали, вставив «Список трудов прилагается». За самим списком трудов дело также не встало: был вызван Главный инженер, который получил указание подготовить список проектов, утвержденных Семенихиным как Главным конструктором института.

Через пару часов я уже отвез «отремонтированные» документы в дело Семенихина в Президиуме АН СССР. Замечу, что прошел выборы Семенихин с блеском и в первом же туре ... имея солидную поддержку и ЦК, и Совмина.

Да и академиком его выбрали на следующих же выборах в первом же туре – случай довольно редкий даже в заблатненно-коррупцированной Академии Наук СССР. Правда, не быть избран-

ным на целевым образом выделенное место, честно говоря, было трудно.

По своему опыту могу сказать, что Семенихин был человеком щедрым на помощь в таких ситуациях, в которых большинство проявляют жлобство и зависть. Два примера.

Когда в наш институт пришел Семенихин, у меня была уже готова докторская диссертация, нужно было только ее защитить. Но это оказалось не очень просто (об этом особый рассказ). Так вот будучи кандидатом наук, директор помогает своему сотруднику защитить докторскую диссертацию! Разве не исключительная ситуация? Другой затоптал бы, а не пустил вперед себя.

Другой пример: меня ВЦ АН СССР выдвинуло в члены-корреспонденты, кажется, в том же году, когда НИИ АА выдвинуло Семенихина. Семенихин на том же Научно-техническом совете, где выдвигали его, рекомендовал дать мне письменную поддержку. Другое дело, что он прошел сразу, а я дергался еще раза три, как таракан на ниточке, пока не устал.

Но, справедливости ради, скажу, что цель у него всегда оправдывали средства. Когда Семенихин был уже академиком и имел свою «мафию» человек из двенадцати в Отделении механики и процессов управления, произошел такой случай. Я участвовал в очередной раз в «тараканьих бегах» и узнал, что там же участвует Владимир Васильевич Болотин. С Болотиным я был знаком по работе в МЭИ, где мы достаточно сблизились на профессиональной почве. Связались мы с ним, и он предложил мне альянс: я попрошу Семенихина, чтобы тот своими мафиозными голосами поддержал его, Болотина, а тот попросит мафию академика Ишлинского поддержать меня.

Прихожу я к Семенихину и рассказываю про предложение Болотина. Владимир Сергеевич спрашивает меня, а кто такой Болотин, чем он занимается, что у него опубликовано. Я все в деталях рассказываю, а он на листочке что-то попутно записывает.

Семенихин просит меня набрать телефон Болотина. Я набираю телефон Болотина и передаю трубку Семенихину. Слышу я, конечно, только одну сторону – то, что говорит Семенихин.

- Здравствуйте, Владимир Васильевич!.. (Пауза)

- Да, да я знаю ваши труды. Хорошие, очень хорошие книги. (Пауза)

- Это очень, очень интересное предложение. Да, мне о нем сказал Игорь Ушаков. (Пауза)

- Да, я с большой радостью войду в коалицию с академиком Ишплинским! (Пауза)

- Но мне очень нужно, чтобы ваша сторона поддержала в этот раз Севу Бурцева – нынешнего директора Института точной механики и вычислительной техники. У нас с ними рабочий альянс и мне нужно укрепить его позиции. (Пауза)

- Игорь? Нет, нет! Не бойтесь, он у меня один из любимцев. Я всегда поддерживаю его во всем и поддержу в следующий раз. Просто сейчас мне очень нужен Бурцев. (Пауза)

Когда он повесил трубку, то с виновато-хитрой улыбкой посмотрел на меня и спросил:

- Надеюсь, ты на меня не обижаешься? Ну, а тебя выберем в следующий раз. Обязательно!

Бурцева и Болотина выбрали. А у меня следующего раза так и не получилось. Да я и забросил вскоре эти скачки. Помню, после каких-то следующих выборов подошел Паша (пардон, Павел Сергеевич) Краснощеков и спросил:

- А что ты в этот раз не выдвигался? Я вот видишь, стал членом-корреспондентом АН СССР!

- Ты стал членкомом, а я зато стал действительным членом, правда, жилищно-строительного кооператива! – Сострил я.

Для меня тогда проблемы жилья заслоняли все суетные суеты в Академии. Про выдвижение я просто по-честному забыл. К тому же, Паше по справедливости давно уже нужно было быть членом-корреспондентом, вот он им и стал.

Математические модели разоружения

Я уже писал, что мне по работе довелось заниматься «асучиванием» ЦК КПСС. По роду моей работы мне пришлось общаться с довольно высокими фигурами на уровне замов заведующих отделами. Насколько это уровень был высок, вы поймете, если я вам скажу, что работники такого уровня «вызывали на ковер» министров союзного значения.

С одним из них – Валентином Александровичем Григорьевым мне удалось не только познакомиться, а даже некоторым образом подружиться. Был он доктором технических наук, работал в Отделе науки ЦК. Человек он был очень образованный, живой и остроумный. Позднее, когда я недолго заведовал кафедрой в Московском Энергетическом институте, Григорьева назначили ректором института, и судьба снова свела нас, мы оба были рады встрече. Потом он долго старался удержать меня в своем институте, предлагал всякие коврижки. А однажды он даже пригласил меня в гости, и мы совершенно по-рабоче-крестьянски «раздавили» бутылку у него на кухне в цеховском доме в Рабочем поселке (который, правда, в народе называли «Царское село»). Правда, пили мы все же армянский коньяк, а не водку. Интересно, что провожать он меня не пошел, потому что не хотел показываться в пьяном виде на глаза вахтеру.

Однако удержать меня в МЭИ ему не удалось: я все же ушел обратно в Физтех, в котором преподавал до этого.

Но наши почти дружеские отношения с Валентином Александровичем начались еще в бытность его замом зава Отделом науки. А дело происходило так.

Мой хороший американский друг, Том Саати, прислал мне по почте свою новую книгу, которая называлась «Математические модели разоружения и контроля вооружения». Книга была интереснейшая! Я решил перевести ее на русский.

В то время я был «свой человек» в издательстве «Советское радио»: входил в состав Редакционного совета, издал там несколько своих книжек. В издательстве книгой тоже заинтересовались, но сказали: «Тематика опасная. Нас не поймут. Американские империалисты и вдруг “модели разоружения”? Как это? Как это?»

Потребовалось разрешение «инстанции», как тогда говорили про ЦК, видимо, чтобы не «помянуть всуе» имя, дорогое сердцу каждого истинно советского человека. И вот тут я пошел к Григорьеву...

Мы беседовали в его кабинете, наверное, с час, пия при этом неприменный чай с лимоном и фирменными «цеховскими сушками». Я рассказал ему и про книгу, и про самого Томаса Саати, и про то, какой он хороший, и как он хорошо относится к нашей стране... Григорьев полистал книгу и согласился, что книгу было бы инте-

ресно издать: «Вот только название нужно непременно изменить. Почему бы не сказать просто «Математические модели конфликтных ситуаций»?»

Я попросил Григорьева написать мне записочку в издательство. Он усмехнулся (видимо, в ЦК таких расписок не давали, как и в КГБ!) и спросил, где я собираюсь книгу издавать. Когда я ему сказал, то услышал:

- Я хорошо знаю директора этого издательства. Если у него будут вопросы – пусть позвонит. Просто скажите, что говорили со мной.

* * *

Книга Саати, действительно, настолько интересна, что ее решили переиздать в России уже сейчас, более сорока лет спустя. Я созвонился в конце 2009 года с Томасом Саати и рассказал ему об этом. Он был рад этому и даже предложил заменить пример с вьетнамским конфликтом на пример с арабско-израильским конфликтом, чтобы ситуация была понятнее современному читателю.

СТУДЕНТЫ-АСПИРАНТЫ

Наш Ученый Совет

Когда в НИИ АА организовали докторский ученый совет, в его состав входили среди многих (всего было человек 15) Дмитрий Юрьевич Панов, Николай Пантелеймонович Бусленко и я. Обычно защиты проходили гладко, во всяком случае, ни одного «завала» не было. Но бывало, что голоса «против» всё же появлялись, а ВАК в то время очень любил «единодушие» в голосовании.

Собрал нас однажды председатель совета – Владимир Сергеевич Семенихин с вопросом: как это так выходит, что иногда бывает до трех голосов «против»? Где же, мол, монолитность нашего Ученого Совета?

На это Бусленко ответил так:

- Это хорошо, что у нас не все всегда единогласно. Это просто означает, что иногда у нас появляются недостаточно сильные работы. Но тут все ясно: если три голоса «против» – это Бусленко, Панов и Ушаков; если два голоса «против» – это Панов и Ушаков, если же один голос «против» – это Ушаков.

С тех пор каждую диссертацию Семенихин направлял на обязательное прочтение нам троим. Если хоть кто-то говорил свое «фе» – диссертация снималась с защиты и направлялась на доработку.

Устраивал Семенихин – величайший «режиссер» – и настоящие спектакли. Защищался однажды в нашем совете зам министра одного из оборонных министерств по фамилии, назовем его Вторышин¹⁴, которого звали типа Ленисталь Егорович. Работа защищалась «по совокупности», а это почти всегда означало, что диссертацию готовил «вверенный коллектив», а не соискатель. Семенихин позвал меня и во время какого-то совещания дал мне почитать работу, посадив меня прямо в своей «бытовочке» – изолированной тыльной комнатке своего кабинета, где он отдыхал в рабочее время (иногда не один, как говаривали злые языки). Я прочитал: коллективная работа была безупречна.

После совещания Семенихин входит в «бытовочку» и спрашивает меня:

- Ну, как?

- Да все хорошо, но ведь это же коллективный труд...

- Я тебя не об этом спрашиваю. Сама работа хорошая?

- Работа хорошая.

- Ну, вот это я от тебя и хочу услышать на заседании Ученого Совета.

На самом совете Семенихин после восторженных выступлений трех официальных оппонентов сказал:

- Я думаю, что все всем ясно, но для протокола я хотел бы попросить профессора Ушакова, который, как я знаю, ознакомился с диссертацией, дать краткую общую оценку работы.

Знал, старый лис, что я никогда не смогу сказать иного по сравнению с тем, что сказал ему наедине.

И «на закуску» один почти комический сюжет. На совет была представлена докторская работа моим очень хорошим знакомым и славным парнем, назовем его условно «Гималайским», чтобы не

¹⁴ Фамилия, имя и отчество вымышленные, но история подлинная.

использовать истинного имени. Нам троим (Бусленко, Панову и мне) эту работу дали на просмотр. Все было нормально: у соискателя было много солидных публикаций и даже одна очень интересная монография. Но тут вызывает меня к себе Панов и говорит:

- Игорь, я знаю, что Гималайский – ваш хороший знакомый. Посоветуйте ему снять диссертацию с защиты.

- Дмитрий Юрьевич, а мне работа понравилась...

- И мне тоже. Но посмотрите его личное дело.

Он показывает мне подшивку секретных документов, среди которых находится и 12 отзывов – три из Москвы, три из Ленинграда, три из Киева и три из Минска. Я бегло пролистываю дело. Все отзывы положительные, отмечены достоинства и недостатки диссертации, все, как положено.

Тогда Панов говорит мне:

- А вы повнимательнее посмотрите страницы с закладочками, помеченными номером 1, потом с номером 2, а потом с номером 3, которые я сделал.

Я смотрю и что же вижу! Все отзывы, отмеченные закладками с номером 1 абсолютно одинаковые. То же с номерами 2 и 3. Гималайский подготовил три разных варианта «рыбы», как называли тогда подготовленный для кого-то текст, и разослал по комплекту в организации каждого из городов! Друзья, писавшие отзывы, не удосужились даже хоть чуть-чуть изменить их содержание.

Работу, слава богу, сняли, отложив месяца на два, а то бы в ВАКе не могли не грянуть серьезные неприятности и для соискателя, для Ученого Совета.

Ученым можешь ты не быть, но доктором наук – обязан

Работал в Высшей Аттестационной Комиссии (ВАК) начальником отдела кандидат наук Югозападцев¹⁵. Ему очень хотелось получить докторскую степень, но для этого нужно было написать какую-никакую диссертацию. А некоторым людям тоже очень хотелось получить докторскую степень, при этом они могли нава-

¹⁵ «Рабочий псевдоним», история подлинная.

лять кое-какую диссертацию. Но ведь не всякие диссертации проходили через ВАК: пошлют, к примеру, «черному оппоненту», а он возьми да и «заруби» работу!

Созрела схема: некто по фамилии Оборзевич¹⁶ помогает Югозападцеву написать секретную диссертацию, Югозападцев помогает председателю одного ракетного учебного училища защитить докторскую по совокупности, потом Югозападцев и Оборзевич защищают свои докторские диссертации в том самом совете – и все довольны! А уж пропустить шито-крыто без черного оппонента диссертацию через ВАК для начальника отдела, извините, «как два байта отослать», как говорят программисты.

Меня Югозападцев открыто не любил и навесил мне ярлык сиониста за то, что я часто поддерживал «еврейские диссертации».

Небольшое отступление. Антисемитом в ВАКе было быть почти почетно. Так, другой ВАКовский начальник отдела, назовем его условно Облупанов¹⁷, зарубил прекрасную диссертацию моего аспиранта Жени. Можете себе представить, чтобы на кандидатской защите была представлена работа с более чем 20 публикациями в академических журналах, которая была бы зарублена Экспертным советом ВАКа? Но Женя был Евгений Израилевич, чего было тов. Залупанову – извините, Облупанову – достаточно, чтобы диссертацию зарубить! А ведь защита проходила на Физтеховском Ученом совете под председательством академика Никиты Николаевича Моисеева, а в совете еще состояло три-четыре академика...

Так что я горжусь до сих пор, что в этом антисемитском гнезде я прослыл сионистом. (Хотя самого сионизма, как и прочего экстремизма и шовинизма, не приемлю абсолютно.) Отмечу, что за то, что я иногда рубил плохие диссертации соискателей-евреев, в других кругах меня называли антисемитом. Понятное дело – всем не угодишь!

Но перейдем к непосредственной теме рассказа.

Однажды утром мне звонок.

- Товарищ Ушаков?

- Да.

¹⁶ Тоже «рабочий псевдоним».

¹⁷ Тоже «рабочий псевдоним».

ЗАПИСКИ НЕИНТЕРЕСНОГО ЧЕЛОВЕКА

- С вами говорят из Комиссии партийного контроля при ЦК КПСС.

- ???

- Не могли бы вы приехать сегодня к нам в 10 утра?

- А зачем?

- Об этом мы сообщим вам на месте.

- Ну, я не привык к таким вещам. Скажите зачем.

- У нас есть несколько вопросов, связанных с товарищем Югозападцевым. Вы нам нужны как научный эксперт.

- Но по поводу этого человека я говорить вообще не желаю!

- Товарищ Ушаков, вы ведь член партии. Мы можем позвонить в ваш партком или же в райком партии, вам все равно придется выполнить нашу просьбу. Зачем вам нарываться на неприятности?

- Но почему именно я выбран вами в качестве эксперта? Есть еще с десяток даже более подходящих специалистов.

- Потому что мы не смогли найти больше никого, кто не был бы повязан Югозападцевым тем или иным образом...

Одним словом, к десяти часам, позвонив предварительно на работу и сообщив, что «я задерживаюсь», я-таки был в КПК. Пришел в кабинет к тихому мышьеобразному чиновнику, который был предельно вежлив и даже угостил меня цековским чаем с лимоном и неизменными сушками.

- Вы нам нужны как эксперт по теории надежности.

Он взял какую-то книгу, открыл ее, прижал к столу рукой титульный лист и попросил меня полистать книгу: «Можете ли вы сказать, кто автор сего труда? Мне не понадобилось и двух-трех минут, чтобы, бегло пролистав книгу, сказать, что это книга Оборзевича.

- Вы почти правы, сказал он, снимая с книги ладонь.

И тут я увидел, что книга эта – Югозападцева!

- Нет, я ничего не понимаю...

- Вот и мы сначала ничего не понимали. Более того, в предисловии Югозападцев выражает благодарность Оборзевичу за помощь в работе над книгой. Получается, что под обычный плагиат это не подпадает – это какое-то воровство с разрешения обкрадыва-

емого! Мы хотели бы попросить вас проверить насколько текст Югозападцева совпадает с текстом уже опубликованных книг Оборзевича.

Он позвонил куда-то и попросил принести книги Оборзевича. Пока несли книги, мы попивали чай, и уж не знаю почему, чиновник разоткровенничался и рассказал мне тако-о-о-го!

Оказывается, что Югозападцев брал огромные взятки и не только в советских тугриках, но и «борзыми щенками». Так, один «остепенившийся» командир Московского военного округа, отрядил роту строителей и стройматериалы для постройки его дачи. Какой-то важный чиновник Моссовета устроил ему шикарную квартиру. Одним словом, похоже было, что из КПК Югозападцев, потеряв партбилет, загремит по уголовному делу. Но в «материальных делах» было замешано много «неприкасаемых», набрать факты было можно, но никто их не предъявил бы, «куда надо». А вот с книгой – другое дело. Здесь, если текстуальные совпадения с книгами Оборзевича слишком большие, возникает вопрос, имел ли право Югозападцев на гонорар за книгу, даже если текст, не плагиат, а «подарок» Оборзевича.

- Нас информировали, – сказал капэкашник, – что в книге Югозападцева есть буквально страничные куски, полностью совпадающие с книгами Оборзевича.

Принесли, наконец, две книги Оборзевича. Сопоставление книг было элементарным: переписаны буквально были куски иногда действительно, целыми страницами. Мне дали красный (а какой же еще?) фломастер и я отмечал на полях чертой совпадающие куски в книге Югозападцева и в книгах Оборзевича. На книге Югозападцева я проставлял номера соответствующих страниц из двух книг Оборзевича. После моих пометок можно было подумать, что на полях книги Югозападцева кто-то подавил полчища насосавшихся крошечки клопов...

Потом было шумное дело (но не настолько шумное, насколько могло бы быть, попадись рыбка помельче). Чем все кончилось? А тем, чем и должно бы: доброхоты из в прошлом «благодетельствованных» Югозападцевым чиновников вернули его в ВАК, он защитил-таки докторскую, был повышен в воинском звании (был он военным), партийный выговор с него был быстренько снят... Пойманная щука была брошена в реку...

Вот вам и Комитет партийного контроля!

ГАЛОПОМ ПО ЕВРОПАМ

Николь-Николашка

Когда мы жили в Арлингтоне (это через речку от Вашингтона), Таня возила меня на работу к черту на рога в другой штат – Мэриленд. На самом деле это обычная судьба американцев – длинная дорога на работу. Впрочем, по пустой дороге езды было всего минут 35-40. Но что такое трафик, теперь понимают даже в Москве (вернее, не «даже», а в особенности!).

Таня
отвозила
меня (это
занимало с
учетом
утренних
пробок часа
полтора),
потом еще
минут 40
ехала к себе
на работу в
Вашингтон к
половине
девятого,

Туман на дорогах Виржинии (фото авт.)

потом в пять
она ехала за

мною в страшном трафике около часа, но зато обратно домой мы добирались всего за какой-нибудь час с небольшим. Поэтому получилось, что выезжали мы из дома около шести утра, а возвращались где-то после шести вечера.

Благо, что школа у Кристины была рядом с домом, а сам дом был под хорошей охраной – жили мы в американском жилом комплексе, в котором обитали в основном дипломаты и просто иностранные шпионы разных мастей и невысоких рангов. Но по амери-

канским законам нас могли бы судить за то, что мы оставляем малолетнего ребенка без присмотра.

Комплекс, в котором мы жили, был не только с хорошей охраной, но и с хорошими традициями: по субботам в большом холле администрация устраивала халявный «чай-кофе» с неизменными крендельками-булочками в неограниченном количестве.

Вот на одном из таких вечерних «файф-о-клоков» к нам с Таней подходит этакая темноволосая пышечка малороссийского типа и обращается ко мне:

- Вы знаете, оказывается, мы с вами работаем в одном здании. Я вас несколько раз видела там.

Николь – так звали молоденькую женщину – оказывается, интересовалась Россией, поэтому мы пригласили ее с мужем к нам как-то вечером. За «рюмкой чая», узнав, что я не сам добираюсь до работы, а Таня возит меня, Николь предложила мне ездить с ней. Мы с радостью приняли ее предложение. На мое предложение платить ей за это, она сказала, что не за что – она ведь все равно едет в то же место. Тогда я предложил оплачивать бензин, но она и тут отказалась. Мы с трудом настояли на том, чтобы оплачивать хотя бы половину расходов, иначе нам совсем будет неудобно.

С этого момента мы с Таней зажили нормальной жизнью, а я стал буквально ловить кайф от поездок с жизнерадостной толстушкой. Она и меня сделала еще более веселым и жизнерадостным. Но пора объяснить, почему я так говорю.

Николашка – как мы окрестили для себя Николь – узнав, что я университетский профессор, заявила, что она очень любит «эдюкейшн», то бишь, образование. А нужно заметить, что она была интеллектуально невинна, как Ева до своего общения со Змеем, посланным ей судьбой (или Господом-Богом, который, как известно, любил поискушать). И вот эта новоиспеченная Ева стала в моем лице трясти древо познания.

Все полтора часа на работу и час обратно, мне приходилось читать ей всевозможнейшие лекции, начиная от географии и палеонтологии и кончая живописью и литературой. Правда, она отменно знала историю США. Нет, не Америки, а именно США: она с удивлением узнала, что Америка названа по имени Америго Виспуччи намного позже того, как ее открыл Колумб.

ЗАПИСКИ НЕИНТЕРЕСНОГО ЧЕЛОВЕКА

Ее отец был итальянец, а мать – французенка. Когда я начал расспрашивать ее об Италии, она, ничтоже сумняшеся, твердо назвала столицей Италии ... Париж.

Однажды она сказала:

- Вот когда в Мировую войну мы воевали против вас...

Я ее поправил, что не против нас, а вместе с нами против фашистской Германии, она изумилась:

- А разве вы с Германией были не заодно? А я всегда считала, что русские наши враги...

Я стал объяснять ей про нападение Гитлера, про войну, про встречу Рузвельта и Черчилля со Сталиным... «Это который с усамми?» Я был поражен глубиной ее познаний!

Когда я, неудачно сконструировав фразу, сказал, что Сталин убил несколько миллионов человек, то услышал: «Как?! Он их всех убил лично?» На вопрос, кого он убивал, я ответил, что жертвами были все – и русские, и украинцы, и евреи... Она тут же спросила:

- А негры тоже?

- Нет, негров в СССР не было...

- А разве есть страны, где нет негров?

И ведь Николашка всего лишь опередила время! Теперь негры есть не просто в России – они есть даже в футбольной команде ЦСКА – славном Центральном Спортивном Клубе Армии!

Когда я упомянул о двадцати миллионах убитых, то она спросила, а много ли это. Я сказал ей, что в Вашингтоне почти миллион жителей, значит, это 20 таких вот Вашингтонов.

- Ну, а миллион – это много?

Тут я, как говорится, «выпал в осадок»...

- Ты ходишь на стадион?

- Иногда.

- Так вот на матч обычно приходит 20-30 тысяч человек. Значит миллион – это около 50 вот таких стадионов.

- Ты меня дуришь!

Однажды она спросила, велика ли Россия:

- А Россия больше Техаса?

ЗАПИСКИ НЕИНТЕРЕСНОГО ЧЕЛОВЕКА

- Представляешь себе США от Восточного до Западного побережья?

- Ну, это пять часов на самолете...

- Так вот: Россия по длине раза в три больше...

- Как же так? Ведь там уже начинается океан!

Словом, в ее голове было почище, чем в доме Облонских...

Оказалось, что она слышала имя «Достоевский». Я ее похвалил, тогда она в ответ спросила меня, а знаю ли я американских писателей. Я назвал с десяток, коротенько дав им «творческие характеристики». Оказывается, она не знала ни давнишнего Брета Гарта, ни недавнего Джорджа Оруэлла...

Оказалось, что она верующая.

- Ты католичка?

- Вообще-то не знаю...

- Ну, ты во Христа веришь или в кого?

- Да-да! В Христа!

- Значит ты христианка... А в какую церковь ты ходишь?

- А зачем?

- Ну, ты же Богу-то молишься?

- Конечно! Я вот утречком, как на работу ехать, встаю в уголок и тихонечко говорю шепотом: «Господи, повысь мне зарплату в этом месяце!»

Мне это даже понравилось! Какое там отпущение грехов! Какое там спасение души! Здесь все просто, как вареная кукуруза: «Господи, повысь мне зарплату!» Просто, ясно и четко – такое и до идиота дойдет! А ведь Всевышнему-то помочь человеку в такой простенькой просьбе проще простого, как говорят в России, как два пальца об асфальт!

ПРО МОИХ ДЕТЕЙ

«Что за комиссия, создатель...»

Первый ребенок – это всегда чудо. У меня первой была дочка. Когда должен был родиться второй ребенок, то я хотел опять девочку. Друзья не верили, говорили, что я это просто выпендрил-

ваюсь. Но мне так нравилась Таня, что я мог представить себе только дочку. Когда родился Слава, я понял, что для полного ощущения отцовства нужны именно девочка и мальчик...

Когда я женился второй раз, то у моей второй жены, Татьяны, были тоже мальчик и девочка, Миша и Кристина, причем девочке было всего два с небольшим. Младший ребенок в семье, а таковой и оказалась для меня Кристина, всегда нечто особое, видимо, потому, что на нем завершается какой-то важный этап в жизни.

Нам с Таней Кристина далась непросто: ребенок она была болезненный, а посему и со школой были «проколы». Вообще болезненные дети так выматывают и тем самым так привязывают к себе – ведь ты в них вкладываешь столько души...

Мы никогда не делали секрета для Кристины, что я ее отчим. Мы с Таней считали, что ребенок имеет право на полнокровное общение с «биологическим» отцом, а уж это его выбор и его желание стать таким отцом, каким он захочет.

Любые контакты между дочерью и отцом мы только приветствовали. Но, тем не менее, мне было очень приятно, что с самого своего дитячьего возраста Кристина называла меня папой. Ну, а кто же я ей был, как не отцом: и ночи бессонные проводил, и по больницам Кристиным мотался наравне с Таней.

Когда мы уже жили в Америке, и было ей лет девять, ее отец приехал в Вашингтон в служебную командировку и, естественно, захотел встретиться с дочерью. Помню, она очень волновалась и спросила меня: «Пап, а как мне *его* называть?» Я ей сказал, что, конечно же, называй его папой. «А если вы будете вместе?» Хороший вопрос! На него я дал ей совет в подобной ситуации постараться избегать прямого обращения, а просто подойти и сказать, что хочешь.

Но однажды был (всего однажды!) эпизод, не помню, по какому поводу, Кристина, когда ей было уже лет двенадцать, заявила мне:

- А ты не мой папа!

- Кристиночка, ты права, я не твой папа... Но вот ты – моя дочь! – Ответил я ей на это.

Кристина опешила, раскрыла почти изумленные глаза (не ожидала такого оборота!) и вдруг бросилась ко мне и крепко-крепко обняла...

Я желал бы всем отцам иметь такие глубокие и искренние отношения со своими дочерьми, какие я имею со своей.

ПРО СЕБЯ

Во сне и наяву

Моей первой в жизни заграницей был Париж. Случилось так, что в далеком 1964 году я летел на конференцию в Монреаль со своим начальником, замечательным человеком Дмитрием Юрьевичем Пановым. Полет наш был с пересадкой в Париже, а наш самолет компании Эр Франс по маршруту Париж-Монреаль отлетал только через 6 часов. Панов, как человек опытный (он катался по заграницам даже в сталинские времена), оформил в аэропорту за какие-то копейки полицейскую визу, дававшую право на выход в город. Мы поехали в центр и бродили по улицам этого прекрасного города, правда, не уходя далеко от автобусной остановки.

Вы удивитесь, но одним из ярких впечатлений для меня были ... уличные туалеты! Что это такое? Представьте себе огромный цилиндр радиусом метра полтора, стоящий на коротеньких ножках. Когда вы входили в тот цилиндр, ваша голова выглядывала через верхний край, а нижний край открывал ваши ноги выше щиколоток... Помните эпизод открытия общественного туалета на центральной площади города в чудесном старом французском неореалистическом фильме «Скандал в Клошмерле»? Помните, как мэр города, «исполнив свой гражданский долг», взмахнул шляпой, еще находясь в туалете, и тут же грянул национальный гимн, исполняемый городским оркестром, поджидавшим этого знаменательного момента?

Когда я был в Париже второй раз всего лет пять спустя, я уже этой экзотики на улицах не застал, но был «приятно поражен», что традиции не так уж скоро покидают этот мир. Похожая конструкция была сохранена в общественном туалете, который находится на смотровой площадке около «парижского Тадж-Махала» – белоснежного храма Сакре Кёр. Зачем такая конструкция в общественном туалете, возникает вопрос. А очень просто – туалет не только общественный, но и общий! Женские кабинки – в правой стороне, мужские – в левой, но их меньше, зато рядом стоит «клошмерлевская» стенка.

И вот я снова в Париже... И вновь меня влечет к себе Сакре Кёр... И вновь, вдоволь насмотревшись видом Парижа со смотровой площадки, я захожу в тот самый туалет, чтобы «исполнить свой гражданский долг»... Вот я уже...

И тут меня молнией пронзает мысль: это сон! Я просыпаюсь и осознаю, что ни в каком я не в Париже, а в гостинице, в Горьком, куда я должен был поехать! Я просыпаюсь и иду в туалет, но почему-то дверь в него заколочена. Я нервно дергаю за ручку двери, но безуспешно...

И тут я, наконец, просыпаюсь... Я дома на своей кровати, пора вставать – сегодня рабочий день. Я направляюсь в наш обычный «хрущобский» совмещенный санузел и начинаю с облегчением удовлетворять свое постоянно растущее желание...

Тут я вскакиваю, будто опшаренный кипятком! Я ощущаю свой противно мокрый живот! До меня доходит комичность всего того, что произошло. Я спрыгиваю с кровати и несусь в наконец-то реальный туалет, тот самый совмещенный, который только что видел во сне, с трудом сдерживая почти неудержимые и истерический хохот...

Я не помню, когда подобное случилось со мной последний раз – было мне, наверное, года полтора-два, а память о таких ранних временах воспоминаний не хранит. Но сознайтесь, для сорокалетнего мужика эти чересчур!

Сон во сне – какая благодатная тема для всевозможных измышлений и сюрреалистических трансформаций! Эта тема уже обыграна столько раз, что у меня возник вопрос: А стоит ли ее затрагивать? Но потом я подумал: ведь потратил же Зигмунд Фрейд полжизни на изучения «либединых проблем», а полжизни на психиатрическое толкование сновидений. Подумав, я решил, что мой случай реальный, а не литературная выдумка – почему бы и нет?

К тому же все это истинная правда, да и ситуация достаточно нетривиальная – трижды вложенный сам в себя сон!

От этого не умирают...

Началось все с приятного: я начал чесаться. Помните, Козьму Пруткову? «Гри дела, единожды начавши, трудно кончить: вку-

шать вкусную пищу, беседовать с вернувшимся из похода товарищем, чесать, где чешется». Всё бы ничего, но вот где чешется? А чесаться стало везде и одновременно: будто сонмища муравьев (или даже еще более пакостных букашек) покусывают все точки на поверхности тела!

Врач-дерматолог ничего определенного сказать не смог, но заподозрив что-то неладное, все же направил на анализ крови. Словом, в конце концов, попал я к гематологу. Тот направил на какой-то изощренный анализ крови, после которого объявил мне:

- У вас лейкоз...

- Это что – рак крови?

- Ну, можно сказать и так... Но не волнуйтесь, у вас так называемая «вялотекущая лейкемия». От этого не умирают. (Пауза.) Но умереть вы можете от тривиального гриппа, бронхита или насморка – иммунная система у вас почти не работает...

С тех пор моим любимым выражением стало: «Умру я не от этого!»

* * *

Тем не менее, избежать химиотерапии мне не удалось, а процедура (а особенно ее последствия) не из самых приятных: три дня подряд лежать по пять-семь часов под капельницей, а потом через месяц – повторный курс.

Очень меня выручал мой квадратноглазый друг – лаптоп, с ним время пролетало незаметно.

Но самое неприятное, что у меня после этих процедур началось легкое головокружение с тенденцией неожиданно упасть (иногда даже со стула) Правда недели через три-четыре это постепенно проходит.

ТЕТРАДКА №12

ПРО ДЕТСТВО

Маленький Сцеволик

Классе в пятом, кажется, учили мы историю Древнего мира. Наш бессменный учитель истории, протащивший нас с пятого по десятый – Александр Акимович – вел свои уроки всегда нестандартно. Он вел урок не по учебнику, а рассказывал нам всяческие увлекательные истории, относящиеся к теме урока, говоря нам, что учебник мы можем прочитать и сами. Помню, мою детскую душу потрясла история о том, как молодой римский воин Муций Сцевола, прокрался в логово врага, чтобы убить царя, возглавлявшего войско, окружившее Рим. Враги схватили его и пытали, чтобы выведать, кто его послал. Но Муций оказался бесстрашным героем. Чтобы показать врагу, что никакие пытки не заставят его выдать своих, он протянул правую руку над алтарем, где горел жертвенный огонь, и спокойно смотрел, как она обугливается... Даже враги были поражены мужеством римского героя и отпустили его.

Это было просто невозможно себе представить: человек сжигает на костре свою собственную руку и стоит, бесстрашно глядя, как она сгорает...

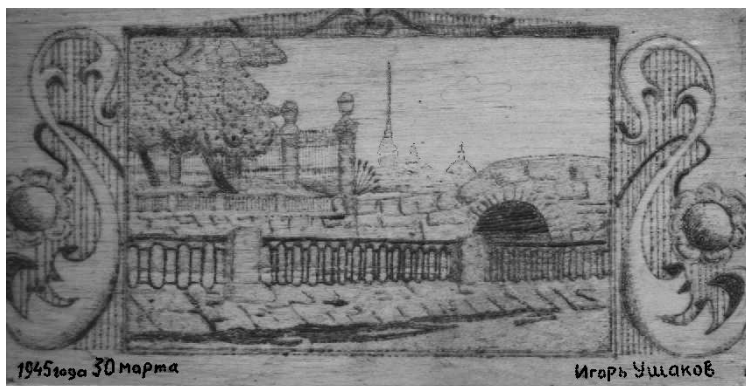
Была весна... Начинало пригревать солнышко...

Я пришел из школы. Вышел на балкон – а жили мы на пятом этаже, т.е. совсем близко к солнцу, – взял кусочек фанерки и начал выжигать картинку, контуры которой мне карандашом набросал мой отец. (Он очень поощрял все мои гуманитарные поползновения.) Нарисована была набережная какого-то ленинградского канала с затейливой чугунной оградкой и мостиком, а на дальнем плане – шпиль Петропавловской крепости, вонзенный в небо, будто шприц в ягодицу пациента...

Дощечка та у меня сохранилась – меня научили любить город, в котором я родился, но которого ни разу не видел в сознательном возрасте аж до окончания института.

Мне купили специальный приборчик для выжигания – эту ручку, у которой вместо пера была раскаленная спиралька. Выжигать гораздо сложнее, чем рисовать – ошибку уже не исправишь ластиком. К тому же, довольно мутрно делать большие черные

пятна. Обычно я выжигал их в солнечный день при помощи большого увеличительного стекла размером, наверное, с блюдо (ребята называли его «зажигательным»). Дошел я в своей картинке до того места, где нужно было выжечь большое черное пятно. Взял лупу...

Ленинградский вид

И вот мысли мои повлекло к романтическому подвигу Муция Сцеволы. С непонятной решимостью я решил испытать себя: вскоре обжигающее «солнышко» от увеличительного стекла переползло на кисть моей левой руки. Буквально через мгновения я уже чувствовал нестерпимую боль и ... терпел!

Только позже я узнал, что существует болевой предел, но тогда я познал это совершенно эмпирически: мне было безумно больно, но я терпел и терпел. Вскоре на руке около запястья вздулся волдырь размером с ма-а-аленькую горошинку. Боль не ослабевала — видимо, и жидкость внутри волдыря была очень горячая.

Я продолжал пытаться себя. Наконец, и волдырь лопнул, и из него потекла бесцветная жидкость. Тут я смалодушничал: жечь руку дальше не стал, а с радостью прекратил это мазохистское упражнение. Я уговаривал себя, что все по-честному — я продержался и мог бы терпеть еще сколько угодно, а рука еще пригодится!

И сейчас, спустя примерно 60 лет, на моей левой руке можно разглядеть небольшой почему-то продолговатый шрамчик величиной с треть спички...

* * *

Был бы мой сын таким же придурочным, каким я сам был в детстве — порол бы его, как сидорова козла! Ну почему, скажите,

надо было все время себя испытывать: а могу ли это? а могу ли то? а что если?..

Впрочем, может, так и должно быть? Ведь это только остро-слова утверждают, что умный учится на чужих ошибках, а дурак – на своих. Ведь и учиться надо сначала научиться: не сделав своих собственных ошибок, вряд ли многому научишься.

ПРО ШКОЛУ

Как я даром зарабатывал пятерки

Восьмой класс, как я уже писал, я учился в смешанной школе в поселке Перловка под Москвой. Конечно, учиться в подмосковной школе после одной из лучших школ Москвы мне было достаточно просто и даже не интересно. Нет, пожалуй, я неправ: просто некий патриотизм выиграл – ах, какая у меня раньше была школа замечательная! (Но ведь это правда...)

Одно мне не давалось – по математике я за первую же четверть схлопотал прочную четверку, не получив и одного «отлично»! Я не понимал, почему: почти весь класс бегал ко мне с вопросами, у меня все, как говорится, «от зубов отскакивало», а тут – на тебе!

Моя мама, с которой мы тогда жили вдвоем, не могла не заметить моего расстройства. Узнав, в чем дело, она впервые за все годы моего обучения пошла к директору школы, тот выслушав ее, вызвал к себе учителя математики и спросила его, в чем дело. Тот ответил? «Ушаков – новый ученик. Я неуверен, что он достаточно хорошо знает материал, хотя и отвечает, безусловно, хорошо». Мама моя была человек достаточно резкий и прямолинейный:

- Если не уверены – проверьте с пристрастием, сделайте ему экзамен. А ставит; четверки только потому, что вам что-то кажется – не годится!

На первом же уроке во второй четверти преподаватель математики объявил перед классом: «Вы все знаете, что Ушаков пришел к нам из московской школы. Давайте послушаем, как учат математике в Москве». Естественно, все были страшно рады – можно будет спокойненько посидеть, послушать, а не трястись – вдруг тебя спросят.

И началась форменная экзекуция. Я отвечал у доски на вопросы по всему пройденному к тому времени материалу целый урок. Не знаю, насколько комфортабельно чувствовал себя учитель, по сути дела, издеваясь над учеником. Но я с честью вышел из неравного поединка, получив первую пятерку...

После этого жизнь моя стала легкой и тяжелой одновременно. Легкой, потому что учитель, когда кто-то ошибался, спрашивал меня: «Ушаков, где здесь ошибка?» Я говорил где, после чего в журнале в строке с моей фамилией появлялась пятерка. А трудной, потому что я должен был весь урок «быть на стреме». За эту четверть я заработал видимо-невидимо пятерок, не будучи ни разу вызван к доске. А учитель, видимо, чувствуя, что вся эта процедура не совсем правильная, после каждого урока похлопывал меня по плечу и похваливал при всех.

ПРО ИНСТИТУТ

У Швейка – подпоручик Дуб, а у меня...

Звали начальника военной кафедры МАИ простенько, но со вкусом: полковник Дубина. Это была его истинная фамилия, да не дадут мне соврать мои однокашники-маевцы. Ну, ведь был же у Швейка подпоручик Дуб, это не кажется странным. Так почему бы у нас не быть полковнику Дубине? В отличие от подпоручика Дуба, полковник Дубина был вполне нормальным человеком, особенно на фоне остального обезьянника на этой кафедре.

Отвлекаясь от основного повествования, скажу, что лекции нам читал подполковник Гусенков, которого мы все время называли «товарищ Гусенков», на что он ужасно сердился. Так вот, Гусенков выдавал истинные перлы российской словесности: «А теперь давайте сядем и подумаем с карандашиком в уме...», «У нас ответственные функции – мы выпускаем жизнь летчика в воздух...», «Вы еще придете ко мне околачивать свои головы о мой порог...»

Я помню, что у меня вся моя секретная тетрадь была напичкана подобными высказываниями. Жаль, что тетрадь была секретная – не сохранилась!

Военная кафедра была в отдельном крыле корпуса Радиофаккультета, и при ней был небольшой скверик, где мы летом, раздев-

шись, чтобы позагорать, лежали на травке и готовились к экзаменам по «военной подготовке».

Однажды, читаючи нуднейший конспект, я заснул, лежа на животе. Кто-то из остряков веточкой написал мне на спине огромное трехбуквенное слово. А нужно заметить, что у меня повышенная реакция: красный след от царапины на коже остается ярким очень долго.

Я, конечно, почувствовал, что кто-то пишет мне на спине, и даже догадался, что написано, но продолжал дремать. Спустя какое-то время, ко мне подошел полковник Дубина и скомандовал:

- Курсант, встать!

Я понял, что это мне, и поднялся.

- Что у вас на спине написано?!

- Не знаю, товарищ полковник...

- У вас что, глаз нет?

- На затылке нет... А вы не могли бы мне прочитать, что там?

Полковнику мой аргумент показался убедительным, а читать мне вслух, что там у меня на спине написано, он не решился. Инцидент был исчерпан.

Но уж, если сознаться, то это был своего рода плагиат. Еще учась в школе, мы частенько писали шариковой ручкой то же самое слово «наизнанку» на ладони, а потом во время возни на переменке прижимали ладонь к чьему-нибудь лбу. Оставался отпечаток, который хорошо читался, но тот, у кого стоял «штамп», естественно прочитать его не мог. Некоторые даже специально сами себе ставили такой штамп, чтобы сказать учителю на его замечание:

- И что же такое у меня на лбу написано?

ПРО РАБОТУ

Как сохранять секреты

Когда я работал в отделе надежности у Сорина, в нашем «почтовом ящике» произошел следующий курьезный случай. Слабонервных, девственников и утонченных эстетов прошу этот эпизод пропустить.

Здание было у нас всего двухэтажное. За ним параллельно стояла «хрущовка» с балконами, смотрящими в сторону нашего зда-

ния. Кабинет начальника 1-го отдела выходил окнами на «хрущобу». А начальник первого отдела был презанятный человек. Во-первых, он любил читать все секретные отчеты и, предполагая себя достаточно образованным человеком, позволял себе даже легкую литературную правку.

Но частенько он прикладывал руку и не только к секретным техническим отчетам. У него в подчинении было несколько молодых дамочек – секретарша, сотрудницы первого отдела и молоденькие машинистки секретного машбюро. Так он очень любил проводить с ними время в интимной обстановке. Слухи об этом ходили, но уличен в принуждении сотрудниц к сожительству он не был.

Все бы так спокойненько и продолжалось, но родители детишек, проживавших в «хрущобе» напротив написали в дирекцию нашего секретного НИИ гневное письмо о том, что их дети торчат у окон и на балконах, наблюдая, что творится в одном из кабинетов института. Оказывается, начальник Первого отдела предавался любовно-служебными утехам на своем письменном столе при полном свете. (Ну, слабость была такая, может, у него была фотофобия?)

Дело разбиралось дирекцией при закрытых дверях – ведь шутки с КГБ плохи. Выход был найден просто гениальный: и волки остались целы, и овцы сыты. Был выпущен приказ по институту, что в связи с возможностью прочтения секретных документов через окна первого отдела, все оные должно покрасить белой краской!

После сего, разочарованным школьникам дома напротив видны были только светящиеся забеленные окна, а уж что было за ними – можно было только фантазировать.

Вот так была решена проблема сохранения «секретности» в Научно-исследовательском институте нашей славной «оборонки»!

Как я ни разу не стал замом директора

Мне повезло в жизни: я ни разу не поднимался по служебной лестнице выше уровня заведующего отделом или кафедрой.

Стать замом по науке предложил мне директор Сибирского Энергетического института Юрий Николаевич Руденко, с которым мы были очень близки и профессионально и персонально. Он ска-

зал мне, что даже говорил в Президиуме Сибирского отделения АН СССР о выделении для меня целевой членкоровской вакансии.

Дело дошло до того, что мне была назначена аудиенция у Председателя Сибирского отделения академика Валентина Афанасьевича Коптюга. Я полетел в командировку в Иркутск с остановкой в Новосибирске, где тут же направился в Президиум Академии. Коптюг оказался очень симпатичным человеком, который сразу меня к себе расположил. Мы с ним сели друг против друга за длинную «ногу» Т-образного стола, и началась неторопливая «беседа-обнюхивание». Он сказал, что Руденко очень хорошо меня рекомендовал, а я ответил, что поработать с Юрием Николаевичем мне очень бы даже хотелось. Тут я как-то заикнулся, что Руденко говорил о вакансии, на что Коптюг отпарировал:

- Я не могу ничего гарантировать, но вы рискните, а там видно будет!

- Честно говоря, я уже не в том возрасте, когда рискуют. Я действую только наверняка.

Мы расстались очень дружелюбно, Коптюг предложил мне еще раз подумать, я что-то уклончиво ответил. Мне показалось странным, что Виктор Михайлович Глушков, приглашая меня в свой Институт кибернетики в Киев, гарантировал мне членкорство, не будучи «самым главным» в Украинской академии, а Коптюг, который держал в руках все Сибирское отделение Академии наук, не смог... Значит, не захотел!

Когда я рассказал обо всем этом Руденко, прилетев к нему в Иркутск, он был буквально взбешен:

- Как же так! Я же с ним обо всем договорился.

Меня и на этот раз пронесло, и слава богу! Нельзя прыгать выше головы.

* * *

Был, правда, и второй раз. Когда я перешел в ВЦ Академии наук, то на первом же институтском семинаре академик Никита Николаевич Моисеев представил меня перед моим выступлением:

- 210 -

- Прошу любить и жаловать – это мой преемник!

Худшего для меня сделать было нельзя – ведь в ВЦ была длиннющая обойма претендентов на почетное местечко. На меня начали коситься, как на карьериста и выскочку. Одним словом, оказался я в стане врагов. Потребовалось немало времени, чтобы окружавшие меня поверили, что мне никакое замдиректорство и на фиг не нужно. После этого оказалось, что у меня в ВЦ много друзей!

Кстати, борьба за власть и «рыгалии», должно быть очень, изнурительна. Сколько членкоров, многие годы участвовавшие в «тараканьих бегах» в Академии, добивались, наконец, вождя званного академика и буквально в тот же год умирали – не выносит человеческий организм такой Пирровой победы! Мне хватило ума «побегать» всего раза три-четыре и то за членкорством. Персональных поддержек у меня было достаточно от самых ярких светил – академиков Отделения механики и процессов управления, с которыми я был достаточно хорошо знаком: А.И. Берг, А.А. Воронов, С.В. Емельянов, Б.Н. Петров, В.С. Семенихин, В. А. Трапезников... Были и очень весомые голоса от «соседей» из Отделения математики – от академиков В.М. Глушкова, А.А. Дородницына, Н.Н. Моисеева, Ю.В. Прохорова, Г.Г. Черного. (По крайней мере, каждый из них мне поддержку лично обещал...) Но, как говорится, все по отдельности – «за», а все вместе – «против». Уже после я понял, что на выборах в АН были игрища почище, чем на президентских выборах в США!

* * *

Как же я рад, что миновала меня чаша Господня! А то ведь если крест даден, то «наши цели ясны, наши задачи определены – на Голгофу, товарищи!»

ВСТРЕЧИ С ТИТАНАМИ

Вадим Книжник

КНИЖНИК Вадим Генрихович (1962 – 1987), выпускник Московского Физтеха, защитил диссертацию по теоретической физике, работал м.н.с. в Институте теоретической физики им. Ландау. Успел опубликовать всего с десяток научных работ, но успел оставить яркий след в науке: всемирную известность ему принесла

работа в новой области — теории струн, где он изящно доказал одну из фундаментальных теорем.

Я знал его еще мальчишкой — с его отцом мы учились в одном классе со второго по десятый классы и дружили. Дружим и до сих пор...

Смерть Вадима наступила внезапно: в метро, когда он ехал на семинар в Черноголовку, ему стало плохо с сердцем. Квалифицированную медицинскую помощь на месте ему оказать не смогли...

Ушёл Вадим Книжник...

Жизнь состоит из потерь и находок.

Больше находок – в начале похода.

Ну, а концу его, то есть теперь, –

Больше потерь...

И все же потеря потери рознь.

Раньше: поссорились – разъехались врозь.

А теперь и без ссор случается иногда:

Уходят друзья и – увы! – навсегда...
Но и уходы навсегда не сравнить...
Одно, когда рвется от старости нить.
Другое – когда уйдёт навсегда
Жизнь, которая так молода!
Но больнее всего на свете,
Когда навсегда уходят наши дети,
А мы остаёмся... Лучше нам уйти!
Но нам суждено – сиротливый остаток пути...

«Тёточка-Лизочка»

Я уже писал про интересного человека – Гурия Ласточкина. И вот я вспомнил, что Гурий был племянником Елизаветы Гурьевны Ласточкиной – замечательного российского педагога, человека удивительной судьбы беззаветного служения людям.

Гурий был для меня «седьмой водой на киселе», я уже об этом писал. Но уж как-то случилось, что этот бесконечно добрый человек буквально влился в нашу семью. Он преподавал в училище при театре им. Станиславского и Немировича-Данченко, таскал меня на репетиции, водил на концерты.

Поэтому, когда в Москву приехала его тетья – Елизавета Ласточкина, которую он не называл иначе, как «тёточка-Лизочка», я был ей представлен. Была она уже дряхлой старухой – без малого девяносто лет, но ясности ума необычной и с удивительным блеском уже поблёкших от старости глаз. Да, да! Уставшие от жизни глаза как-то светились добром и слегка улыбались.

Видал я ее всего один раз: она приехала на три дня присмотреться к новому месту жительства – она собиралась переехать в Москву к единственному родному ей человеку, Гурию.

Ну, а теперь я расскажу кратко про жизнь этой замечательной женщины.

Начну с того, что она была Героем Труда – было такое почетное звание до того, как ввели Героя Соцтруда. Таких Героев Труда с 1922

**Елизавета Гурьевна
Ласточкина**

по 1938 год и было то всего человек сто-двести.

Елизавета Ласточкина 76 лет преподавала в одной и той же Казанской школе для глухих, которая еще при ее жизни стала именоваться Специальной школой им. Е.Г. Ласточкиной, или любовно просто «Ласточкиным гнездом».

Школу основал в 1886 году один казанский купец, у которого родились глухонемые двойняшки. Уже через три года после открытия школы, туда была приглашена молодая двадцатилетняя учительница – Елизавета Ласточкина. Уже через пять лет она стала заведующей школой. Только в возрасте 85 лет она перешла на должность консультанта.

До конца своих дней, несмотря на преклонный возраст, Елизавета Гурьевна сохранила ясный ум. Буквально за несколько часов до смерти, в возрасте 98 лет, она подписала поздравительные открытки своим соратникам-педагогам и любимым ученикам.

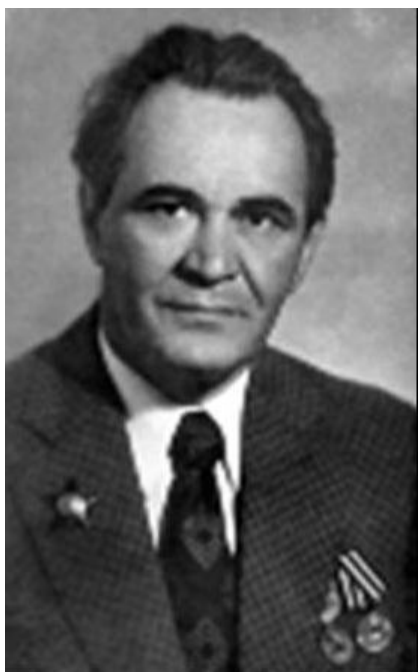
Она умерла в ночь с 31 декабря на 1 января 1967 года. Похоронили ее в могиле ее деда – протоиерея Гурия Ласточкина в Казанском храме Ярославских чудотворцев.

* * *

Елизавета Гурьевна не была обойдена Советской властью: она была награждена двумя орденами Ленина, была Заслуженным педагогом РСФСР. Но и горькая чаша ею была испита в полной мере: в 1918 году она была арестована по обвинению в причастности к «Учительскому союзу» и «за противодействие власти».

Что можно сказать по этому поводу?.. Воистину, Родина не забывает своих героев!

Гений Руси

Как-то однажды натолкнулся а на сайт «Побиск Георгиевич Кузнецов, гений Руси». Меня это очень заинтересовало: знал я человека по имени Побиск Кузнецов. Неужто, он самый? Неужто, мне еще с одни гением уготовано было встретиться на своем жизненном пути? Прочитал... Действительно, он!

Я его довольно хорошо знал – мы с ним работали в одном почтовом ящике у академика Семенихина.

Прежде всего, что такое «побиск»? Я слышал расшифровку его имени как «Победители Октября, Борцы и Строители Коммунизма», но слышал не от него самого, поэтому, возможно, моя информация не совсем верна. Расшифровывали его имя и как «Поколение борцов и строителей коммунизма». Что правильнее, не знаю, но главное, что угораздило же родителей назвать сына таким именем (кстати, отец у него был комсомольским работником средней руки).

То, что его относят к разряду гениев, я узнал только из Интернета. Но нужно сказать, что личностью он, действительно, был, если не гениальной, то весьма одаренной и интересной.

Судьба у него сложилась нелегко. Когда началась Отечественная война, он просился добровольцем на фронт, но его не взяли - не хватило лет. Поступил в танковое училище и уже на следующий год воевал в гвардейской танковой бригаде командиром взвода разведки. Под Ржевом, в рукопашном бою, получил тяжелое ранение. Стал студентом, начал создавать научно-студенческое общество, но по злому навету был осужден по печально известной 58-й статье за организацию антикомсомольской контрреволюционной организации. Судил его военный трибунал. Присудили к десяти годам лагерей в неласковом норильском крае. Был реабилитирован, но на этом его жизненные перипетии не закончились, хотя мы на них останавливаться не будем.

В конце 1970-х Побиска «пригrel» Академик Владимир Сергеевич Семенихин, который руководил одним из ведущих институтов Минрадиопрома – НИИ автоматической аппаратуры. Когда-то в пору гонений Побиска Кузнецова, В.С.Семенихин вместе с двумя другими видными академиками А.И. Бергом и В.М. Глушковым написали письмо в ЦК КПСС с поддержкой реабилитации П. Кузнецова.

У Побиска в институте не было никаких официальных обязанностей, что вызывал у некоторых недовольство. Помню, однажды, Семенихин сказал при мне Главному инженеру что-то типа: «Да не трогай ты Побиска – он же святой человек! Пусть занимается, чем хочет!» (Я был у Семенихина наподобие «личного референта» по «околонаучным» вопросам, и он часто меня к себе вызывал по самым различным вопросам).

Побиск был лет на десять старше меня, но мы каким-то образом довольно тесно сошлись, а по его настоянию даже звали друг друга просто по имени. Впечатление он производил эдакого небожителя, с добрыми глазами, вечно заводного. Лицо его быстро переходило от веселой беззубой улыбки (он, видимо, «съел» зубы в лагерях) до усталого лица страдальца.

Помню, как Побиск однажды развивал – однажды стояли мы с Побиском на лестнице, в «курилке», и он объяснял мне свои идеи, как он острял, относительно «киловатт-рублей». (Он был сторонником «физической экономики» Линдона Ларуша, с которым даже был лично знаком.) Я заметил, что, не дай бог, придется по первым и 15-м числам каждого месяца засовывать в розетку два пальца вместо получения обычной зарплаты. Он громко хохотал над моей шуткой и совершенно не обиделся, хотя физическая экономика была его «идеей фикс».

Я к нему относился с обычным почтением, как ко всем тем, кто воевал: у меня до сих пор трепетное отношение к тем, кому мое поколение обязано жизнью.

Но, говоря честно, относился я к нему, как к некоторому чудачку, странному человеку – хорошему, интересному, доброму, но не от мира его. Впрочем, в этом ведь нет ничего плохого – именно на таких людях и держится Россия.

ИНТЕРЕСНЫЕ ЭПИЗОДЫ

Нет ли у вас кусочка дерьма?

Револьта Туркельтауба я знал очень давно – еще с детства, когда мне было лет двенадцать-тринадцать. Он учился в Академии имени Жуковского с моим дядей. Слушатели-однокурсники над ним вечно потешались: то в столовой в стакан с компотом бухнут горчицы, а потом надрывают животики, глядя на его сморщенную рожу. А то в спальной общежития снимут сетку с крючков и привяжут ее бечевками, чтобы он, оборвав их, грохнулся на пол, когда будет ложиться спать. А однажды на отдыхе на Кавказе и вообще учудили: в его наволочку вечером положили огромного полоза... Я все это знаю не только по рассказам: мы с мамой однажды отдыхали на Кавказе в доме отдыха академии вместе с этой веселой компанией как раз тогда, когда это произошло.

Не подумайте уж очень плохо о Револьтовых однокашниках: просто почти все они были фронтовиками, не только съевшими пуд соли, но и понюхавшие пороху, а он был зеленый юнец прямо

со школьной скамьи. При этом они его по своему любили и уважали за ум и желание помочь: все же учиться с уже слегка заскорузлыми мозгами было трудновато, особенно поначалу, а у него все еще было свежо в голове.

Нужно сказать, что Револют все воспринимал буквально, как должное: он громче всех смеялся над порой глупыми, хотя и беззлобными шутками, его глаза всегда светились задорным еврейским юмором, и он не отставал от своих «старших товарищей», придумывая подобные шутки и для других парней из их компании. Я помню одну из них. Одному любителю пива он придумал подарить на день рождения во время произнесения тоста детский ночной горшок, в который было налито пиво, а на дне лежали две сардельки...

* * *

И вот судьба вновь свела меня с Револютом – он оказался моим начальником, когда я начал работать в отделе надежности у Якова Михайловича Сорина. Наше давнее знакомство помогло быстро установить очень хорошие отношения.

Как-то оказалось, что Револют знал математику еще хуже меня, а посему он меня быстро даже зауважал. У него была странная манера спорить на технические и математические темы. Он что-либо утверждал, ты с ним вступаешь в дискуссию, а в конце дискуссии оказывалось, что все твои аргументы оборачивались против тебя самого: оказывалось, что это именно ты, а не Револют, утверждал изначально неверный тезис!

Правда, когда у меня появился свой «первый подчиненный» – Юра Коненков – удивительного ума и соображаловки физтех, то он быстро навел порядок: перед началом дискуссии он мелом делил на две части висевшую у нас в комнате школьную доску, писал слева свои инициалы, а справа Револютovy и записывал тезисы обеих сторон, под коими проводил черту. После этого на оставшейся части доски велись споры «до первой крови». Это был спектакль, могу я вам сказать!

* * *

И вот мы с Таней в Америке, я – читаю лекции, а Таня – ходит на курсы английского языка для иностранцев. В Вирджинии, где мы тогда жили, было много вьетнамцев, латиносов и кое-каких европейцев, но как Тане показалось, из русских была она одна. Однажды во время перерыва, когда она вышла покурить, к ней подо-

шел, как она потом мне описывала, какой-то задерганный и нервный человек, который по каким-то приметам догадался, что она из России. Он тоже закурил и началась длинная беседа, которая продолжалась не один день, причем в основном говорил этот человек, рассказывая Тане про свои мытарства.

Оказалось, что жил он в Москве в шикарной квартире около площади Маяковского. Работал директором Дома кино, вращался в кругу кинорежиссеров, артистов и драматургов. Его лучшим другом был очень известный по тем временам скрипач-виртуоз лауреат Конкурса Чайковского Валерий Климов. Словом, жизнь была у этого человека, как у головки голландского сыра в бочке сливочного масла...

И вдруг – напасть: сын уехал в Америку, женился там на американке и, естественно, о возвращении в Москву и не думал. Жена сходила с ума по сыну, не мысля себе жизни без возможности быть с ним рядом. Естественно, кончилось все тем, что родители сорвались с насиженных мест и умчали вслед за сыном. Благо, что жена того человека была преподавателем английского языка, и ее переезд в англоязычную страну не страшил.

В Америке не принято жить с родителями, поэтому они осели в Вирджинии, а сын жил где-то в Чикаго или Детройте. Сын у родителей был единственный, а любимчики нередко вырастают себялюбями. Как рассказывала Таня, человек тот был буквально на грани самоубийства: сын далеко, жена почти трёхнулась по поводу жизни без сына, язык вокруг чужой, единственная русскоязычная знакомая, с кем можно отвести душу – Таня... И он эту душу отводил, отводил, отводил...

В один из дней пошли мы с Таней в магазин за продуктами. Идем между рядами и вдруг я вижу знакомое лицо... «Револьт Маркович!» – Кричу я, бросаюсь к нему и буквально душу в объятиях. Он в ответ сжимает меня своими жилистыми клешнями: «Игорек!» Потом он замечает Таню:

- Вы?! Так вы не просто Ушакова, вы еще и жена Игоря?

Потом он знакомит нас со своей женой, которая, надо сказать, никакой особой радости по поводу знакомства с нами не выказала.

- Игорек, дорогой! Нам надо обменяться телефонами! У тебя нет листочка бумаги?

- Нет, Револьт Маркович...

- Я сейчас раздобуду! Вон там, в аптеке, наверняка есть! Я ведь теперь немного могу говорить по-английски!

Он подходит к аптекарю, за спиной которого громоздятся стройные полки с многочисленными лекарствами, и обращается к нему на ломаном английском

- Do you have a piece of shit?

Тут происходит так часто случающаяся ошибка в переводе. Он имел в виду сказать по-русски: «У вас нет кусочка бумаги?» Но по-английски «лист» это *sheet* («шиит»), а он произнес «шит», что для американца слышится как «shit», что в переводе означает «дерьмо», а если быть точнее, то просто говно...

Аптекарь в недоумении: за его спиной тонны «дерьма»... О каком из них говорит этот экзальтированный человек?

Жена Револьта – как никак «профессиональная англичанка» – буквально оседает на пол в беззвучных судорогах смеха, так что я едва успеваю ее подхватить. Потом и до нас с Таней доходит «игра слов»!

* * *

Это была последняя наша встреча. Мы перезванивались некоторое время, а потом Туркельтаубы пропали... Может, уехали к сыну в Мичиган?

Шекспир и Гамлет

Собственно, особого рассказа сейчас не будет – просто смешной эпизодик. Однажды, когда я в очередной раз приехал в какую-то командировку в Ереван, то как всегда, попал в круг своих друзей и аспирантов. По-моему, за все время моих визитов в Ереван я в гостинице не провел ни одного вечера – гости, гости, гости...

Но тот вечер я запомнил особенно. Забегает за мной, по-моему, Араик Геокчян и говорит:

- Игорь, ты должен пойти сегодня в гости со мной к моим друзьям. Ты не пожалеешь!

Пришли. Многих я уже знал, завязалась дружеская беседа под хорошую «тутовку». Тут в комнату входит Араик и обращается ко мне:

- Игорь, познакомься с моими друзьями.

Я протягиваю руку одному из них, представляюсь:

- Игорь.

Слышу в ответ:

- Гамлет.

Ну, Гамлет как Гамлет. Я уже одного Гамлета и до этого знал. Тоже симпатичный парень. Протягиваю руку второму:

- Игорь.

А мне в ответ:

- Шекспир.

Видимо, у меня была такая морда, что все залпом взорвались смехом, включая Гамлета с Шекспиром. Оказывается, все были подготовлены к этому сюрпризу и ждали моей реакции.

Я быстро пришел в себя и даже догадался сфотографироваться в обнимку с такой замечательной парой. Жаль, что фото не сохранилось...

Форум Гнеденко

Где-то в начале 2005 года, листая поэтические сайты, я натолкнулся на понравившееся мне стихотворение, в котором, в частности, были такие строчки:

«Где зеркало прудов и островов карнизы,
Как сказочный мираж из рыцарских времён.
Есть мрачный бастион над Гатчинскою мызой –
Давно ушедших лет немой свидетель он.

.....

А в зеркале прудов серебряные ивы
Уж двести с лишним лет любуются собой.
За жёлтой стеной воспоминанья живы!
И "русский Гамлет" жив за жёлтой стеной...»

Я люблю Питер – как-никак, а Родина моя, я там родился. Я написал автору, что мне его стихотворение понравилось. Он ответил. Потом он активно дал отповедь какому-то лоху, написавшему что-то весьма неприличное о моем стихотворении «Петербургская ночь» (которое, кстати, впоследствии заслужило на конкурсе американских пушкинистов Почетную грамоту!). Завязалась «профессиональная переписка» на поэтической почве.

Так я познакомился и «виртуально подружился» с Сашей Бочковым.

У него были какие-то сложности с работой, мне удалось, используя сохранившиеся контакты в России, помочь ему устроиться в Газпром к одному своему знакомому еще по моим контактам с иркутским Сибирским Энергетическим институтом АН СССР. Естественно, что у нас с Сашей появился контакт уже и чисто профессиональный – он тоже стал заниматься вопросами надежности.

Вот тогда-то и возникла идея создания сайта, объединяющего специалистов по надежности, на котором выпускать электронный ежеквартальный журнал... Словом, «пролетарии всех стран, объединяйтесь». Назвали мы этот сайт Форум Гнеденко в честь «отца» советской школы теории надежности, выдающегося ученого с мировым именем – Бориса Владимировича Гнеденко. Сейчас у нас более полутысячи членов из почти пятидесяти стран мира!

СТУДЕНТЫ-АСПИРАНТЫ

Дан приказ ему – на Запад...

Однажды как-то неожиданно, если не сказать – внезапно, к нам с Таней приехали из Киева мой аспирант Женя Литвак с женой Эллой. Я уже писал, что Женя был не только одним из самых талантливых моих аспирантов, но нас с ним связывали и очень теплые человеческие отношения. Да, собственно, какие отношения – мы просто дружили семьями, бывали друг у друга в гостях, а однажды они даже приехали к нам на Новый Год.

Да и началось все очень необычно: Женя как-то прислал мне по почте письмо – мы были едва знакомы – с некоторыми поправками к одной широко известной статье Клода Шеннона. Оказалось, что Женя сделал не поправку – у Шеннона все было верно, – а весьма интересное развитие одной из формул Шеннона. Мы начали переписываться, а потом и перезваниваться. У меня также появились некоторые идеи. Мы работали параллельно, звоня друг другу, как только появлялось что-либо интересное. В результате появился цикл совместных статей, а Женя попросился ко мне аспирантом.

И вот, спустя, наверное, лет десять, Женя с Эллой приехали в Москву. Как оказалось, они приехали к нам попрощаться перед отъездом в Америку...

Честно говоря, меня их решение даже ошеломило. Скорее всего, потому что не хотелось терять близкого человека – отъезд на Запад, это, как смерть, оттуда обратной дороги нет... Я начал его отговаривать, пытаюсь убедить его, что подобный шаг ему делать уже поздно: он не успеет заработать в Америке пенсию, да и с языком будут сложности...

Он рассказал мне свою историю. Когда его отец только прослышал о намерениях сына эмигрировать, он был взбешен: инвалид войны и убежденный коммунист Израиль Львович не мог даже помыслить, что его сын собирается покинуть Родину!

Но все же Женя начал оформлять документы. В процессе потребовалась копия свидетельства о смерти бабушки, матери отца. Видимо, были вопросы, связанные с ее пропиской в той же родительской квартире. Когда Женя пришел в ближайший киевский Загс, чтобы заверить копию, ему наотрез отказали:

- Мы евреям таких копий не заверяем! Вы это все из-за получения наследства делаете!

Казалось бы: А хотя бы и так! Что из этого?

Вот так было на милой его сердцу Украине... Пожалуйста, господа жовтнёво-блакитные, не валите все на ненавистных вам кацапов и более того – москалей: у вас и своей сволочи было (да, наверное, и есть) предостаточно!

Пришел Женя домой несолоно хлебамши... Отец ему не поверил, назвал антисоветчиком, одел парадный мундир с «живыми» боевыми орденами и медалями и направился в тот же Загс. Чем

все это кончилось – вы, наверное, догадались. В других Загсах все повторялось...

После этого плевка в его фронтовую душу и Израиль Львович с женой решили последовать за сыном в немилую сердцу заграницу...

И вот все было, как говорится, «на мази». Недостававшую копию свидетельства о смерти бабушки Женя сделал в Москве без каких-либо трудностей вообще. Видимо, в Москве в отличие от Киева не было озабоченности по поводу «еврейских наследств».

Прощались мы с Таней с нашими киевскими друзьями не без какой-то горечи – жалко было расставаться «навек» с хорошими ребятами.

* * *

Но жизнь полна неожиданностей: иногда она возвращает то, что было, казалось бы, безвозвратно потеряно, а иногда, правда, забывая то, что ты никогда и не думал потерять...

Спустя какие-нибудь два года и мы приехали в Америку: у меня был годовой контракт на чтение лекций в Университете Джорджа Вашингтона. И, конечно же, при первой возможности мы с Таней навестили наших друзей в Бостоне. В Бостон они приехали, так как у них жил там единственный родственник – известный многим многолетний чемпион мира по шашкам Исидор Куперман, который приходился дядей Элле.

Познакомился я там и с родителями Жени, очень приятными и интеллигентными людьми. Жили они по соседству с детьми в таком «старческом доме», который никогда и не снился нам, жившим в стране победившего социализма и в то время все еще натужно боровшейся за несбыточно-параноидальный коммунизм. Получив статус беженцев, они получили автоматически права на достойную старость: жили они скромно, в маленькой однокомнатной квартирке – спальня и относительная большая кухня, где мы размещались вшестером за крохотным круглым столиком, когда заходили к ним в гости. Всюду по квартире – в спальне, на кухне, в туалете, в прихожей – были разбросаны по стенкам кнопки для вызова постоянно дежурившей в здании медсестры, которая моментально прибегала с полным набором необходимых неотложных лекарств именно для тех, кто ее вызывал. В доме был и буфет для тех, кто не мог или не хотел готовить сам себе пищу, клуб, где пенсионеры ко-

ротали время за игрой в лото или за традиционными «беседами на лавочке около подъезда».

Посылать престарелых родителей доживать спокойную старость – это не отказ от них, а наоборот обеспечение их полнокровной (по их возможностям) жизнью. Вообще говоря, это могут позволить себе либо люди весьма состоятельные, либо беженцы из бывшего Советского Союза, которые получают более, чем приличную, государственную дотацию.

Правда, отъезд всего Жениного семейства оказался не так прост: в Вене, где беженцев «выдерживали» в каком-то то ли политическом, то ли медицинском карантине, Израилю Львовичу, болевшему и до того диабетом ампутировали ногу по колено. Возможно, что ему даже повезло, что случился тромб в Австрии, а не в ридной Украине... Словом, потерял он ногу, которую не успел в свое время потерять на фронте. Но уж такая неистребимая порода наших отцов-фронтовиков: они беззаветно любили жизнь и умели радоваться жизни, даже многое в ней потеряв... Таков был и Израиль Львович.

ГАЛОПОМ ПО ЕВРОПАМ

Халява, please

В 1969 году я поехал на конференцию ИФОРС'а в Венецию. Частично об этой поездке я уже писал в Тетрадке-1. Хочется вспомнить еще один интересный эпизод, связанный с той поездкой. Главным героем этого эпизода станет Михаил Михайлович Лопухин, или Мих-Мих, как его звали между собой его друзья.

Большинство советских обывателей считает, что в КГБ работают только монстры. А вот мне почему-то везло с людьми «оттуда». Мих-Мих, например, – прекрасный организатор, ученый (он доктор наук), широко образованный человек. Но главное, что он обаятельный и душевный человек. Скажу, что и в исследовании операций он понимал, на самом деле, не меньше некоторых «профессионалов» из делегации.

После описанных мною уже ранее сложностей с получением визы, мы, наконец, оказываемся сначала в Риме, а потом в тот же день в Венеции.

У меня возникает идея: почему бы нам (а было нас человек восемь) не скинуться привезенной водкой и не устроить прием для «сливок» международного сообщества специалистов по исследованию операций? Жили мы все в шикарной гостинице «Эксельсиор» на знаменитом острове Лидо, в Венецианской лагуне, поэтому собрать народ «на огонек» было просто. Мих-Мих эту идею поддерживает и говорит мне, пойдя в ресторан гостиницы и закажи там подносик канале для закуси. КГБ сказало «надо», делегат ответил – «есть!». Заказал я соответствующее количество этих малюсеньких бутербродиков и... пришлось выложить все свои небогатые суточные. (Давали тогда почти по 12 долларов на день.)

Когда я понурый вернулся, Мих-Мих спросил, сколько я истратил, на что я ответил, что все свои деньги. Он зачем-то спросил, дали ли мне чек и не выбросил ли я его. Чек я не успел выбросить, да и вообще хотел оставить как сувенир – другого сувенира из Венеции я уже привезти бы и не смог! Мих-Мих аккуратненько свернув чек, положил его в свой бумажник.

Пригласили мы весь цвет: Алек Ли и Шарль Сальцман из «начальства», Рассел Акофф, Роберт Макол, Джо Майзер и др. Почти все, естественно, с женами. Всего было одних гостей человек 30. Водки было, хоть залейся. Мой скромный подносик с бутербродиками опустошен был очень быстро.

На следующий день Мих-Мих, бывший, естественно, главой делегации, собрал всех нас и сказал:

- Вчера на закуску Игорь истратил около 120 долларов. Нас восемь человек, стало быть, с каждого причитается по 15 долларов. Здесь совковые ученые повели себя по разному: кто сразу же «отстегнул» пятиалтынный, а некоторые начали канючить:

- Да мы и не хотели этого банкета... Да мы и не ели...

Мих-Мих это позорище быстро пресек, перейдя на достаточно крутой тон, сказав, что это обязательное для всей делегации мероприятие и торги здесь неуместны.

- А кроме того, не забывайте, что все мы здесь, в Италии, только благодаря Игорю: это по его телеграмме в Секретариат ИФОРСа нам итальянцы выдали визу.

Потом, когда мы были уже на обратном пути в Риме, Мих-Мих собрал нас и сказал:

ЗАПИСКИ НЕИНТЕРЕСНОГО ЧЕЛОВЕКА

- Мне в нашем посольстве выдали некую сумму, которую мы можем потратить, как хотим. У меня есть предложение купить вина и фруктов на все деньги и отпраздновать успешное окончание такой интересной командировки!

Все радостно заулыбались и согласились: «Халява, please!».

Когда после закупок вина и провианта, мы сели за дружеский стол, Мих-Мих сказал:

- Вот видите, не зря мы скинулись тогда на наш прием в Венеции – мне в посольстве оплатили чек, который получил Ушаков в ресторане.

Кое у кого морды вытянулись от неожиданности – их обманули! Они ели не на халяву, а на свои кровные!

Зайдя перед отъездом в аэропорт ко мне в номер, Мих-Мих увидел, что я упаковываю альбомы репродукций издательства «Риццоли», среди которых было по три альбома Босха, Брейгеля и Модильяни. Он спросил:

- Почему по три экземпляра?

- Один себе, один – Гнеденко, и один – моему другу Юре Беляеву.

Мих-Мих реквизирует у меня избыточные экземпляры и пошел со мной к нашим коллегам. Там он сказал:

- Пожалуйста, возьмите по экземпляру альбомов, а по прилету в Москву, сразу же после прохождения таможни отдайте их Игорю.

После эпизода с банкетами в Венеции и в Риме ему никто не прекословил.

Мне он объяснил:

- В таможне в лучшем случае у тебя отобрали бы дубликаты, а то еще и телегу бы накатали на работу, обвинив в попытках провезти товар на продажу.

Чтобы завершить портрет этого замечательного человека, расскажу напоследок еще один случай. Мы подружились и частенько бывали друг у друга в гостях. Однажды, будучи у него, я увидел «1984» Джорджа Орвелла. Будучи наслышан о книге, попросил ее почитать. Спустя где-то год-полтора, я попросил его опять почитать эту же книгу, поскольку мой английский за это время улучшил-

ся и я подумал, что глубже погружусь в фантазмагорический орвелловский мир. Михаил Михайлович спросил:

- А тебе что, мало нашей советской действительности, что ты решил Орвелла перечитать?

Вчера я позвонил в Москву по знакомому телефону. Немного волновался, потому что это настоящее свинство не звонить друзьям больше десяти лет! К телефону подошел юноша. Я спросил Михаила Михайловича или Евгению Михайловну. «Бабушка, звонит друг Михал Михальча!» Подошла жена, я поздоровался, Евгения Михайловна узнала меня по голосу... Она сообщила мне, что Мих-Мих умер еще в 1998... Мы поговорили и договорились писать друг другу: ведь нас многое связывает через светлую память Михаила Михайловича...

А теперь, напоследок, еще один эпизод. Где-то в начале 1980-х Мих-Мих подготовил докторскую диссертацию и попросил приехать к нему на фирму, чтобы помочь ему кой с какой математикой. Я знал, что был он директором какого-то информационного центра. Я приехал, но оказалось, что центр этот не такой уж простой – в проходной стояли джеймсы бондики с оттопыренными с правой стороны лапами пиджаков. Я сказал, что я к товарищу Лопухину. У меня попросили документы, которых у меня, естественно, не было – кто же в Москве летом носил документы? Меня не пустили. Я позвонил по местному телефону Мих-Миху. Он меня покорила за растяпистость и спросил:

- Ну, а что у тебя с собой вообще есть?

- Да ничего кроме записной книжки с вашим телефоном...

- А какого цвета книжка?

- Бордового...

Тут я понял, что он, видимо, включил селектор, поскольку я услышал его голос на пропускном пункте:

- Там ко мне пришел молодой человек с бордовой записной книжкой. Проведите его, пожалуйста, в мой кабинет.

Самое смешное, что у меня, действительно, потребовали предъявить записную книжку, после чего под конвоем молодого человека с пистолетом на боку привели в кабинет. Все время, пока мы

беседовали, и я читал работу, часовой стоял на своем посту под дверью...

ПРО МОИХ ДЕТЕЙ

Картина под цвет обоев

Мы с Таней купили, наконец-то, долгожданную кооперативную квартиру! Жена моя прирожденный художник в части интерьера. Она долго мучилась, подбирая рисунок и цвет обоев – а комнат у нас было целых три да еще и кухня. Как все понимают, кухня в России – это главное место в любой квартире. По крайней мере, так было в мое время.

Чтобы как-то украсить кухню, Таня попросила меня нарисовать что-нибудь подходящее по цвету к бежевым обоям.

- Только, пожалуйста, без своих импрессионистских штучек! Нужно что-нибудь скромное, монохромное.

Но что я мог с собой поделаться? У меня кисть сама прыгала от краски к краске и из-под нее на свет Божий выползала какая-то разноцветная мозаика. Я никогда рисовать не учился, все мои познания шли от наблюдения за тем, как учился рисовать мой сын, Слава, а уж он-то стал профессиональным художником.

Воблы

Однажды, когда Слава заехал к нам в гости, я спросил его, как мне добиться монохромности изображения. Совет его был предельно прост и даже очевиден. Спросив меня, в какой гамме я хотел бы рисовать, он посоветовал выложить на палитру только четыре краски: белую, желтую, коричневую и черную и смешивать их в нужных пропорциях. «Только никогда не используй чисто черную краску – чисто черного цвета в природе нет!»

И вот я взялся за дело. Рисовал я кучку воэб, лежащих на столе на разделочной доске, а рядом – зловещий кухонный нож... Едва дав подсохнуть краскам, мы втиснули картинку в рамку и повесили на стенку в кухне над столом около окна.

Когда в следующий раз пришел сын, мы все втроем пошли на кухню пить чай. Слава, заметив мою картину, одобрительно сказал:

- Мне это очень нравится! И цветовая гамма выдержана. Вот видишь в монохроме есть своя прелесть... А что тебя толкнуло на это?

- Да вот Таня попросила меня нарисовать что-нибудь под цвет обоев...

Такого я еще никогда не видел. Слава изменился в лице, молча встал со стула, пошел в прихожую, надел плащ, молча кивнул Тане, и ушел... Я стоял, ничего не понимая.

- Догоняй Славу, пока он не сел в автобус! – Сказала мне Таня.

- А в чем дело? – Непонимающе спросил я.

- Догони и приведи обратно, потом все поймешь! Быстрее, быстрее!

Я, как был – прямо в домашних тапочках, выскочил в осенние морозящие сумерки и побежал на автобусную остановку. Я успел – к счастью, автобусы у нас ходили не так уж часто...

Мы вернулись вместе. Таня усадила нас опять за стол. Когда первые эмоции схлынули, я спросил:

- Слава, что произошло?

- Папа, никогда больше не делай таких пошлых вещей... Нельзя рисовать под цвет обоев! Это профанация искусства.

- Слава, но это же не искусство, а декорация, да и я вовсе не художник!

Тбилиси. Храм Метехи.

* * *

Второй раз мне досталось от сына «на орехи», за мою «коррекцию» своей картинке с тбилисским видом на обрывистый берег Куры с храмом Метехи в левом верхнем углу. Картина была великовата – размером чуть ли не с газетную страницу, никуда ее не пристроишь, а выбрасывать вроде бы жалко. Я вырезал фрагмент с Метехским храмом, и получилась миниатюрка размером чуть больше ладони.

Сын опять был расстроен:

- Ведь у тебя там была неплохая композиция! А ты все испортил!

Я так, честно говоря, не считаю – не было никакой особенной композиции, а к тому же еще сбоку от Метехи торчала нелепая телевизионная башня... Но пришлось промолчать, понутив виновную голову. А, как известно, повинную голову меч не сечет...

ПРО СЕБЯ

О чем не умолчишь

Когда пишешь о себе, то почему-то из головы выпадают эпизоды, которых надо стыдиться. Таково, наверное, свойство человеческой природы – подсознательное оправдание своих неблагоприятных или даже мерзких поступков. Я не являюсь исключением.

Уже написав свои воспоминания, я подумал: но ведь где-то я вел себя не так? Сознаюсь, что рылся я в памяти долго, но нашел-таки.

* * *

Жизнь свела меня с одним замечательным человеком – Борисом Рувимовичем Левиным. Я как-то, уже будучи кандидатом наук, послал статью в журнал «Радиотехника», где Б.Р. Левин был членом редколлегии. Статья моя его, видимо, заинтересовала, он позвонил мне и предложил подъехать куда-то в нейтральное место (работали мы оба тогда в «режимных организациях»).

Я зал по публикациям, что Б.Р. Левин, один из крупнейших специалистов в статистической радиотехнике, занимается и вопросами теории надежности. О чем мы говорили с Борисом Рувимовичем, я не помню, но контакты наши стали постоянными. Он несколько раз приглашал меня оппонировать своим аспирантам, а однажды мы даже написали с ним большую обзорную статью по теории надежности. Бывал я у него и дома, познакомился с его женой, которую, кажется, звали Бронислава, и с сыном, тогда еще школьником-младшеклассником.

Однажды мы поехали с Борисом Рувимовичем на защиту диссертации в какой-то приволжский Едрёнавошенск. Ехали мы на одном из тех поездов, про которые ходил вопрос-анекдот: «Что такое: длинное, зеленое и пахнет колбасой?» Действительно, это было то самое время «постоянно растущего благосостояния советского народа», когда вся страна ездил в Москву «отovarиваться» за колбасой, мясом и даже крупами.

Сидим мы вдвоем в купе, предвкушаем приятную поездку. Вдруг дверь с грохотом раздвигается и в проеме появляется амбал да еще навеселе...

Бросив рюкзак на сиденье, он садится рядом со мной, буквально прижимая меня к окну, и зычно-пропитым голосом говорит: «Будем знакомы! Вася!» Борис Рувимович, который был старше меня минимум лет на десять, представляется: «Борис Романович...»

И тут амбала, как прорвало:

- Борис, говоришь?.. А может, Борух, ха-ха?

Нужно заметить, что у Левина была, я бы сказал, изящная внешность еврея-интеллигента с традиционно грустно-ироничными глазами. Я понял, что Борис Рувимович, предвидя возможные анти-семитские выходки, изменил свое отчество, но пределу агрессии подвыпившего амбала не было границ.

- Домой вертаешься из столицы? Пока мы воевали, вы, жидаы, по углам отсиживались?!

ЗАПИСКИ НЕИНТЕРЕСНОГО ЧЕЛОВЕКА

- Да нет... Я всю войну прошел... – спокойно ответил Борис Рувимович. – Я был фронтовым связистом.

- Связистом... Так и прошел всю войну без царапинки/ А я сапером был! Вишь, на руке пальце не хватает? Оторвало!

Эта наглая речь «великоросса» продолжалась еще долго....

Сейчас я думаю, почему я сидел и молчал? Наверное, было страшно. Да и выступать против старших я не умею.

Но это опять пошли оправдания... Струсил... И вот уже полсотни лет, если и вспоминаю этот эпизод, то со стыдом...

* * *

Второй постыдный эпизод. Был у меня в школе очень хороший приятель, с которым мы дружили и после окончания школы – Вадим Опекунов. Я частенько бывал у него дома, меня всегда привечала его мать и младшая его сестренка все время ластилась ко мне. Словом, в этой семье я был своим человеком.

Вадим поступил в Академию Жуковского, вскоре стал там чемпионом по плаванию. После первого курса мы с ним даже вместе ездили Чемитоквадже, под Сочи, он в военный санаторий, а я снимал рядом «дикарем». Он учил меня плавать разными стилями. Заплывали мы с ним так далеко, что на горизонте уже трудно было разглядеть людей, а виден был только вонзенный в небо частокол кипарисов...

И вот я узнаю страшную новость: Вадим утонул в одном из Подмосковных озёр ... Как потом объяснили. Видимо, попал в зону холодного ключа, произошел спазм сердца, потеря сознания и...

... На кладбище меня увидела его мама. Подошла, беззвучно рыдая, обняла меня и уткнулась мне в плечо...

ЗАПИСКИ НЕИНТЕРЕСНОГО ЧЕЛОВЕКА

Я успокаивал ее, как мог...

Потом, когда мы прощались, она подняла на меня красные от слёз глаза и сказала: «Приходи к нам, Игорёк...»

И я ни разу не пришел. Я опять струсил. Мне было страшно видеть это горе, чувствовать себя как бы даже виноватым – вот я жив, а Вадима нет...

Только спустя много лет я понял, что поступил бесчеловечно, что мое появления в этом доме – да, напомнило бы матери Вадима – но ведь она о нем никогда и не забывала! А внимание человеку в горе ведь так нужно...

* * *

ЭПИЛОГ

Ну, вот пришло время и про себя рассказать... Хотелось бы избежать шаблонной анкеты типа «Нет. Нет. Не был. Не привлекался. Да, а что? Нет. Нет. Нет». Но немножко в таком духе придется.

1935. Русский. Из семьи военнослужащего. Неверующий христианин. Бывший член КПСС. Невозвращенец. Straight (т.е. не «гомик»). В здравом уме. В не очень крепкой памяти. Под судом и следствием пока не состоял. Ни я, ни мои родственники в плену¹⁸ или интернированы не были. Родственников за границей не имею (сам там живу).

Родился в г. Ленинграде, где и проживал с родителями на ул. Войнова, пока вопреки своей воле не был вывезен в возрасте двух лет родителями в г. Москву в связи с переводом отца по службе. Во время войны семья была эвакуирована в г. Свердловск. В 1943 вернулся в Москву и прожил там до 1989 года, когда выехал в США по приглашению Университета Джорджа Вашингтона (Washington, D.C.), где и застрял. Проживал в Арлингтоне, недалеко от всем известного Арлингтонского кладбища. В 1996 переехал жить и работать в Сан-Диего, где нынче и нахожусь. Где здесь кладбище – пока не знаю.

Разведен и вновь женат. Первая жена – Лидия. Из рабочей семьи. Ее отец, Алексей Кузьмич Березкин, был в Испании во время тамошней Гражданской войны, собирал военные советские самолеты для Республиканской армии. Был награжден орденом Красной Звезды, который сначала не носил, опасаясь преследований со стороны НКВД, а потом уже не одевал его уже просто по привычке. Всю сознательную жизнь проработал на заводе Туполева. Ее мать, Екатерина Григорьевна, – всю жизнь проработала на прядильной фабрике. Оба выходцы из крестьянских семей.

Вторая жена – Татьяна. Из семьи, если так можно сказать, «военно-крестьянской»: ее отец, Вячеслав Алексеевич Бабанов, возвращаясь с войны, женился на латгальской девушке из крестьянской семьи. На войну его забрали в 18 лет, и он прошел ее с первого до

¹⁸ Если не считать плена марксистско-ленинской идеологии на протяжении многих лет.

последнего дня, получив в меру и наград, и ранений... Мать моей жены, Елизавета Фоминична, в девичестве Маслобоева, из рода тех давних старообрядцев, которые бежали на Запад от церковных православных ортодоксов и осели в Восточной Латвии несколько веков назад.

Кстати, о фото, которое вы увидите на следующей странице. Это я – «от соски до бутылки». Вот она – вся жизнь... Кто-то из моих друзей сказал, что мой фотомонтаж пугает – вся жизнь в картинках на одной странице...

Дети мои, а их четверо – двое от первого брака, а двое – моей второй жены, уже происходят из «советской интеллигенции». Вот они, в порядке убывания возрастов:

Татьяна Ушакова, Святослав Ушаков, Михаил Воронков, Кристина Ушакова. Следующее поколение за ними: Алексей и Петр (Танины), Анастасия (Славина), Алиса и Артур (Мишины).

Моя мама прожила до 95 лет, обладая совершенно фантастическим здоровьем. Эх, мне бы ее гены! Можете себе представить: у нее за всю жизнь ни разу не болели зубы!

Отец, правда, умер рано – он не дожил и до семидесяти...

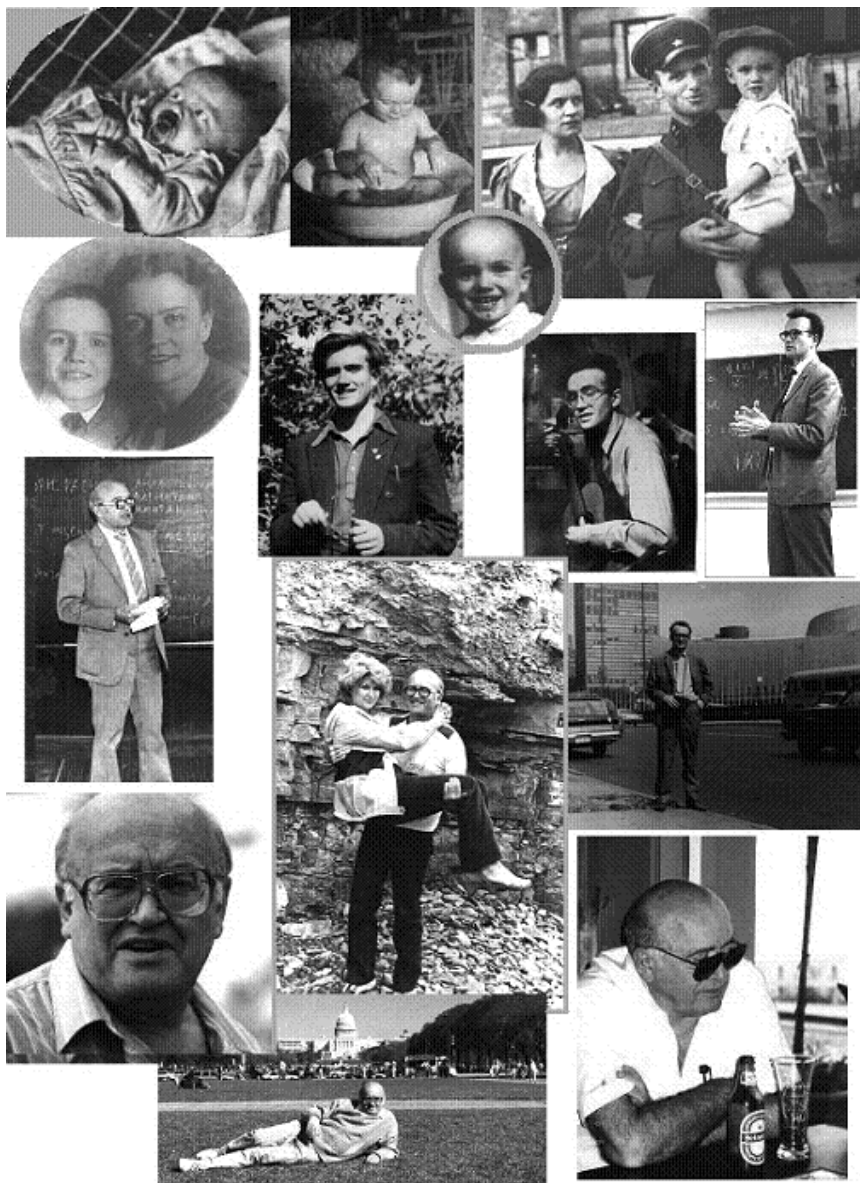
* * *

Так кто же я?

В моем вполне зрелом возрасте я задался вопросами: Кто я? Откуда я? Куда я иду? Единственное, что я знаю наверняка, так это ответ на вопрос: Куда я иду?

Я многое помнил еще по рассказам своей любимой бабушки, Царствие ей Небесное (она была «пассивно» верующей, но истинной христианкой). Часть я узнал совсем недавно от своей мамы, которая в свои 90 с хвостиком лет обладала памятью и светлым умом, который я желал бы иметь и в свои уже прошлые 60 лет.

Как многие из нас, я тоже «Иван, не помнящий родства». Хотя во многом это объясняется тем, что мои родители предпочитали свое родство не вспоминать. Ведь кое-какая правда была просто смертельно опасна в сталинские времена.

Коллаж: «От соски до бутылки».

Дед по отцовской линии, Андрей Платонович Ушаков, ушел на заработки в Самару из одного из окрестных сел, да так и осел в городе.

Мой дед по материнской линии, Николай Арсеньевич Розов, был сыном священника одного из Самарских приходов, который, как тогда и водилось, вел «по совместительству» церковно-приходскую школу. Ему «повезло»: он умер естественной смертью, не дождавшись большевистских репрессий.

Сыновей своих – погодков Николая и Михаила – мой прадед определил в юнкерское училище, которое те благополучно закончили, получив нижний армейский чин подпоручиков.

Николай и Михаил воевали на Германской войне. Михаил попал в плен. Когда настало время возвращаться, его мать, Олимпиада, в переписке отсоветовала ему делать это – как-никак, а царский офицер да еще из германского плена! Так он и остался в Европе, потом связь с ним была потеряна. В семье говорили, что он то ли в Америке, то ли в Испании, о которой мечтал всю юность, ибо испанские женщины тревожили его юношеский ум.

Но оказалось, что все время он прожил во Франции, в Париже. При всей его любви к женщинам, остался бобылем, хотя любовь к женщинам, заметим, не всегда приводит к женитьбе. Лет уж двадцать назад Инюрколлегия разыскивала его родственников, среди коих оказалась и моя матушка. (Время о котором я пишу и общее влияние стиля изложения повернуло мой язык сказать «матушка», а не «мама», хотя ранее по отношению к ней я слова этого никогда не употреблял даже

**Мои деды –
Андрей Платонович Ушаков
и Николай Арсеньевич Розов**

про себя – ох, литература, литература!) Наследство оказалось «огромным»: на 10 наследников досталось почти 100 тысяч франков, т.е. около 20 тысяч долларов. Остальное растеклось по карманам различных французских и российских ведомств... (А ведь кроме «мелочевки», остался дом в Париже, который стоил уж не меньше 400-500 тысяч долларов. Но это наследников уже не коснулось!)

Умер дедушка Миша в одиночестве, было ему под сто лет. О чем я жалел, так это о том, что, будучи в Париже раз пять, я ни разу не попытался его найти именно там... Я его искал в Америке, в Канаде...

А ведь именно в старости всем нам так нужно внимание!

* * * * *

Моего деда, Николая Арсеньевича, революция застала под Самарой в частях царской армии, которая еще не стала Белой Армией. В смутное время он вернулся в Самару, домой.

Еще до войны, году в 1911, он женился, несмотря на протесты своей матери, на 18-летней безродной деревенской девушке, увидевши ее однажды в церковном хоре, где она была солисткой. Через год родилась моя мама...

Вскоре после его возвращения домой начались поиски «врагов рабоче-крестьянского государства» (тогда еще до «врагов народа» не додумались). Моя бабушка прятала мужа в подпол каждый раз, когда кто-нибудь подозрительный приближался к дому. Соседи обо всем знали, но никто не донес. А оснований для доноса у какого-нибудь добропорядочного Павлика Морозова было более, чем достаточно: Николай Арсеньевич был поповичем да к тому же «почти» белым офицером.

Но вот однажды пришли солдаты, которыми он командовал еще в царской армии. Практически все подразделение перешло на сторону Красной Армии. По тогдашним порядкам солдатский комитет сам выбирал себе командира, вспомнили об «Арсеньиче», кто-то бывал раньше у него дома, пришли... Кончилось тем, что Николай Арсеньевич стал красным командиром и его прегрешения – поповское происхождение и служба в царской армии – были прощен-

ны. Прослужил он в Красной Армии около двух лет, было это время борьбы с «голубыми чехами¹⁹».

Потом его направили в Ташкент делать тоже что-то революционное. Там он пробыл около трех лет и вернулся в Самару уже демобилизованным.

Вернулся он потому, что его мать сказала, что в Самаре за мешок муки можно было купить дом. Время в Поволжье было тяжелейшим: голод косил и старых и малых своей безжалостной косой... Потратив все семейные ресурсы, дед купил мешок муки и поехал на родину.

Но все вы знаете, что нет ничего опаснее возвращаться на родину. Когда человек возвращается, у других всегда сразу же возникает вопрос: а чего бы это тебе надо было уезжать? Родина не прощает «адюльтера», даже если она сама отправляет кого-то на чужбину на время, ну, как Авраам отдал Сарру в наложницы к какому-то египетскому царю. На железной дороге шла железная чистка. Арсения, несмотря на бывших при нем жену и дочку, посчитали «мешочником», а чтобы он таковым не был, мешок с мукой конфисковали...

Так они и вернулись в Самару несолоно хлебамши! В Самаре он устроился работать в каком-то советском учреждении – как-никак, человек с образованием. Вскорости он сгорел от скоротечной чахотки...

* * * * *

Очень интересным, а для меня и самым дорогим человеком, была моя бабушка, Елена Степановна Розова, в девичестве Бургутова. Была она деревенская, из огромной семьи, в которой было что-то 16 или 18 детей, из которых с десятков «Бог прибрал» еще младенцами. Я знал только четырех ее младших сестер, одна из которых была возраста моей мамы. Жили они в селе Чёрновка под Самарой, где бабушка пела в церковном хоре. Когда семья переехала в Самару, она стала солисткой церковного хора. Голос у нее, как рассказывали самарские родственники, был уникальным по тембру, чистоте и силе. Такого колоратурного сопрано, как говорили, на Руси

¹⁹ Не подумайте плохо, те чехи не были «голубыми» в нынешнем понимании этого слова. У них, кажется, голубой цвет превалировал в их униформе.

давно не было. На церковные службы, где она пела, приезжали купцы со всей Волги...

Один из поклонников, богатый купец предложил за свои деньги послать ее учиться в Италию, тогдашнюю Мекку оперных певцов. Бабушка моя уж было согласилась, но тут вспыхнула любовь с молодым офицером весьма мопассановского типа, как можно судить по семейным фотографиям. Куда перевесили весы, понятно – иначе не читать бы вам этих тетрадок!

Любила бабушка своего Николая, что говорится, без памяти, хотя и водились за ним грешки. «Я любила его, как кошка, хотя он и был ветреный мужчина».

Когда умер ее муж, моя бабушка так горевала, что в плаче сорвала голосовые связки. Она пыталась петь для меня свои любимые вещи, но могла это делать только буквально шепотом, поскольку иначе звук вообще не выходил из ее губ...

Я называл свою бабушку «Мама». Она и моя мама каким-то удивительным способом различали, кого из них я зову. Для многих детей военных лет, кому повезло иметь бабушку, бабушки стали самыми близкими, ведь они отдавали нам больше всех остальных вместе взятых любви, тепла, внимания...

Я глубокий атеист, но всем христианским добродетелям, которые у меня есть, я обязан своей бабушке. Она рассказывала мне много библейских притчей и сюжетов, хотя никогда не бормотала молитв и не ходила в церковь. Она могла перекреститься, но это было что-то такое личное, что у меня не вызывало представления о потусторонних субстанциях. Я думаю, что именно ей я обязан верой в себя, верой в необходимость нести добро в себе, не напоказ, верой в необходимость любви к ближнему, как к естественному состоянию человеческой души.

* * * * *

Когда умер Николай Арсеньевич, семья осталась в совершенно бедственном положении. И тогда друг Николая Арсеньевича, фамилия которого была Фридман – большего моя мама вспомнить не смогла – помогал семье друга, как только мог. Он устроил нескольких своих знакомых к бабушке «нахлебниками», которые приходили столоваться у нее. (А бабушка моя была отличная кулинарка!) Мама помнит только одного – учителя, который запомнился ей

своей интеллигентностью и добрым отношением к ней и ее маленькой сестренке.

Однажды Фридман попросил мою бабушку принять в гости его двух сыновей, которые жили в другом городе. Дело в том, что он не хотел, чтобы кто-нибудь видел, что сыновья его приехали к нему. Они приехали в дом к Розовым, пришел туда и их отец. Он настоял, чтобы сыновья под его диктовку написали отречения от своего отца, который был предприимчивым и удачливым нэпманом и в добавок – как вы поняли – евреем. Мама совершенно отчетливо помнит, как сыновья плакали, не желая отказываться от отца, и как тот настоял на своем. Четырнадцатилетней девочке, только что потерявшей отца, трудно было понять, зачем нужно детям добровольно отказываться от своего отца.

Интуиция и жизненный опыт не подвели Фридмана: через 3-4 месяца его схватили и сослали на каторгу, где он умер от истощения. Сыновья его больше на горизонте семьи Розовых не возникали. Может, и они хотели оградить добрых людей от тени крамольной связи с семьей репрессированного?

* * * * *

Так кто же я? Для полноты картины нужно проверить и мои сомнительные родословные корни.

По женской отцовской ветви корни уходят к коми-зырянам, северной народности, проживавшей на территории нынешней Коми. Во всяком случае, я не могу отрицать, что комик во мне живет! Они, как и мордва, имели какие-то дальние финские корни.

По мужской отцовской ветви корни уходят куда-то в Туретчину или Среднюю Азию. Как мне пояснил мой узбекский аспирант Акмаль Усманов, фамилия Ушаков – не русская, так как имеет своим корнем тюркское слово «УШАГ», что означает «маленький мальчик». Поэтому и прозвище Федора Федоровича Ушакова – «Ушак-паша» – имело смысл, когда после побед русских над турками этим именем турецкие мамаша пугали своих маленьких турченят!

По маминой линии, моя бабушка происходит из крепостных крестьян по фамилии Бургутовы, что восходит опять же к тюркскому «беркут», т.е. по-русски она была бы «Елена Орлова». Окончание «овы» к «бургуту» было добавлено, когда отменялось крепостное право. А сами Бургуты – калмыки.

Моё «гинекологическое» дерево

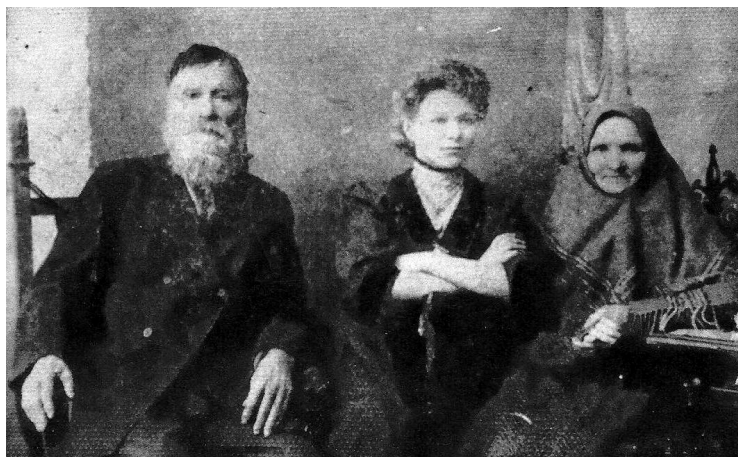
БУРГУТОВА Елена Степановна	РОЗОВ Николай Арсеньевич	???	УШАКОВ Андрей Платонович
калмычка	выкрест	зырянка	русский

Мой дедушка по маминой линии имеет необычную для русского человека «цветную» фамилию Розов. Я что-то не припомню никого, кроме евреев с фамилией Розов, хотя она и реже появляется, чем «Черненький», «Беленький», «Зеленый» и проч. У меня есть предположение, что Розовы – какие-то давние выкресты, причем настолько давние, что мой прадед сам был православным священником.

Так что сидят во мне «и финн ... и друг степей калмык». А уж русские, наравне с татарами, в моем «коктейле крови» наверняка составляют основу.

Кстати, сохранилась у меня фотография и моего прадеда Платона Ушакова с женой Лукерьей и старшей дочкой.

И еще – почти опасная по прежним временам фотография деда в царской офицерской форме...

Среди предков моих есть и православные, и буддисты и магометане... Это ли не дает мне право иметь своего персонального «беспартийного» Бога? (Шутка, не обижайтесь, кого это может задеть: я же отчасти «комик».)

ПРОЩАНИЕ

Вот и настало время прощания, дорогой читатель...

Помните, у Андрея Платонова в «Котловане» описывается прощание крестьян, из коих некоторые были обозначены как «кулаки» и должны были быть сплавлены по реке на плоту в неизвестность?

«И сказав последние слова, мужик обнял соседа, поцеловал его трижды и попрощался с ним.

- Прощай, Егор Семеныч!

- Не в чем, Никанор Петрович: ты меня тоже прости».

До чтения Платонова я никогда не задумывался над этим глубоким смыслом русского «Прощай!»

Подшло к концу то, что я писал для вас... А может, для себя? Но это неважно, в конце концов. Какое-то время вы провели наедине со мной, а я с вами. На твое «Прощай», читатель, я хотел бы ответить: «Ты меня тоже прости...»

И все же, нет, не прощай, а до свидания!

Всех благ каждому из вас.

Спасибо... (И опять же вслушайтесь: «Спаси-бог».)

* * *

* * *

* * *

Список действующих лиц Книги-2:

Акофф, Рассел – известнейший американский специалист по исследованию операций, был Президентом Американского Общества по исследованию операций. Автор нескольких книг, переведенных на русский язык.

Андерсен, Теодор – один из крупнейших американских статистиков, член Национальной академии США. Автор нескольких книг, переведенных на русский язык.

Байхельт, Франк – известный современный немецкий математик.

Башкова, Елена Станиславовна – дочь Станислава Викентьевича Коспора, одного из активных организаторов репрессий на Украине, позднее сам ставший их жертвой.

Белоцерковский, Олег Михайлович – академик АН СССР, ректор МФТИ.

Беляев, Юрий Константинович – профессор, доктор наук, лауреат Госпремии СССР, один из крупнейших советских и российских специалистов по теории надежности. Автор многих книг по прикладным проблемам теории вероятностей.

Берг, Аксель Иванович – зам Министра Обороны, академик АН СССР, Герой Соцтруда, Председатель Совета по кибернетике.

Береговой, Георгий Тимофеевич – летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза.

Бир, Стаффорд – известнейший английский специалист в области исследования операций и кибернетики. Автор нескольких книг, переведенных на русский язык.

Болотин, Владимир Васильевич – академик РАН.

Бурцев, Всеволод Сергеевич – академик РАН, лауреат Ленинской премии, директор Института высокопроизводительных вычислительных систем РАН, зав. кафедрой МФТИ.

Бусленко, Николай Пантелеймонович – членкор АН СССР, заведующий кафедрой в МФТИ и Институте нефти и газа им. И.М. Губкина. Автор фундаментальных трудов по методу Монте-Карло.

Вентцель, Елена Сергеевна – профессор, доктор наук, автор популярного учебника по теории вероятностей, член Союза Писателей СССР. Автор многих пьес и романов.

Воронов, Авенир Аркадьевич – академик АН СССР, директор Института Кибернетики во Владивостоке.

Глушков, Виктор Михайлович – академик АН СССР, вице-президент АН УССР, основатель и бессменный директор Института кибернетики АН УССР, «главный кибернетик Советского Союза»

Гнеденко, Борис Владимирович – известный советский математик, академик АН Украины, лауреат Госпремии СССР, автор учебника по теории вероятностей, по которому училось не одно поколение советских студентов, основоположник советской и российской школы надежности.

Григорьев, Валентин Александрович – ректор Московского Энергетического института.

Гришин, Виктор Васильевич – член Политбюро ЦК КПСС, Первый секретарь МКК КПСС.

Дородницын, Анатолий Алексеевич – академик АН СССР, Герой Социалистического Труда, директор Вычислительного Центра АН СССР.

Дружинин, Георгий Васильевич – профессор, доктор наук, автор одной из первых монографий по теории надежности.

Евтушенко, Юрий Гаврилович – академик РАН, директор Вычислительного Центра им. А.А. Дородницына.

ЗАПИСКИ НЕИНТЕРЕСНОГО ЧЕЛОВЕКА

Емельянов, Станислав Васильевич – академик РАН, лауреат Ленинской премии, зам. Директора ИПУ.

Калабаин, Семен Афанасьевич – директор Клемёновского детдома, прототип Семена Карабанова из «Педагогической поэмы» Макаренко.

Калабаина, Галина Константиновна зам. директора детского дома, прототип «черноглазой черниговки» из «Педагогической поэмы» Макаренко.

Кетгель, Джон – американский математик, известный трудами в области надежности.

Климов, Геннадий Павлович – профессор МГУ, доктор наук.

Коломогоров, Андрей Николаевич – один из самых выдающихся в мире математиков XX века, один из крупнейших математиков России за всю ее историю, академик АН СССР.

Коненков, Юрий Кириллович – внук известного русского скульптора Сергея Тимофеевича Коненкова.

Коптюг, Валентин Афанасьевич – академик РАН, Председатель СО РАН, Вице-президент РАН.

Королев, Лев Николаевич – членкор РАН, зав. кафедрой МГУ.

Краснощеков, Павел Сергеевич – академик РАН, зам. директора ВЦ АН СССР, зав. кафедрой МФТИ.

Кузнецов, Побиск Георгиевич – советский ученый.

Лавочкин, Семен Алексеевич – выдающийся советский авиаконструктор, Герой Социалистического Труда, академик АН СССР.

Ласточкин, Гурий Владимирович – пианист, друг и однокашник Святослава Рихтера.

Ласточкина, Елизавета Гурьевна – Герой Труда, директор Школы им. Е.Г.Ласточкиной в Самаре

Лев Арденнских лесов – герой Бельгийского Сопротивления (*если кто знает его имя и фамилию, сообщите, пожалуйста!*)

Левин, Борис Рувимович – крупный советский специалист в области радиотехники. Автор нескольких книг.

Леонов, Алексей Архипович – летчик-космонавт, Герой Советского Союза.

Ли, Алек – канадский специалист по исследованию операций, Президент Международной Федерации обществ по исследования операций.

Лопухин, Михаил Михайлович – доктор наук, директор Информационно-вычислительного центра КГБ, потомок Евдокии Лопухиной – первой жены российского царя Петра I.

Макол, Роберт – крупный американский специалист в области исследования операций и системотехники, был Президентом Американского Общества по исследованию операций. Автор нескольких книг, переведенных на русский язык.

Матсуда, Такехико – Президент Токийского Университета, Президент Международной Федерации обществ по исследования операций.

Митюшин, Юрий Борисович – доктор наук, директор ЦНИИ «Электроника».

Моисеев, Никита Николаевич – советский и российский математик, академик АН СССР, зам директора ВЦ АН СССР. Автор многих книг.

Морз, Филип – крупный американский ученый, основоположник теории исследования операций, Президент Международной Федерации обществ по исследования операций.

Новикова, Галина Евгеньевна – Заслуженный художник России.

Образцов, Иван Филиппович – Министр Высшего и Среднего Образования РСФСР, заведующий кафедрой Московского Авиационного института.

Пажитнов, Алексей – изобретатель компьютерной игры «Тетрис» (сейчас сотрудник американской фирмы «Микрософт»).

Панов, Дмитрий Юрьевич – советский ученый, организовал Всесоюзный институт научно-технической информации (ВИНИТИ), и создал МФТИ на базе физико-технического факультета МГУ, на котором был деканом.

Петров, Борис Николаевич – академик АН СССР, Академик-секретарь Отделения механики и процессов управления, Гл. редактор журнала «Техническая кибернетика».

Половко, Анатолий Михайлович – профессор, доктор наук, один из основоположников ленинградской школы надежности, соавтор первой в СССР книги по расчету надежности.

Прохоров, Юрий Васильевич – академик АН СССР, один из крупнейших советских вероятностников, заведующий кафедрой МГУ.

Рихтер, Святослав Теофилович – советский и российский пианист, один из крупнейших музыкантов XX века.

Романов, Николай Архипович – инженер, один из основоположников ленинградской школы надежности, соавтор первой в СССР книги по расчету надежности.

Руденко, Юрий Николаевич – академик АН СССР, директор Сибирского Энергетического института им. Л.А. Мелентьева, академик-секретарь Отделения Энергетики и Транспорта АН СССР

Рябинин, Игорь Алексеевич – профессор, доктор наук, контр-адмирал.

Саати, Томас – выдающийся американский специалист в области исследования операций. Автор нескольких книг, переведенных на русский язык.

Сальцман, Шарль – Генеральный Секретарь (фактически первый Президент) Международной Федерации Обществ по исследованию операций, помощник Президента Франции Жоржа Помпиду.

Семенович, Владимир Сергеевич – академик АН СССР, лауреат Ленинской премии, Главный Конструктор НИИ АА, заместитель министра Минраднопрома СССР.

Семиколенов, Вячеслав Петрович – Главный инженер Главного Вычислительного Центра Министерства Морского флота.

Синица, Михаил Алексеевич – автор одной из первых в Советском Союзе статей по теории надежности.

Соколов, Игорь Анатольевич – академик РАН, директор Института Проблем Информатики РАН.

Соловьев, Александр Дмитриевич – профессор, доктор наук, лауреат Госпремии СССР, один из крупнейших советских специалистов по теории надежности. Автор многих книг по прикладным проблемам теории вероятностей.

Сорин Яков, Михайлович – талантливый организатор промышленности, один из основоположников советской школы надежности.

Татарский, Александр Михайлович – один из крупнейших советских режиссеров и художников-мультипликаторов, Заслуженный деятель искусств России.

Франкен, Петер – известный немецкий математик, сын члена Коминтерна Франкена, друга Тельмана.

Харди Крис – американский ученый, главный специалист крупнейшей американской телефонной компании Эм-Си-Ай.

Харкевич Александр Александрович – академик АН СССР, один из лидеров советской школы теории информации.

Черный, Горимир Горимирович – академик АН СССР, Директор Института механики МГУ.

Шоргин, Сергей Яковлевич – профессор, доктор наук, зам. директора Института Проблем Информатики РАН.

Щаранский, Анатолий (Натан) Борисович – известный советский диссидент, ныне государственный деятель Израиля.

Эрзя (Нефёдов), Степан Дмитриевич – выдающийся русский скульптор.

